

Источник: Ромео и Джульетта. Трагедия в пяти действиях. Перевод Д. Михаловского // Шекспир В. Полное собрание сочинений В. Шекспира в переводе русских писателей: В 3 т. / Под ред. Д. Михаловского. СПб., 1899. Т. 3. С. 43-97.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Драма «Ромео и Джульетта» была впервые напечатана въ 1597 году. Комментаторы, однакоже, предполагаютъ, что драма эта написана была гораздо ранѣе, именно около 1593 года. Переиздана была она, однакоже, не ранѣе, какъ черезъ два года послѣ перваго выхода въ свѣтъ - то-есть въ 1599 году.

Драма эта есть лучшее изъ произведеній Шекспира въ тотъ второй періодъ его обширной литературной дѣятельности, о значеніи котораго мы уже говорили въ предисловіи къ «Сну въ Иванову Ночь». Всѣ лучшія свойства Шекспирова таланта, насколько они успѣли выработаться въ этотъ свѣтлый и прекрасный періодъ жизни великаго драматурга, нашли себѣ полнѣйшее выраженіе въ «Ромео и Джульеттѣ», которая, безъ сомнѣнія, можетъ быть названа если не лучшею изъ драмъ Шекспира, зато ужъ, конечно, самымъ пластическимъ и изящнымъ изъ всѣхъ его произведеній. Источникомъ для «Ромео и Джульетты», наравнѣ съ большею частью драмъ того же періода, послужила одна изъ итальянскихъ новеллъ, которыя подъ конецъ XVI вѣка пользовались такою популярностію во всей средней и западной Европѣ и съ которыми Шекспиръ былъ такъ хорошо знакомъ въ передѣлкахъ на англійскій языкъ. Впрочемъ, критики и комментаторы Шекспира не согласны относительно того, чьею именно новеллою воспользовался онъ при созданіи основного сюжета этой привлекательнѣйшей изъ своихъ драмъ; одни говорятъ, что онъ заимствовалъ его изъ сборника новеллъ Луиджи-да-Порто; другіе – между ними самъ Дунлопъ въ своей «Исторіи Вымысла» - утверждаютъ, что онъ заимствовалъ важнѣйшія черты драматическаго сюжета изъ 32-ой новеллы Мазуччіо, которая дѣйствительно представляетъ много сходнаго, въ подробностяхъ, съ разбираемой нами драмой.

Но болѣе всего близка къ Шекспировской драмѣ новелла, которую находимъ въ сборникѣ Банделло, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Смерть двухъ несчастнѣйшихъ любовниковъ». Хотя Шекспиръ воспользовался этою новеллою не прямо, а ознакомился съ нею уже не въ передѣлкѣ Артура Брука, изданной имъ въ 1562 году подъ заглавіемъ «Romeus and Juliet», въ которой изложилъ ту же новеллу на англійскомъ языкѣ рифмованнымъ александрійскимъ стихомъ. Тѣмъ не менѣе, мы приведемъ здѣсь большое

извлеченіе изъ первоначальнаго источника, потому что Брукъ въ немъ ничего, кромѣ внѣшней формы, не измѣнилъ, и самая новелла въ томъ видѣ, въ какомъ разсказалъ ее Банделло, уже заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ драматическіе элементы, какіе встрѣчаемъ мы въ произведеніи Шекспира.

«Въ правленіе фамиліи де-ла-Скала, въ Веронѣ славились своею значительностью и богатствами два старинныхъ веронскихъ дома: Капулетти и Монтеки. Издавна уже непримиримая вражда раздѣляла оба дома и выражалась безпрестанно на улицахъ Вероны кровавыми схватками, которыя почти всегда оканчивались тѣмъ, что нѣсколько человѣкъ, съ той и съ другой стороны, оставались на мѣстѣ. Бартоломео Скала, въ то время правившій Вероной, послѣ долгихъ и тщетныхъ усилій, успѣлъ, наконецъ, вынудить враждующія партіи къ тому, чтобы онѣ, если не хотятъ мириться, по крайней мѣрѣ, не вынуждали мирныхъ гражданъ проливать кровь изъ-за своей частной вражды.

44

Дѣйствительно, на нѣкоторое время вражда обоихъ домовъ хотъ и не прекратилась, но какъ-будто затихла.

«Спустя нѣсколько времени, случилось однажды, что Антоніо Капулетти, глава всего рода Капулеттовъ, давалъ на святкахъ великолѣпный балъ и маскарадъ, на который, по городскому обычаю, могъ явиться всякій, кому бы ни вздумалось, изъ жителей Вероны. На этотъ балъ собралась большая часть всей городской молодежи, а въ числѣ другихъ явился и Ромео Монтеки, который, по общему приговору, считался лучшимъ изъ всѣхъ юношей въ Веронѣ, какъ по уму, такъ и по красотѣ, и по любезности своей.

«Ромео уже цѣлые два года сряду былъ страстно влюбленъ въ одну веронскую красавицу, за которою, однакоже, онъ совершенно напрасно ухаживалъ. Ни его постоянныя преслѣдованія, ни его вздохи, ни его письма – ничто не обращало на него вниманія гордой красавицы, которая постоянно выказывала себя совершенно равнодушной въ отношеніи къ нему и показывала видъ, будто вовсе не примѣчаетъ его страсти. Это равнодушіе и невниманіе со стороны любимой женщины до того убивали несчастнаго Ромео, что онъ сталъ худѣть, тосковать и навѣрно бы захирѣлъ окончательно, если бы наконецъ, одинъ изъ его друзей не доказалъ ему весьма положительно, что его ухаживанье за женщиною, которая его не любитъ, не можетъ ни къ чему хорошему привести, что тосковать по ней вовсе не стоитъ, а напротивъ того, слѣдуетъ употреблять всевозможныя усилія, чтобы позабыть о ней вовсе, и для этого необходимо искать всевозможныхъ развлеченій. И вотъ, по совѣту своего друга, Ромео, сталъ выѣзжать въ свѣтъ и, наконецъ, явился даже, замаскированный, на балъ въ домъ Капулетти. Пробывъ нѣсколько времени на балѣ, гдѣ хотъ и не очень были ему рады, однакоже, показывали видъ, будто его не замѣчаютъ, Ромео, не участвуя въ танцахъ, сѣлъ въ уголь, снялъ маску и сталъ разсматривать всѣхъ красавицъ,

которыя проходили во время танцевъ мимо него и также любовались необыкновенною красотою его открытаго лица, не мало дивясь тому, что Ромео рѣшился прійти въ домъ заклятаго врага всего рода Монтекки. Вдругъ попалось на глаза юношѣ прелестнѣйшее женское личико, которое, къ удивленію его, было ему вовсе неизвѣстно. Личико это такъ ему приглянулось съ перваго же взгляда, что онъ не могъ отъ него оторваться: ему казалось, что онъ никогда и нигдѣ еще не видывалъ дѣвушки милѣе и прекраснѣе это молодой незнакомки. И чѣмъ болѣе слѣдилъ за нею Ромео глазами, тѣмъ болѣе убѣждался, что онъ уже ее любитъ и любитъ такъ пламенно, что одна смерть можетъ вырвать у него эту новую страсть изъ сердца.

«Дѣвица эта, называвшаяся Юліей и понравившаяся Ромео, была дочерью Капулетти, хозяйкою дома и праздника. Она также не знала Ромео, но ей казалось, что онъ на балѣ былъ лучше всѣхъ молодыхъ людей, и она также не спускала глазъ съ Ромео – и ихъ нѣмой разговоръ имъ обоимъ проливалъ въ сердце несказанное блаженство. Когда, въ концѣ бала, Юлія, танцовавшая съ Меркуціо, большимъ острякомъ и весельчакомъ, очудилась случайно рядомъ съ Ромео, также принявшимъ участіе въ танцѣ, то разговоръ между ними тотчасъ же завязался изъ-за самаго ничтожнаго повода, и они успѣли другъ другу выказать въ немногихъ словахъ все, что наполняло ихъ сердца, хотя, повидимому, въ словахъ ихъ ничего, кромѣ обыкновенныхъ любезностей, не заключалось.

«По окончаніи бала, Ромео долго слѣдилъ за всѣми дѣвицами и старался узнать, кто эта прекрасная незнакомка – и какъ же онъ былъ опечаленъ, когда ему сообщили, что она дочь Капулетти! Но онъ чувствовалъ, что какъ ни трудно, какъ ни опасно казалось ему достиженіе цѣли, однакожъ, рана въ его сердцѣ была уже неизлѣчима!

«Съ своей стороны и Юліи очень хотѣлось узнать имя прекраснаго молодого человѣка, который произвелъ на нее столь сильное впечатлѣніе, а потому она, подозревая къ себѣ старую женщину, которая уже давно жила въ ихъ домѣ и была въ дѣтствѣ ея нянькою, подошла съ нею къ окну и, указывая поочередно то на того, то на другого, спашивала: «кто этотъ молодой человѣкъ со шпагой въ рукахъ? или – вонъ тотъ, у котораго плащъ накинутъ на правомъ плечѣ? или этотъ, который такъ размахиваетъ руками?» И добрая женщина, которая знала почти всѣхъ молодыхъ людей въ городѣ, очень охотно сообщила ей ихъ имена, прибавляя къ этимъ свѣдѣніямъ свои замѣчанія. «А какъ зовутъ вонъ того, что снялъ маску и несетъ ее въ рукахъ?» спросила, наконецъ, Юлія. «Его зовутъ Ромео Монтекки», отвѣчала ея собесѣдница: «и всѣ считаютъ его красивѣйшимъ и лучшимъ изъ всѣхъ молодыхъ людей въ Веронѣ.»

«И эта вѣсть глубоко опечалила Юлію; но потомъ ей пришла въ голову весьма утѣшительная мысль: «можетъ быть» - подумала она – «намъ предназначила судьба взаимною любовью подавить непримиримую вражду нашихъ родителей?»

«Съ того вечера Ромео, позабывъ о своей прежней любви, жилъ только мыслью о Юліи, и все придумывалъ, какъ бы ему повидаться съ нею наединѣ и объяснить ей свои чувства.

Каждый раз, как он проходил мимо ее окон и она стояла у окошка, они обменивались такими глубоко-любящими взглядами, что Ромео постоянно ощущал непреодолимое желание бродить под окнами дома Капулетти – и бродил под ними день и ночь. Надо еще заметить, что окна комнаты Юлии выходили в узенькую и пустую улицу, по которой, вообще, и ходили, и ездили очень мало, и против самых тех окон находилась по той улице полуразвалившаяся лачуга. Ромео очень часто останавливался в тени этой лачуги и оттуда смотрел на окно Юлии. И случилось однажды ночью, что, выглянув из своего окошка, она как раз заметила Ромео, который старался укрыться за углом лачуги и оттуда смотрел на нее. И она его спросила, что он делает в таком глухом месте такую поздно порою и как он не боится того, что здесь его заметят и убьют? Ромео отвечал ей на это:

«- Синьора, мне очень хорошо известно, что если бы ваши родные меня здесь встретили в такую позднюю пору, то конечно бы убили; но я стал бы защищаться от них, насколько мне велит долг чести и насколько бы позволили мои слабые силы. Но уж если мне суждено умереть от моей любви, то я желал бы лучше умереть вблизи от вас и на ваших глазах, чем вдалеке. Ваша честь при этом несколько бы не пострадала, хотя и знаю, что если бы вы меня так любили, как я вас люблю, то могли бы сделать меня счастливейшим из смертных.

«- Что же вам угодно, чтобы я сделала? Спросила Юлия.

«- Я бы желал, чтобы вы меня любили, как я сам вас люблю, и чтобы вы меня впустили в вашу комнату, где бы я свободнее мог излить предь вами все то, что наполняет мою душу!

«На это Юлия отвечала ему несколько обиженным и взволнованным голосом:

«- Ромео, вы знаете свою любовь, а я свою, и понимаю, что люблю вас даже больше, чем прилично моей чести; но я должна сказать вперед вам, что если вы думаете не о браке, то как мне ни тяжело будет жить без вас, я все же никогда не соглашусь на то, что может запятнать мою честь; если же вы хотите на мне жениться, то я готова идти за вами, куда вам угодно, и вполне вам повиноваться.

«Ромео, вне себя от восторга, отвечал ей, что он на все, из любви к ней, готов, и она изъявила желание, чтобы их повенчал ее духовник, монах Лоренцо, с которым и Ромео был также очень хорошо знаком. Этот монах, принадлежавший к ордену миноритов, был магистром богословия, большим философом и обладал не только значительным искусством и опытностью в делах светских, но и глубокими сведениями в науках, а, между прочим, в химии и магии. Он умел и народу угождать и со всею веронскою знатью был в теснейших связях, так что большая

часть ея постоянно избирала его своимъ духовнымъ отцомъ. Съ удивительнымъ искусствомъ умѣлъ онъ поддерживать связи съ родомъ Монтеки, и съ родомъ Капулетти и у тѣхъ, и у другихъ пользовался большимъ уваженіемъ.

«Когда Ромео – котораго отецъ Лоренцо зналъ съ дѣтства и очень любилъ – объявилъ ему о своемъ намѣреніи жениться на Юліи и объ ея желаніи вѣнчаться у отца Лоренцо, монахъ согласился приняться за это дѣло не только потому, что, вообще, ни въ чемъ не могъ отказать Ромео, но и потому также, что чрезъ посредство этого тайнаго союза предполагалъ примирить враждующіе роды веронской знати, а черезъ это попасть въ особенную милость къ герцогу Бартоломео де-ла-Скала.

За этимъ разсказъ новеллы продолжается совершенно въ томъ же самомъ порядкѣ, въ которомъ и дѣйствіе шекспировской драмы, съ тою только разницею, что итальянскій новеллистъ, конечно, не всегда такъ скромнень въ описаніи любовныхъ сценъ, какъ Шекспиръ, и гораздо болѣе послѣдняго вдается во множество совершенно ненужныхъ разсужденій, рѣчей и мелочныхъ подробностей, впрочемъ весьма отчетливо передающихъ намъ картину современной жизни небольшого итальянскаго города. Свадьба совершается въ кельѣ отца Лоренцо, Ромео и Юлія видятся до свадьбы только разъ и то черезъ толстую рѣшетку окна; но за то въ ночь послѣ свадьбы Ромео, въ сопровожденіи своего вѣрнаго слуги Пьетро, отправляется къ саду Капулетти, перебирается посредствомъ веревочной лѣстницы въ садъ, гдѣ уже ожидаетъ его Юлія и ея нянька. Такихъ свиданій описываетъ Банделло нѣсколько. Затѣмъ Ромео нечаянно убиваетъ въ уличной схваткѣ родственника Капулетти Теобальда и, подвергнувшись изгнанію, вынужденъ удалиться въ Мантую. Передъ отъѣздомъ туда онъ еще разъ видится съ Юліей и прощается съ ней очень трогательно. Юлія долго не хочетъ отпустить его одного и упрашиваетъ взять ее съ собой, переодѣтую въ мужское платье. Тоже самое желаніе повторяетъ она нѣсколько разъ и отцу Лоренцо, послѣ того какъ, томясь тоскою по Ромео, спѣшитъ съ нимъ свидѣться, во что бы то ни стало. Наконецъ, родные вынуждаютъ ее согласиться на бракъ съ графомъ

Парисомъ – и отецъ Лоренцо предлагаетъ свое опасное средство, на которое Юлія соглашается. У Банделло превосходно и съ большимъ знаніемъ женскаго сердца описано самое принятіе могущественнаго средства, при чемъ Юліи представляется вся картина ея погребенія и, особенно, тѣ ужасы, которые будутъ окружать ее въ старинной родовой гробницѣ, среди полуистлѣвшихъ костей и рядомъ съ трупомъ Теобальдо, который еще не успѣлъ предаться полному тлѣнію. За тѣмъ слѣдуетъ у Банделло главная катастрофа: между тѣмъ какъ мнимоумершую Юлію хоронятъ, отецъ Лоренцо посылаетъ нарочнаго къ Ромео съ подробнымъ и утѣшительнымъ извѣщеніемъ о томъ, какъ ему слѣдуетъ поступать, чтобы поскорѣ увидѣться съ любимой

супругой; но Ромео узнает обо всем прежде времени, вѣритъ слухамъ, которые дѣйствительно должны ему казаться правдоподобными, тѣмъ болѣе, что ихъ приносить ему его вѣрный Пьетро, растерявшійся не менѣе, чѣмъ и самъ Ромео. Въ неописанномъ горѣ и отчаяніи, Ромео, отправивъ впередъ Пьетро для разныхъ предварительныхъ распоряженій, покупаетъ себѣ яду и ѣдетъ въ Верону съ твердымъ намѣреніемъ лечь въ ту же гробницу, въ которую положена его дорогая супруга. Переодѣтый въ нѣмецкое платье, онъ является въ Верону, пишетъ свое завѣщаніе, которое передаетъ вѣрному Пьетро, а потомъ отправляется на кладбище, гдѣ, при помощи лома, взламываетъ каменный бокъ гробницы, ложится рядомъ съ Юліей и, оплакавъ ее въ самыхъ трогательныхъ словахъ, выпиваетъ склянку яду. Послѣ того, онъ отдаетъ послѣднія приказанія Пьетро, нѣмому и еще болѣе онѣмѣвшему отъ страха свидѣтелю этой сцены и въ послѣдній разъ цѣлуетъ Юлію. Юлія, на которую принятою ею усыпительное уже не дѣйствуетъ болѣе, просыпается именно въ эту минуту и еще застаетъ Ромео въ живыхъ. Ромео успѣваетъ еще объяснить ей, что именно привело его въ гробницу и указываетъ ей на свою смерть, какъ на послѣднее доказательство любви къ ней. Между тѣмъ какъ онъ падаетъ за мертво, является отецъ Лоренцо съ другимъ монахомъ добывать Юлію изъ гробницы – и застаетъ неожиданно ужасную сцену. Ему приходится еще услышать нѣсколько прощальныхъ словъ изъ устъ Ромео, который при немъ испускаетъ послѣднее дыханіе. Напрасно отецъ Лоренцо старается послѣ его смерти утѣшить Юлію: она прощается со всѣми, ложится рядомъ съ Ромео и вскорѣ также умираетъ. Въ эту именно минуту входитъ въ гробницу полицейскій дозоръ, захватываетъ Пьетро вмѣстѣ съ монахами и вся грустная исторія любви Ромео и Юліи доходитъ до герцога Бартоломео де-ла-Скала, который и велитъ похоронить несчастныхъ супруговъ въ одной гробницѣ, не различая ихъ и за дверями гроба.

Преданіе о несчастныхъ супругахъ еще продолжаетъ жить и доселѣ въ памяти жителей Вероны; они не только утверждаютъ, что смерть Ромео и Юліи относится къ 1303 году, но даже показываютъ развалины ихъ гробницы, о которой такъ поэтически упоминаетъ Байронъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Томасу Муру.

Изъ вышеприведеннаго сокращенія новеллы Банделло видно, какъ нельзя лучше, что именно внесено было въ драматическій сюжетъ самимъ Шекспиромъ и какъ были имъ поняты характеры Ромео и Юліи, довольно блѣдные въ новеллѣ. Съ перваго взгляда, при сравненіи новеллы съ драмой, почти нельзя замѣтить того, что прибавлено, измѣнено Шекспиромъ, потому что все, прибавленное и измѣненное имъ въ основномъ содержаніи новеллы, создано имъ въ томъ же самомъ духѣ, въ какомъ сложилась вся новелла и составляетъ не болѣе, какъ дальнѣйшее развитіе ея сюжета, которое было возможно въ такомъ грандіозномъ видѣ только при Шекспировомъ могуществѣ таланта и глубокомъ знаніи человѣческаго сердца. Замѣтнѣе всего измѣнилъ Шекспиръ конецъ новеллы, который онъ вѣроятно, нашелъ ужъ черезчуръ переполненнымъ эффектами и длиннѣйшими рѣчами людей умирающихъ или готовящихся умереть чрезъ нѣсколько минутъ. Кромѣ того, онъ вставилъ отъ себя только двѣ сцены, о которыхъ нѣтъ никакого

упоминанія въ новеллѣ, но которыми онъ весьма много способствовалъ разъясненію характеровъ Ромео и Юліи: одна изъ нихъ происходитъ въ домѣ Капулетти, когда кормилица сообщаетъ Юліи о смерти Теобальдо; другая – въ кельѣ отца Лоренцо, когда Ромео сокрушается, узнавъ о томъ, что онъ изгнанъ изъ Вероны. Обѣ сцены поставилъ Шекспиръ рядомъ съ главной катастрофой, ускоряющей развязку драмы. Кромѣ этихъ двухъ важныхъ добавленій, Шекспиръ совершенно измѣнилъ характеръ монаха Лоренцо, который, правда, въ новеллѣ очерченъ гораздо ближе къ итальянской дѣйствительности, а въ драмѣ представленъ нѣсколько идеально, но, несмотря на это, весьма хорошо отгѣняетъ своимъ строгимъ спокойно-стоическимъ характеромъ тѣ страсти и бури, которыя такъ широко бушуютъ около него; онъ почти такъ же необходимъ для всей драмы, какъ группа друзей и товарищей Ромео, созданная самимъ Шекспиромъ, необходима для того, чтобы отгѣнить характеръ Ромео. И дѣйствительно, система противоположенія, которой, какъ мы уже много разъ видѣли, Шекспиръ постоянно держится въ обработкѣ

47

своихъ драматическихъ характеровъ, здѣсь еще болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ драмахъ, удивительно удачно была примѣнена Шекспиромъ для того, чтобъ, съ одной стороны, выставить Ромео первымъ и лучшимъ среди веронской молодежи, съ другой стороны, еще ярче и рѣзче обрисовать шумную и безпокойную жизнь итальянскаго города, противопоставивъ ей спокойствіе и тишину уединенной кельи старца, который смотритъ на жизнь издали, какъ на *пиршество безумныхъ*, съ твердостью и хладнокровіемъ, достойнымъ истиннаго философа. Гервинусъ очень справедливо замѣчаетъ въ своемъ разборѣ «Ромео и Джульетты» что отецъ Лоренцо замѣняетъ въ драмѣ Шекспира хоръ древней греческой трагедіи, потому что каждое сколько-нибудь важное въ драматическомъ отношеніи событіе находитъ себѣ постоянные отзывы въ отцѣ Лоренцо.

Два главные характера драмы принадлежатъ къ числу лучшихъ драматическихъ созданій Шекспира, даже и по мнѣнію тѣхъ критиковъ, которые не преувеличиваютъ, подобно романтической школѣ, значенія и достоинства самой пьесы въ кругу остальныхъ произведеній Шекспира. Нигдѣ съ такою полною послѣдовательностью и ясностью не представилъ намъ великій драматургъ цѣлаго ряда высоко-драматическихъ моментовъ; нигдѣ въ его произведеніяхъ каждый изъ отдѣльныхъ драматическихъ моментовъ не связанъ такъ тѣсно со всѣми остальными, не является такимъ непремѣннымъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ предыдущаго, не стоитъ въ такой живой связи съ главною мыслью, отчетливо проведенной чрезъ всю драму. Но главная мысль находитъ себѣ одинаково-сильное выраженіе и въ характерѣ Джульетты, и въ характерѣ Ромео, которые достигаютъ высшей степени блаженства, потомъ страдаютъ и, наконецъ, гибнутъ только потому, что вся нравственная жизнь ихъ сосредоточивалась въ одномъ чувствѣ страстной любви, которая дѣлала

ихъ и слѣпыми, и глухими ко всему остальному. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ глубже всматриваешься въ характеры обоихъ несчастныхъ супруговъ, тѣмъ болѣе становится ясно, что они погибли не отъ обстоятельствъ, которыя окружали ихъ болѣе или менѣе преодолимыми препятствіями: причины ихъ гибели заключались уже въ самомъ могуществѣ ихъ страсти, которая совершенно подчинила ихъ своей власти, помрачала ихъ разумъ и ослабляла ихъ волю. И въ каждомъ словѣ, въ каждомъ шагѣ Ромео и Джульетты Шекспиръ умѣлъ указать намъ на эти задатки гибели, которые таятся въ самомъ характерѣ ихъ взаимной любви, и въ то же время, выставляя намъ и Ромео, и Джульетту одаренными отъ природы далеко не ничтожнымъ запасомъ характера и воли, представилъ намъ изумительно-величественный образъ всеобъемлющей, всемогущей и безконечно-продолжающейся любви.

Нечего и говорить о томъ, что вся остальная обстановка драмы вполне соответствуетъ мастерски созданнымъ характерамъ двухъ главныхъ героевъ. Изъ множества лицъ второстепенныхъ, кромѣ отца Лоренцо, товарищей Ромео, Тибальда и Париса, особенно выступаютъ характеры стараго Капулетти, отца Джульетты, и кормилицы. И въ томъ, и въ другомъ поражаетъ болѣе всего не то, что они вѣрны природѣ, не то, что они представляютъ живыхъ людей (Шекспиръ не знаетъ отвлеченныхъ созданий фантазіи), а то, что оба эти характера болѣе всѣхъ другихъ являются вѣрными почвѣ, вѣрными условіямъ жизни, въ которыя Шекспиръ поставилъ всю свою драму. Точно также вѣренъ итальянской средневѣковой дѣйствительности и весь фонъ – мрачный, рембрантовскій фонъ – той же картины, среди которой такими свѣтлыми, блестящими, почти сіяющими являются чистые и прекрасные образы двухъ несчастныхъ супруговъ.

Кромѣ помѣщеннаго въ нашемъ изданіи перевода «Ромео и Джульетты», сдѣланнаго Д. Л. Михаловскимъ для нашего четвертаго изданія, мы имѣемъ еще *шесть* полныхъ переводовъ этой трагедіи на русскій языкъ и *пять* отрывковъ изъ нея. Вотъ они:

1) Ромео и Джульетта. *Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира. Переводъ И. Росковшенко.* («Библіотека для Чтенія», 1839, т. XXXIII, № 4, отд. I, стр. 81-228.)

То же. Отдѣльное изданіе. *Москва въ типографіи В. Грачева и Комп. 1861.* (Въ 8-ую д. л., стр. I-XXVI и 1-158.)

2) Ромео и Юлія. *Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Вилліама Шекспира. Переводъ съ англійскаго М. Каткова.* («Пантеонъ», 1841 ч. I, отд. I, стр. 1-64.)

Еще прежде появленія въ свѣтъ полного перевода г. Каткова, пять отрывковъ изъ этой драмы (дѣйствіе I, явленіе V, дѣйствіе II, явленіе V, дѣйствіе III, явленіе III и дѣйствіе V, явленія I, II, III и IV) были напечатаны въ «Московскомъ Наблюдателѣ» (1838, ч. XVI,

стр. 94-95 и 385-400; ч. XVII, стр. 458-462; ч. XVIII, стр. 80-91, и 1839, ч. I, стр. 16-22); а въ «Сынъ Отечества» (1839, т VII, отд. I, стр. 15-42) было напечатано все первое дѣйствіе изъ этого перевода.

3) Ромео и Джульетта. *Драма въ пяти актахъ Виліама Шекспира. Переводъ Н. Грекова.* («Свѣточъ», 1862, кн. IV, отд. I, стр. 5-156.) Перепечатанъ, въ исправленномъ видѣ, въ 1-мъ и 2-мъ изданіяхъ «Полнаго Собранія драматическихъ произведеній Шекспира въ переводахъ русскихъ писателей».

Три отрывка изъ этого перевода (дѣйствіе I, сцена I, дѣйствіе II, сцена I, III и VI и дѣйствіе V, сцена III) были напечатаны, прежде появленія въ свѣтъ полнаго перевода, въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1859, т. СЛIII, № 1, отд. I, стр. 68-80), «Московскомъ Вѣстникѣ» (1860, № 52, стр. 851-863) и въ первомъ приложеніи къ журналу «Вѣкъ» на 1861 годъ (стр. 11-12).

4) Ромео и Джульетта. *Трагедія Виліама Шекспира. Переводъ Аполлона Григорьева.* («Русская Сцена», 1864, № 8, стр. 401-460.)

5) Ромео и Джульетта. *Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира. Переводъ А. Л. Соколовскаго.* Полное собраніе сочиненій Шекспира. Т. III. 1880. Тоже въ его изданіи всего Шекспира въ его переводахъ.

Ромео и Джульетта. *Шекспира. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера.* («Шекспиръ», 1866, ч. VI, стр. 331-437.) Прозаическій переводъ.

Кромѣ того, мы имѣемъ еще пять отрывковъ изъ этой трагедіи. Вотъ они:

1) *Сцена изъ трагедіи Шекспира «Ромео и Юлія».* Переводъ**. («Сѣверные Цвѣты», 1829, отд. II, стр. 194,) Дѣйствіе II, сцена II.

2) *Сцена изъ трагедіи Шекспира («Ромео и Юлія».* Переводъ**. («Сѣверные Цвѣты», 1830, отд. II, стр. 108-123.) Дѣйствіе III, сцена I.

3) *Сцены изъ трагедіи Шекспира «Ромео и Юлія».* Переводъ М. («Русскій Міръ», 1862, № 13, стр. 297.) Дѣйствіе II, сцены I и II.

4) Отрывокъ изъ 2-ой сцены 2-го дѣйствія. Переводъ Ѳ. Устрялова. («Сочиненія Генриха Гейне», 1864, т. III, стр. 233.)

5) *Сцена изъ трагедіи Шекспира «Ромео и Юлія».* Переводъ П. Кускова. («Заря», 1870, № 10, стр. 91.)

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЭСКАЛЪ, герцогъ Веронскій.

ПАРИСЬ, молодой патрицій, его родственникъ.

МОНТЕККИ } главы двухъ враждующихъ

КАПУЛЕТТИ } другъ съ другомъ фамилій.

Дядя Капулетти.

РОМЕО, сынъ Монтекки.

МЕРКУЦИО, родственникъ герцога, другъ Ромео.
БЕНВОЛІО, племянникъ Монтекки и другъ Ромео.
ТИБАЛЬДО, племянникъ жены Капулетти.
ЛОРЕНЦО }
ДЖІОВАННИ } францисканскіе монахи.
БАЛЬТАЗАРЪ, слуга Ромео.
АБРАМО, слуга Монтекки.
САМСОНЪ }
ГРЕГОРІО } слуги Капулетти.
ПЬЕТРО, другой слуга Капулетти.
Аптекарь.
Трое музыкантовъ.
Хоръ.
Мальчикъ.
Офицеръ.
Пажъ Париса.
Жена Монтекки.
Жена Капулетти.
ДЖУЛЬЕТТА, дочь Капулетти.
КОРМИЛИЦА Джульетты.

Веронскіе граждане, родственники и родственницы обѣихъ враждующихъ фамилій, маски,
стража и слуги.

Мѣсто дѣйствія въ Веронѣ, одна сцена V дѣйствія – въ Мантуѣ.

ПРОЛОГЪ.

Двѣ знатныя фамиліи, равно
Почтенныя, въ Веронѣ обитали,
Но ненависть терзала ихъ давно, -
Всегда онѣ другъ съ другомъ враждовали.
До бунта ихъ раздоры довели,
И руки ихъ окрасилися кровью;
Но сердца два онѣ произвели,
На зло враждѣ, пылавшія любовью,
И грустная двухъ любящихъ судьба
Старинные раздоры прекратила.
Фамилій тѣхъ свирѣпая борьба,
Влюбленныхъ смерть, любви ихъ страстной сила, -
Вотъ что мы вамъ теперь изобразимъ,
Прося у васъ на два часа терпѣнья,
И если что пропустимъ, то дадимъ
Мы къ дѣйствию на сценѣ объясненья.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Городская площадь въ Веронѣ.

Входятъ САМСОНЪ и ГРЕГОРИО\$, вооруженные мечами и щитами.

САМСОНЪ. Грегорио, я ручаюсь, что мы не позволимъ плевать намъ въ лицо.

ГРЕГОРИО. Еще бы! лицо - не плевательница.

САМСОНЪ. Я хочу сказать, что когда насъ разсердятъ, мы живо выхватимъ мечи изъ ножонъ.

ГРЕГОРИО. А покуда ты живъ - не лѣзь на рожонъ.

САМСОНЪ. Когда меня выведутъ изъ себя, я скоръ на удары.

ГРЕГОРИО. Да только не скоро тебя можно вывести изъ себя - для ударовъ.

САМСОНЪ. Всякая собака изъ дома Монтекки выводитъ меня изъ себя.

50

ГРЕГОРИО. Выйти — значитъ двинуться съ мѣста, а быть храбрымъ — значитъ стоять крѣпко; поэтому, если ты выйдешь изъ себя, то струсилъ и убѣжишь.

САМСОНЪ. Собака изъ дома Монтекки заставитъ меня стоять крѣпко; я точно въ стѣну упрусь, отбиваясь отъ каждаго мужчины или дѣвки изъ этого дома.

ГРЕГОРИО. Ну вотъ и видно, что ты — слабый рабъ: къ стѣнѣ припирають только слабѣйшихъ.

САМСОНЪ. Вѣрно; поэтому женщинъ, какъ болѣе слабые сосуды, всегда припирають къ стѣнѣ. Я буду отталкивать слугъ Монтекки отъ стѣны, а служанокъ прижимать къ стѣнѣ.

ГРЕГОРИО. Но вѣдь ссорятся-то наши господа, а мы — только ихъ слуги.

САМСОНЪ. Это все равно. Я выкажу себя тираномъ: поколотивъ мужчинъ, не дамъ пощады и дѣвкамъ: я сорву имъ головы.

ГРЕГОРИО. Сорвешь головы дѣвкамъ?

САМСОНЪ. Ну, да, или ихъ дѣвственность — понимай, какъ хочешь.

ГРЕГОРИО. Понимать должны тѣ, которыя почувствуютъ.

САМСОНЪ. Меня-то онѣ почувствуютъ; я постою за себя; я, какъ извѣстно, здоровый кусокъ мяса.

ГРЕГОРИО. Хорошо, что ты не рыба; будь ты рыбой — ты не годился бы ни къ чорту. Вынимай свой инструментъ: вонъ идутъ люди изъ дома Монтекки.

Входятъ АБРАМО и БАЛЬТАЗАРЬ.

САМСОНЪ. Мое оружіе обнажено. Начинай ссору, а я буду сзади и тебя поддержу.

ГРЕГОРИО. Да ты убѣжишь!

САМСОНЪ. Обо мнѣ не безпокойся.

ГРЕГОРИО. Да я не безпокоюсь о тебѣ, чортъ возьми! Безпокоиться о тебѣ!

САМСОНЪ. Пусть законъ будетъ на нашей сторонѣ: пусть начнутъ они.

ГРЕГОРИО. Я нахмурю брови, когда они будут проходить мимо нас; пусть они принимают это, как хотятъ.

САМСОНЪ. То-есть какъ смѣютъ. Я закушу на нихъ палецъ, и будетъ имъ срамъ, если они стерпятъ это.

АБРАМО. Это вы на насъ закусили палецъ, синьоръ?

САМСОНЪ (*обращаясь къ Грегорио*). На нашей сторонѣ будетъ законъ, если я скажу «да»?

ГРЕГОРИО. Нѣтъ.

САМСОНЪ. Нѣтъ, синьоръ, не на васъ, а просто закусилъ палецъ.

ГРЕГОРИО. Вы хотите затѣять ссору, синьоръ?

АБРАМО. Ссору? Какую ссору? Нѣтъ, синьоръ.

САМСОНЪ. Если желаете, то я къ вашимъ услугамъ, синьоръ. Я нахожусь въ услуженіи у господина, который не хуже вашего.

АБРАМО. Да и не лучше.

САМСОНЪ. Хорошо, синьоръ.

Вдали показывается БЕНВОЛІО.

ГРЕГОРИО. Признайся, что лучше. Вотъ идетъ одинъ изъ родственниковъ моего господина.

САМСОНЪ. Да, лучше, синьоръ.

АБРАМО. Ты лжешь.

САМСОНЪ. Вынимайте мечи, если вы мужчины. Грегорио, вспомни свой знаменитый ударъ. (*Дерутся.*)

Входитъ БЕНВОЛІО.

БЕНВОЛІО. Прочь, глупцы! вложите свои мечи въ ножны; вы сами не знаете, что дѣлаете. (*Выбиваетъ мечи у нихъ изъ рукъ.*)

Входитъ ТИБАЛЬДО.

ТИБАЛЬДО.

Съ мечомъ въ рукѣ, средь этихъ слугъ негодныхъ!
Поворотись, Бенволио, взгляни
На смерть свою.

БЕНВОЛІО.

Я водворяю миръ,
Не болѣе. Вложи свой мечъ въ ножны,
Иль помощи разнять мнѣ эту сволочь.

ТИБАЛЬДО.

Ты вынулъ мечъ — и говоришь о мирѣ!
Я ненавижу это слово такъ же,
Какъ адъ, какъ всѣхъ Монтекки и тебя.
Трусъ, защищайся! (*Дерутся.*)

*Входятъ разные приверженцы обѣихъ фамилій, затѣмъ сбѣгаютъ граждане,
съ палками и бердышами.*

1 - й ГРАЖДАНИНЪ .

Эй! алебардъ, дубинъ и бердышей!
Бей их! Долой Монтекки, Капулетти!

Входятъ КАПУЛЕТТИ въ шлафрокъ и его жена.

КАПУЛЕТТИ .

Что тутъ за шумъ? Подайте длинный мечъ мой!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ .

Костыль, костыль! Зачѣмъ тебѣ твой мечъ?

КАПУЛЕТТИ .

Мечъ, говорю! Идетъ старикъ Монтекки,
Своимъ клинкомъ размахиваетъ онъ,
Съ угрозой мнѣ.

Входятъ МОНТЕККИ и его жена.

51

МОНТЕККИ .

Негодный Капулетти! (женъ.)
Пусти меня!

СИНЬОРА МОНТЕККИ .

Не ступишь ты ни шагу;
Не допущу, чтобъ лѣзь ты на врага.

Входитъ ГЕРЦОГЪ со свитой.

ГЕРЦОГЪ .

Мятежники, спокойствія враги,
Свои мечи позорящіе кровью
Согражданъ! Эй! — не слышатъ?.. Люди, звѣри,
Гасящіе огонь своей вражды
Губительной пурпурными струями
Изъ жилъ своихъ! Подъ страхомъ пытки, бросьте
Оружье изъ окровавленныхъ рукъ,
И слушайте разгнѣваннаго князя.
Три раза ужъ междоусобной распрей,
Изъ пустяковъ, ты старый Капулетти,
И ты, Монтекки, нарушали миръ
На улицахъ Вероны, заставляя
Ея гражданъ, степенный снявъ нарядъ,
За бердыши старинные схватиться,

Чтобъ во враждѣ закоренѣлой вашей
Участіе принять. Когда вы снова
Осмѣлитесь нарушить тишину
На улицахъ, то жизнью своею
Отвѣтите за возмущенный миръ.
На этотъ разъ всѣ остальные пусть
Уходятъ прочь; ты, старый Капулетти,
Иди со мной, а ты, Монтекки, въ наше
Судилище явись къ намъ, пополудни,
Чтобъ выслушать дальнѣйшій нашъ приказъ.
Всѣ — прочь отсель, подѣ страхомъ смертной казни!

(Герцогъ, его свита, Капулетти съ женой, граждане и слуги уходятъ.)

МОНТЕККИ.

Кто поднялъ вновь старинную вражду?
Ты былъ ли здѣсь, когда возникла ссора?

БЕНВОЛЮ.

Нѣтъ; вашего врага и ваши слуги
Ужъ собрались, когда я подошелъ;
Я ихъ хотѣлъ разнять, но въ тотъ моментъ
Запальчивый Тибальдо появился,
Съ мечомъ въ рукѣ; онъ оскорблялъ меня,
Надъ головой своей мечомъ махая
По воздуху, который лишь свистѣлъ,
Въ отвѣтъ ему, какъ будто бы съ презрѣньемъ.
Межъ тѣмъ какъ мы обмѣнивались съ нимъ
Ударами; все болѣе стекалось
Народа съ двухъ враждующихъ сторонъ,
Чтобы принять участие въ общей свалкѣ,
Покуда ихъ не рознялъ герцогъ нашъ.

СИНЬОРА МОНТЕККИ.

Не видѣлъ ли сегодня ты Ромео?
Какъ рада я, что не было его
При этой дракѣ! Гдѣ же онъ?

БЕНВОЛЮ.

Синьора,
За часъ предѣ тѣмъ, какъ въ золотомъ окнѣ
Востока ликъ свой солнце показало,
Взволнованный я вышелъ побродить
И въ фиговой той роцѣ, что на западъ
Отъ города лежитъ, я увидалъ
Въ столь ранній часъ ходившаго Ромео.
Направился къ нему я, но, меня

Замѣтивши, онъ скрылся въ чащѣ лѣса.
Я понялъ, по себѣ судя, что онъ
Находится въ томъ состояннѣ духа,
Въ которомъ мы желаемъ тѣмъ сильнѣй
Уйти отъ всѣхъ, чѣмъ болѣе насъ ищутъ;
И, занятый самимъ собой, не сталъ
Мѣшать ему, своимъ отдавшись думамъ.
Я радъ былъ самъ избѣгнуть встрѣчи съ тѣмъ,
Кто отъ меня бѣжалъ, желая скрыться.

МОНТЕККИ.

Ужъ много разъ его видали въ рощѣ,
Въ часы утра; холодную росу
Слезами тамъ усиливаль Ромео,
И новыхъ тучъ онъ къ тучамъ прибавляль
Туманами своихъ глубокихъ вздоховъ.
Но только лишь востока дальнѣй край
Освѣтится всерадующимъ солнцемъ,
Едва оно тѣнистые покровы
Приподнимать начнетъ съ одра Авроры,
Мой грустный сынъ спѣшитъ уйти домой —
И въ комнатѣ своей одинъ запрется;
Онъ свѣтъ дневной оттуда гонитъ вонъ,
Всѣ окна тамъ онъ плотно закрываетъ
И создаетъ искусственную ночь.
До мрачнаго отчаянья Ромео
Уныніе такое доведеть,
Коль кто его совѣтомъ не спасеть,
Не устранить его тоски причину.

БЕНВОЛІО.

Вы знаете ее, мой милый дядя?

МОНТЕККИ.

Не знаю и узнать я не могу
Отъ самого Ромео.

БЕНВОЛІО.

Вы пытались
Настойчиво спрашивать его?

МОНТЕККИ.

Спрашивалъ и самъ, и чрезъ друзей,
Но въ чувствахъ здѣсь онъ самъ себѣ совѣтникъ;
Хорошій ли — не стану говорить,
Но только онъ такъ скрытенъ, недоступенъ,

Какъ почка, гдѣ сидитъ уже червякъ,
 Когда она еще не развернула
 На воздухъ прекрасныхъ лепестковъ
 И красоты не посвятила солнцу.

Когда бы намъ узнать лишь — отчего
 Тоскуетъ онъ, спасли бы мы его.

Въ отдаленіи показывается РОМЕО.

БЕНВОЛІО.

А, вотъ онъ самъ. Уйдите; — постараюсь
 Узнать его печаль, но не ручаюсь.

МОНТЕККИ.

О если бъ ты добился — чѣмъ она
 Въ немъ вызвана! Идемъ, идемъ, жена.

(Монтекки и жена его уходятъ.)

БЕНВОЛІО.

Кузень мой, съ добрымъ утромъ!

РОМЕО.

Развѣ рано?

БЕНВОЛІО.

Лишь девять.

РОМЕО.

Ахъ, печальные часы
 Такъ тянутся! То - не отецъ ли мой
 Поспѣшно такъ отсюда удалился?

БЕНВОЛІО.

Да, то былъ онъ. Что за печаль такъ длить
 Твои часы?

РОМЕО.

Отсутствіе того,
 Что придаетъ имъ быстрое теченье.

БЕНВОЛІО.

Влюбленъ?

РОМЕО.

Не то...

БЕНВОЛЮ.

Лишень любви?

РОМЕО.

Лишень
Взаимности.

БЕНВОЛЮ.

Подобная любовь,
Прекрасная по виду, быть должна
Такъ тяжела, мучительна на дѣлѣ.

РОМЕО.

Увы, любовь, хотя она слѣпа,
Безъ глазъ найдетъ, какими ей путями
Дойти до насъ и властвовать надъ нами.
Гдѣ будемъ мы обѣдать? — Горе мнѣ!
Что тутъ была за драка? Впрочемъ, нѣтъ,
Не говори: я слышалъ все; съ враждою
Сопряжено такъ много здѣсь тревогъ,
Но больше ихъ съ любовью... О, любовь
Жестокая! о любящая злоба!
Изъ ничего создавшееся нѣчто!
О, грустное веселье, суета
Серьезная, безформенный хаосъ
Красивыхъ формъ, свинцовое перо,
Блестящій дымъ, морозящее пламя,
Болящее здоровье, сонъ неспящій,
Котораго и сномъ нельзя назвать!
Такую вотъ я чувствую любовь,
Не чувствуя въ такой любви отрады.
Ты не смѣешься?

БЕНВОЛЮ.

Нѣтъ, скорѣе плачу.

РОМЕО.

О чемъ же это, добрая душа?

БЕНВОЛЮ.

О горести, твою гнетущей душу.

РОМЕО.

Причина этой горести — любовь.
Мнѣ тяжело отъ собственныхъ печалей,
И хочешь ты свою прибавить къ нимъ,
Избытокъ ихъ усиливъ состраданьемъ.
Любовь есть дымъ, поднявшійся отъ вздоховъ;
Она — огонь, сверкающій въ глазахъ
Любовниковъ; въ тревогъ, это — море,
Которое питаютъ слезы ихъ.
Что далѣе? То — хитрое безумье,
Желчь горькая, которая насъ душитъ,
И сладость, что поддерживаетъ насъ.
Прощай.

БЕНВОЛІО.

Постой, и я пойду съ тобою, —
Обидно мнѣ, когда ты такъ уйдешь.

РОМЕО.

Я потерялъ себя, я не Ромео,
Его здѣсь нѣтъ, онъ гдѣ-нибудь...

БЕНВОЛІО.

Скажи
Серьезно мнѣ: кто та, кого ты любишь?

РОМЕО.

Потребуи-ка, чтобъ челоуѣкъ больной,
Въ страданіяхъ, составилъ завѣщанье:
Какъ слово то больного поразить!
Но, мой кузень, скажу тебѣ серьезно:
Я женщину люблю.

БЕНВОЛІО.

Своей догадкой
Я въ цѣль попалъ.

РОМЕО.

О, ты стрѣлокъ искусный! —
Прекрасна та, кого я такъ люблю.

БЕНВОЛІО.

Чѣмъ лучше цѣль — попасть въ нее тѣмъ легче.

РОМЕО.

Ну, тутъ, кузень, ты промахъ далъ: въ нее
Нельзя попасть стрѣлою Купидона, —
Діаны умъ ей данъ, невинность въ ней

Защищена броней несокрушимой,
 Ей дѣтскій лукъ любви не повредитъ.
 Она къ рѣчамъ любовнымъ равнодушна,
 Нахальныхъ глазъ не можетъ выносить,
 И золотомъ, что въ искушенье вводитъ
 Порой святыхъ, ее не соблазнить.
 О, красотой она богата, — вмѣстѣ

Бѣдна она — тѣмъ, что когда умереть,
 Богатство то напрасно пропадаетъ.

БЕНВОЛІО.

Иль поклялась она остаться въ дѣвствѣ?

РОМЕО.

Да; и къ большой потерѣ поведетъ
 Бесплодное такое воздержанье:
 Вѣдь, цѣлое потомство въ ней умереть,
 Заранѣ лишась существованья.
 Она чиста, прекрасна и умна, —
 Но для того ль всѣ эти совершенства,
 Чтобъ, ввергнувши въ отчаянье меня,
 Тѣмъ въ небесахъ ей заслужить блаженство?
 Безбрачія обѣтъ она дала;
 Я умерщвленъ суровымъ тѣмъ обѣтомъ,
 Хотя живу и говорю объ этомъ.

БЕНВОЛІО.

Послушай, другъ, забудь о ней и думать.

РОМЕО.

О, научи, какъ это сдѣлать мнѣ!

БЕНВОЛІО.

Глазамъ дай волю, на другихъ красавицъ
 Вниманье обрати.

РОМЕО.

Вотъ средство — чаще
 О красотѣ ея мнѣ вспоминать!
 Такъ маски, что лица прекрасныхъ женщинъ
 Касаются, наводятъ насъ на мысль
 О красотѣ, таящейся подъ ними.

Тотъ, кто ослѣпъ, не можетъ позабыть
Сокровища утраченнаго зрѣнья.
О, покажи красавицу ты мнѣ —
Изъ ряда вонъ — и красота ея
Послужить мнѣ лишь памятною книжкой,
Гдѣ буду я читать черты другой,
Что красотой ее такъ превосходить.
Прощай; меня не можешь научить
Забвенью ты.

БЕНВОЛІО.

Я научу, иль буду
До гроба я въ долгу передъ тобой.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Улица.

Входятъ: КАПУЛЕТТИ, ПАРИСЬ и СЛУГА.

КАПУЛЕТТИ.

Такой же штрафъ наложенъ на Монтеки,
Какъ на меня; и намъ, двумъ старикамъ,
Я думаю, не трудно бы жить въ мирѣ.

ПАРИСЬ.

Обоихъ васъ глубоко уважаютъ,
И очень жаль, что длится вашъ раздоръ.
Но что же вы на сватовство мое
Мнѣ скажете?

КАПУЛЕТТИ.

То, что сказалъ ужъ прежде:
Что дочь моя едва вступила въ свѣтъ,
Ей нѣтъ еще четырнадцати лѣтъ;
Когда краса еще двухъ лѣтъ увянетъ —
Для ней пора невѣстой быть настанетъ.

ПАРИСЬ.

Есть матери моложе, чѣмъ она.

КАПУЛЕТТИ.

За то онѣ и блекнутъ слишкомъ рано.
Я всѣ мои надежды схоронилъ,
Она — одна моя надежда въ мирѣ.
Но, милый мой Парись, понравьтесь ей,

Ея любви добиться постарайтесь:
Согласіе мое заключено
Въ согласіи и выборѣ Джульетты.
Сегодня пиръ вечерній я даю,
По старому обычаю семейства,
И множество гостей я пригласилъ,
Изъ тѣхъ, кого люблю я; въ томъ числѣ
Вы будете моимъ желаннымъ гостемъ.
И я васъ жду; придите въ эту ночь
Въ мой скромный домъ, чтобъ на земныя звѣзды
Тамъ посмотрѣть, которыхъ яркій блескъ
Сіянье звѣздъ небесныхъ затмеваетъ.
Васъ у меня то наслажденіе ждетъ,
Что юноши такъ чувствуютъ весною,
Когда она, цвѣтущая, идетъ
За скучною, медлительной зимою.
Тамъ въ цвѣтникѣ изъ почекъ молодыхъ
Вы видомъ ихъ прекраснымъ насладитесь;
Прислушайтесь ко всѣмъ и присмотритесь —
И выберите лучшую изъ нихъ.
И дочь моя тамъ будетъ межъ другими
Для счета лишь: она — ничто предъ ними.
Пойдемте, графъ. (*слугъ.*) А ты скорѣй ступай
По городу; ищи и приглашай
Всѣхъ, кто вотъ здѣсь записанъ въ списокъ этомъ;

(Отдавая записку.)

Скажи, что жду ихъ съ лаской и привѣтомъ.

(Уходитъ съ Парисомъ.)

СЛУГА.

Отыскать тѣхъ, чьи имена здѣсь записаны? А тутъ написано, чтобы башмачникъ принимался за аршинъ, а портной за шило; чтобы рыбакъ орудовалъ кистью, а живописецъ — неводомъ. Меня послали найти тѣхъ, чьи имена здѣсь записаны; но мнѣ не отыскать — кто же именно записанъ тутъ. Я долженъ обратиться къ ученымъ людямъ. А, вотъ они кстати!

Входятъ РОМЕО и БЕНВОЛІО.

БЕНВОЛІО.

Одинъ огонь теряется въ другомъ,
Страданіе страданьемъ уменьшится;

Коль голова твоя идетъ кругомъ,
Заставь ее обратно закружиться;
Одна печаль другою исцѣлится:
Пусть новый ядъ въ глаза твои войдетъ —
И прежняя зараза пропадетъ.

РОМЕО.

Пользительнень тутъ придорожникъ твой.

БЕНВОЛІО.

Гдѣ? для чего?

РОМЕО.

Для поврежденной кости
Твоей ноги.

БЕНВОЛІО.

Да ты сошелъ съ ума?

РОМЕО.

Нѣтъ, не сошелъ, а хуже чѣмъ сошелъ:
Я заключенъ въ тюрьму, лишень я пищи,
Истерзанъ я, измученъ. (*Подходящему слугѣ.*) Здравствуй, милый.

СЛУГА. Здравствуйте, синьоръ. Скажите, пожалуйста, вы читать умѣете?

РОМЕО.

Мою судьбу въ несчастіи моемъ.

СЛУГА. Вы могли выучиться этому безъ книгъ, а я спрашиваю — умѣете ли вы читать то, что написано.

РОМЕО.

Да, если знаю буквы и языкъ.

СЛУГА. Вы отвѣчаете честно. Счастливо оставаться.

(*Хочетъ уйти.*)

РОМЕО.

Постой, любезный, я читать умѣю.

(*Читаетъ.*)

«- Синьор Мартино съ женою и дочерьми; графъ Ансельмо и его прекрасныя сестры; вдова синьора Витрувіо; синьоръ Плаченціо и его милыя племянницы; Меркуціо и его братъ Валентинъ; мой дядя Капулетти, его жена и дочери; моя прекрасная племянница Розалина; Ливія; синьоръ Валенціо и его кузень Тибальдо, Лючіо и веселая Елена».

Прекрасное общество. А куда оно приглашено?

СЛУГА. Наверхъ.

РОМЕО. Куда?

СЛУГА. На ужинъ, въ нашъ домъ.

РОМЕО. Въ чей это?

СЛУГА. Въ домъ моего господина.

РОМЕО. Мнѣ слѣдовало бы спросить прежде всего, кто твой господинъ.

СЛУГА. Я отвѣчу вамъ и безъ вопроса. Мой господинъ — знатный и богатый Капулетти; и если вы не принадлежите къ фамилии Монтекки, то я прошу васъ, приходите осушить стаканчикъ вина. Счастливо оставаться.

(Уходитъ.)

БЕНВОЛЮ.

На вечеръ у Капулетти будутъ
И Розалина милая твоя,
И первыя красавицы Вероны:
Иди туда и безпристрастнымъ взоромъ
Сравни ее съ другими, на кого
Я укажу, и бѣлый лебедь твой
Окажется вороною простой.

РОМЕО.

Коль ересью подобной заразятся
Мои глаза, то пусть они умрутъ;
Пускай въ огонь ихъ слезы превратятся,
Еретиковъ, отступниковъ сожгутъ!
Чтобы была красавица другая
Прекраснѣе возлюбленной моей?
Нѣтъ, — солнце, все на свѣтъ созерцающая,
Не видѣло другой подобной ей.

БЕНВОЛЮ.

Ты не видалъ еще другихъ съ ней рядомъ,
Она одна твоимъ владѣла взглядомъ;
На чашечкахъ кристальныхъ глазъ твоихъ
Взвѣсь видъ ее съ наружностью другихъ —
И красоты найдешь ты очень мало
Въ томъ, что твой взоръ донинѣ чаровало.

РОМЕО.

Пойду туда, но только не затѣмъ,
Чтобъ на другихъ красавицъ любоваться:
Я буду тамъ своею восторгаться.

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Капулетти.

Входятъ СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ и КОРМИЛИЦА.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Кормилица, гдѣ дочь моя? Зови
Ее ко мнѣ.

КОРМИЛИЦА.

Невинностью моей въ двѣнадцать лѣтъ
Клянусь, что я уже звала ее.
Ягненокъ, порхающая птичка!
О, Господи, да гдѣ жъ она? — Джульетта!

Входитъ Джульетта.

ДЖУЛЬЕТТА.

Что тамъ еще? кто кличетъ?

КОРМИЛИЦА.

Ваша мать.

ДЖУЛЬЕТТА.

Я здѣсь. Что вамъ угодно?

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Вотъ въ чемъ дѣло...
Кормилица, оставь насъ; нужно намъ
Поговорить наединѣ. — Постой, вернись.

55

Я вспомнила, что слѣдуетъ тебѣ
Присутствовать при нашемъ разговорѣ.
Ты знаешь, что Джульетта выросла...

КОРМИЛИЦА.

Ее года часъ въ часъ я сосчитаю.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Ей нѣтъ еще четырнадцати лѣтъ.

КОРМИЛИЦА.

Да, это вѣрно. Я отдать готова
Четырнадцать зубовъ моихъ, что такъ.
(Четырнадцать тутъ только для прикрасы,
Ихъ у меня всего четыре). Сколько
Осталось до Петрова дня?

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Еще
Двѣ съ небольшимъ недѣли остается.

КОРМИЛИЦА.

Ну, ровно двѣ, иль съ небольшимъ, а только
Четырнадцать исполнится ей лѣтъ
Въ канунъ Петрова дня; моей Сусаннѣ
Ровесница она, — да упокоитъ
Всѣ души христіанскія Господь!
Сусанна съ Нимъ; была я недостойна
Имѣть ее. Такъ вотъ, — я говорю,
Что въ ночь передъ Петровымъ днемъ Джульеттѣ
Исполнится четырнадцать какъ разъ.
Да, именно, я твердо это помню.
Теперь прошло одиннадцать годовъ,
Со времени землетрясенья; мы
Тогда ее отъ груди отымали.
Вѣкъ не забыть мнѣ дня того; изъ всѣхъ
Онъ дней въ году мнѣ памятнымъ остался.
Полыню я намазала соски —
И сѣла съ ней у стѣнки голубятни,
На солнышкѣ. Васъ не было въ тотъ день:
Вы въ Мантую уѣхали съ супругомъ.
(Как хороша-то память у меня!)
Когда дитя попробовало груди,
Съ полыню, и почувствовало горечь, —
Бѣдняжечка, какъ сморщилась она!
Грудь бросила, и въ этотъ самый мигъ
Вдругъ зашаталась наша голубятня.
Я — прочь скорѣй, — давай Богъ только ноги!
Съ тѣхъ поръ прошло одиннадцать годовъ -
Она тогда стоять уже умѣла.
Нѣтъ, что я! ужъ ходить могла и бѣгать,
Цѣпляясь за что-нибудь. Она
Себѣ ушибла лобикъ наканунѣ
Того же дня; а мужъ мой — весельчакъ
Покойникъ былъ — взялъ на руки ребенка
И говоритъ: «ты личикомъ упала,
А вотъ, когда ты будешь поумнѣй,
То будешь падать навзничь. — Такъ ли, Джуля?»
И дурочка, божусь вамъ, перестала
Тотчасъ же плакать и сказала: «да».
Вотъ видите, какъ шутка помогаетъ.
Хоть прожила бъ я тысячу годовъ,
Я этого бъ до гроба не забыла.
«Не такъ ли, Джуля?» онъ спросилъ; малютка

Сдержала слезы и сказала: «да».

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Довольно ужъ объ этомъ, перестань,
Пожалуйста.

КОРМИЛИЦА.

Перестаю, синьора.
Но не могу отъ смѣха удержаться,
Лишь вспомню — какъ, оставивши свой плачь,
Она сказала «да», а вѣдь, у ней
Большущая на лбу вскочила шишка —
Она ушиблась больно и навзрыдъ
Заплакала. Онъ говоритъ: «на личико
Упала ты, — когда же подростешь,
То будешь падать навзничь. Такъ ли, Джуля?»
Она сдержалась и сказала: «да».

ДЖУЛЬЕТТА.

Сдержись и ты, прошу тебя.

КОРМИЛИЦА.

Ну, ладно.
Не буду больше. Богъ тебя храни!
Изъ тѣхъ дѣтей, которыхъ я кормила,
Ты у меня была красивѣй всѣхъ.
Ахъ, если бъ мнѣ твоей дождаться свадьбы.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Объ этомъ вотъ предметъ и хочу я
Поговорить. Джульетта, дочь, скажи мнѣ,
Желаешь ли ты выйти замужъ?

ДЖУЛЬЕТТА.

Мнѣ
Не грезится объ этой чести.

КОРМИЛИЦА.

Чести!
Когда бъ не я кормилицей твоей
Единственной была, тогда бъ сказала,
Что разумъ ты всосала съ молокомъ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Ну, такъ теперь подумай о замужствѣ.
Въ Веронѣ есть почтенныя синьоры,
Ужъ матери, которыя моложе

Тебя, Джульетта; да и я сама
Давно была ужъ матерью въ тѣ лѣта,
Въ какія ты въ дѣвицахъ остаешься.
Вотъ дѣло въ чемъ: графъ молодой Парись
Твоей руки желаетъ.

КОРМИЛИЦА.

Ахъ, Джульетта,
Вотъ человѣкъ! такой-то человѣкъ,
Что равнаго нельзя найти на свѣтѣ!
Изъ воска точно вылѣпленъ!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Въ Веронѣ
Цвѣтка такого лѣтомъ не бываетъ.

56

КОРМИЛИЦА.

Да, истинно цвѣтокъ, какъ есть цвѣтокъ!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Что жъ скажешь мнѣ, Джульетта? Можешь ли
Ты полюбить его? У насъ сегодня
На вечеръ увидишь ты Париса.
Внимательно прочти тогда всю книгу
Его лица, всмотри въ его черты,
Что вписаны рукою красоты,
И примѣчай — какъ всѣ онѣ согласны
Одна съ другой; а если въ чемъ неясны
Покажутся - его глаза прочтешь:
Тогда ты все неясное поймешь.
Для полноты той книги драгоцѣнной,
Не связанной, обложка ей нужна
Такъ точно, какъ для рыбы глубина,
И красота наружная должна
Дать видъ красъ, отъ взоровъ сокровенной.
Для большинства становится цѣнный
Вся книга отъ богатства переплета;
Достоинства тутъ раздѣляютъ съ ней,
Въ глазахъ толпы, застежки, позолота;
Такъ точно все, чѣмъ обладаетъ графъ,
Раздѣлишь ты, въ союзѣ съ нимъ, нисколько
Не потерявъ того, чѣмъ обладала.

КОРМИЛИЦА.

Не потерявъ! прибытокъ тутъ одинъ —
Вѣдь, женщины толстѣютъ отъ мужчинъ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Ну, говори, Джульетта, поскорѣй
Какъ нравится тебѣ любовь Париса?

ДЖУЛЬЕТТА.

Я разсмотрю его, чтобъ полюбить,
Когда любовь тѣмъ можно возбудить,
При чемъ, смотрѣть позволю я глазамъ,
На сколько лишь угодно это вамъ.

Входитъ СЛУГА.

СЛУГА. Синьора, гости собрались, столъ для ужина накрытъ, васъ ждуть,
спрашиваютъ синьорину, кормилицу проклинаютъ въ буфетѣ. Суматоха
страшная, я долженъ итти прислуживать. Ради Бога, идите скорѣе.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Сейчасъ идемъ. — Джульетта, графъ ужъ тамъ!

КОРМИЛИЦА.

Иди, мой свѣтъ, къ твоимъ счастливымъ днямъ
Ночей тебѣ счастливыхъ я желаю.

(Уходятъ.)

СЦЕНА IV.

Улица.

Входятъ РОМЕО, МЕРКУЦИО, БЕНВОЛЮ, нѣсколько масокъ и слугъ съ факелами.

РОМЕО.

Сказать ли намъ при входѣ что-нибудь,
Иль просто такъ войти, безъ предисловія?

БЕНВОЛЮ.

Они теперь не въ модѣ; Купидонъ,
Съ повязкой на глазахъ, съ татарскимъ лукомъ
Раскрашеннымъ, предъ нами не идетъ,
Пугая дамъ, какъ пугало воронье.
Не нужно никакихъ прологовъ намъ
Съ запинками, подсказанныхъ суфлеромъ.
Пусть насъ онѣ считаютъ, чѣмъ хотятъ;
Мы только въ тактъ пройтися ихъ заставимъ
Да и уйдемъ оттуда.

РОМЕО.

Дайте факель —
Не до прыжковъ теперь мнѣ; на душѣ
Такъ тяжело; нести я факель буду.

МЕРКУЦИО.

Нѣтъ, милый мой, ты долженъ танцовать.

РОМЕО.

Я не могу; - вы въ бальныхъ башмакахъ,
На тоненькихъ подошвахъ; у меня же
Тоска лежитъ на сердцѣ, какъ свинецъ;
Она меня приковываетъ къ полу,
Я двинуться не въ силахъ.

МЕРКУЦИО.

Ты влюбленъ —
Ну, такъ займи ты крылья у Амура
И воспари высоко надъ землей.

РОМЕО.

Его стрѣлой я раненъ слишкомъ тяжко,
Чтобы парить на этихъ легкихъ крыльяхъ.
Оцѣпенѣвъ отъ горя, не могу
Подняться я надъ цѣпящимъ горемъ,
И падаю подъ бременемъ его.

МЕРКУЦИО.

Упавши съ этимъ бременемъ, ты самъ
Обременишь любовь: она нѣжна,
Не вынесетъ подобнаго давленья.

РОМЕО.

Любовь нѣжна? Нѣтъ, черезчуръ сурова,
Груба, буйна и колется, какъ тернь.

МЕРКУЦИО.

Когда любовь съ тобою такъ сурова,
То самъ ты будь съ любовію суровъ;
Коли ее, когда она колюча -
И съ ногъ собьешь, и побѣдишь любовь.
Давайте-ка футляръ мнѣ на лицо, *(надѣваетъ маску.)*
На маску — маску. Вотъ такъ образина!
Пусть надо мной смѣются, — мнѣ-то что?
Пусть за меня краснѣетъ этой хари
Нависшій лобъ.

БЕНВОЛІО.

Ну, что же? Постучимся,
Да и войдемъ.

РОМЕО.

Подайте факель мнѣ.
Пусть шалуны съ веселымъ, легкимъ сердцемъ
Ногой тростникъ бездушный шевелятъ,

57

А я, держась пословицы старинной,
Свѣтитъ вамъ буду и смотрѣть: забава
Веселая, а я — совсѣмъ пропаль.

МЕРКУЦІО.

Когда попалъ ты въ тину, то тебя
Мы вытащимъ изъ этого болота,
Изъ этой, съ позволенія сказать,
Любви, гдѣ ты увязъ по горло. Ну же,
Мы ходимъ днемъ съ огнемъ.

РОМЕО.

Ты вздоръ городишь.

МЕРКУЦІО.

Я говорю, что понапрасну жжемъ
Мы факелы свои, какъ лампы днемъ,
Не двигаясь впередъ; пойми, Ромео,
Намѣреніе доброе у насъ,
А въ этомъ смысла болѣе въ пять разъ,
Чѣмъ въ нашихъ всѣхъ способностяхъ душевныхъ.

РОМЕО.

Съ намѣреніемъ добрымъ мы идемъ
На маскарадъ, — но нѣтъ въ томъ вовсе смысла.

МЕРКУЦІО.

А почему? позволено спросить?

РОМЕО.

Въ ночь прошлую мнѣ снился сонъ.

МЕРКУЦІО.

Мнѣ — тоже.

РОМЕО.

Что жъ видѣлъ ты во снѣ?

МЕРКУЦИО.

Что очень часто
Сновидцы лгутъ.

РОМЕО.

Но истины имъ снятся.

МЕРКУЦИО.

О, вижу я, что у тебя была
Царица Мэбъ, волшебницъ повитуха.
Она совсѣмъ малютка: вся она
Не болѣе агатоваго камня
У старшины на пальцѣ; разъѣзжаетъ
На атомахъ, запряженныхъ гуськомъ,
Въ своемъ возкѣ воздушномъ, по носамъ
Людей, что спятъ. Въ его колесахъ спицы
Устроены изъ пауковыхъ ногъ,
Изъ крылышекъ кузнечиковъ — покрывка,
Изъ паутинокъ тоненькихъ — постромки,
Изъ луннаго сіянья — хомуты,
Хлысть — изъ сверчковой косточки для ручки
И пленочки тончайшей для бича.
Ея возница — крошечный комаръ
Въ кафтанѣ сѣромъ; онъ гораздо меньше
Тѣхъ червяковъ, что ползаютъ порой
По пальчику лѣнивому дѣвицы.
Ея возокъ — пустой лѣсной орѣхъ;
Устроень онъ искусницею-бѣлкой
Иль червякомъ, которые для фей
Работали издревле колесницы.
Въ такомъ-то вотъ парадѣ, по ночамъ,
Царица Мэбъ въ мозгу влюбленныхъ мчится, —
Любовные тогда имъ снятся сны;
Иль скачетъ по колѣнямъ царедворцевъ —
И грезятся имъ низкіе поклоны;
Иль у судьи по пальцамъ — и ему
Приснятся взятки; иль по губкамъ дамъ —
И грезятся тогда имъ поцѣлуи;
(Но эти губки часто злая Мэбъ
Прыщами покрываетъ за пристрастье
Ихъ къ лакомствамъ); иль по носу вельможи
Проѣдетъ — и во снѣ онъ чуетъ запахъ
Благоволенья новаго къ нему;

А иногда задѣнетъ носъ попа,
Щетинкой отъ хвоста свиньи — и тотчасъ
Другой приходъ пригрезится ему;
Порой она проѣдется по шеѣ
У спящаго солдата — и во снѣ
Онъ видитъ битвы, приступы, засады,
Испанскіе клинки, пиры и кубки
Въ пять футовъ глубиной; затѣмъ опять
Почудится ему громъ барабановъ, —
Онъ вздрогнетъ и съ проклятіемъ проснется,
Въ испугѣ, и, молитву прочитавъ,
Опять заснетъ. Она же, эта Мэбъ,
Въ ночную пору гривы заплетаетъ
У лошадей и въ грязные комки
Ихъ волосы сбиваетъ; если жъ ихъ
Распутать, то бѣда грозитъ большая.
Она же, вѣдьма, давитъ тѣхъ дѣвицъ,
Что навзничъ спятъ, заранѣ пріучая
Ихъ къ тяжести, и дѣлаетъ изъ нихъ
Хорошихъ женъ.

РОМЕО.

Да замолчишь ли ты,
Меркуціо? Вѣдь, говоришь ты вздоръ.

МЕРКУЦИО.

Да, вѣрно: я о грезахъ говорю,
Исчадіяхъ незанятаго мозга,
Изъ ничего зачавшихся въ пустой
Фантазіи. Она эѳира тоньше
Измѣнчивѣй, чѣмъ вѣтеръ, что сперва
Холодную грудь сѣвера ласкаетъ,
И вдругъ затѣмъ, разгнѣванный, летитъ
Оттуда прочь, поворотивъ лицо
Къ странамъ росой увлаженнаго юга.

БЕНВОЛІО.

И вѣтеръ тотъ сбиваетъ съ толку насъ.
Чего мы ждемъ? Тамъ, вѣрно, конченъ ужинъ
И слишкомъ поздно мы придемъ.

РОМЕО.

А я
Боюсь, что слишкомъ рано; душу мнѣ
Какое-то предчувствіе тревожитъ:
Мнѣ кажется, что надо мной виситъ

Что этотъ пиръ лишь горькое начало
Моей судьбы, и кончится она
Безвременной, насильственной смертью.
Но пусть моей ладьею править Тотъ,
Кто держитъ руль ея въ своей десницѣ.
Впередъ, синьоры.

БЕНВОЛІО.

Бейте въ барабанъ.

СЦЕНА V.

Зала въ домѣ Капулетти.

На сценѣ музыканты. Входятъ СЛУГИ.

1-ый СЛУГА. Гдѣ Потпанъ? Зачѣмъ онъ не помогаетъ убирать? Вѣдь, его дѣло перемѣнять тарелки и вытирать столы!

2-ой СЛУГА. Когда вся чистая работа лежитъ на рукахъ только одного или двухъ человѣкъ и эти руки не умыты, выходитъ только грязь одна.

1-ый СЛУГА. Прочь эти складные стулья, отодвиньте этотъ буфетъ, да присматривайте за посудой. — Пожалуйста, побереги мнѣ кусочекъ марципана, да будь другъ: вели привратнику пропустить сюда Сусанну и Ленору. — Антонъ! Потпанъ!

3-ий и 4-ый СЛУГИ. Здѣсь! Сейчасъ!

1-ый СЛУГА. Васъ ищутъ, зовутъ, ждуть, требуютъ въ залѣ!

3-ий СЛУГА. Мы не можемъ быть и тутъ, и тамъ въ одно время. Живо, ребята, пошевеливайтесь. Кто дольше проживетъ, тотъ все заберетъ.

*Входятъ: КАПУЛЕТТИ, его Дядя, СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ,
ДЖУЛЬЕТТА, КОРМИЛИЦА, гости и РОМЕО, съ масками.*

КАПУЛЕТТИ.

Пожалуйте, привѣтъ вамъ, господа.
Всѣ дамы, у которыхъ на ногахъ
Мозолей нѣтъ, попляшутъ съ вами. А,
Сударыни! посмотримъ — кто изъ васъ
Откажется отъ танцевъ; если станетъ
Жеманиться которая-нибудь,
То поклянусь, что есть у ней мозоли.
Не правда ли, я ловко васъ поддѣлъ?
(Маскамъ.) Привѣтъ мой вамъ, синьоры! —
Было время,

Когда и я красавицамъ въ ушко
Нашептывалъ плѣнительныя рѣчи,
Подъ маскою. Оно уже прошло,
Прошло, прошло. (*къ Ромео и маскамъ.*)
Я радъ вамъ, господа.
Ну, музыканты, начинать! — прошу
Раздвинуться; дѣвицы, танцовать!

Музыка. Гости танцуютъ.

(*Слугамъ.*)

Эй вы, болваны, свѣта больше! прочь
Столы! Огонь въ каминѣ погасить:
И безъ него тутъ стало слишкомъ жарко.
Вотъ подлинно, что кстати подошла
Нежданная забава. (*Дядя.*) Нѣтъ, сиди,
Сиди, мой добрый дядя; время танцевъ
Прошло для насъ съ тобою. Какъ давно
Въ послѣдній разъ мы надѣвали маски?

Дядя КАПУЛЕТТИ.

Навѣрное, лѣтъ тридцать.

КАПУЛЕТТИ.

Что ты, полно!
Не можетъ быть, чтобъ такъ давно; со свадьбы
Люченціо прошло лѣтъ двадцать пять,
Не болѣе, когда бъ ни приходился
День Троицы. Въ послѣдній разъ тогда
Мы были въ маскахъ.

Дядя КАПУЛЕТТИ.

Больше; сынъ его
Гораздо старше: тридцать лѣтъ ему.

КАПУЛЕТТИ.

Толкуй! вѣдь, сынъ назадъ тому два года
Еще имѣлъ опекуна.

РОМЕО (*слугъ*).

Кто эта дама,
Что подала тому мужчинѣ руку?

СЛУГА. Не знаю, синьоръ.

РОМЕО.

Свѣтильники померкли передъ нею;
Какъ на сергѣ нубіянки алмазь,

Она во тьмѣ блеститъ красой своею,
Безцѣнною, доступной лишь для глазъ,
Не созданныхъ для обладанья ею.
Красавица толпой окружена:
Какъ бѣлая голубка тамъ она,
Когда вокругъ вороны соберутся.
Пусть лишь она окончитъ танецъ свой —
Я подойду, чтобъ грубою рукой
Ея руки божественной коснуться.
Любилъ ли я когда до этихъ поръ?
О, отрекись отъ этого, мой взоръ!
Вѣдь, истинныхъ красавицъ эти очи
Не видѣли до настоящей ночи.

ТИБАЛЬДО (*прислушиваясь*).

По голосу, Монтекки это. — Мальчикъ!
Подай, мой мечъ! Какъ! негодяй дерзнулъ
Войти сюда, подъ шутовскою маской,
Чтобъ надъ семейнымъ нашимъ празднествомъ
Нахально такъ и нагло издѣваться!
Клянуся честью рода моего,
Я не сочту грѣхомъ — убить его!

КАПУЛЕТТИ.

Изъ-за чего бушуешь ты, племянникъ?
Въ чемъ дѣло?

ТИБАЛЬДО.

Дядя, это вотъ — Монтекки,
Нашъ врагъ, подлецъ, забравшійся сюда,

59

Чтобы надъ нашимъ праздникомъ глумиться.

КАПУЛЕТТИ.

Ромео этотъ юноша?

ТИБАЛЬДО.

Да, онъ, -
Онъ, негодяй Ромео.

КАПУЛЕТТИ.

Успокойся,
Оставь его, не задѣвай; вѣдь, онъ

Ведеть себя, какъ должно дворянину;
И, говоря по правдѣ, вся Верона
Гордится имъ, какъ юношею честнымъ
И хорошо воспитаннымъ, — и я
За всѣ богатства города Вероны,
Не допущу, чтобъ въ домъ у меня
Нанесена ему была обида.
Итакъ, сдержись, не замѣчай его:
Я такъ хочу. Когда ты уважаешь
Желанія мои, то видъ веселый
Прими, не хмурься, — это неумѣстно
На праздникъ.

ТИБАЛЬДО.

Какъ разъ умѣстно, если,
Въ числѣ гостей, забрался негодяй
И выносить его я не желаю.

КАПУЛЕТТИ.

Перенесешь. Заносчивый мальчишка!
Я говорю, перенесешь. — Ступай,
Кто здѣсь хозяинъ: я иль ты? ступай!
Переносить его ты не желаешь!
О, Господи! переполохъ ты хочешь
Произвести среди моихъ гостей?
Затѣять шумъ? Довольно, будь мужчиной.

ТИБАЛЬДО.

Но, дядя, это стыдъ.

КАПУЛЕТТИ.

Ступай, ступай
Ты - дерзкій мальчикъ. Стыдно? въ самомъ дѣлѣ?
Не доведетъ задоръ твой до добра.
Перечить мнѣ! Какъ разъ нашель ты время.

(Обращаясь къ гостямъ.)

Отлично вы сказали. *(Къ Тибальду.)* Ну, ступай,
Молокосось, да не шуми, иначе...

(Слугамъ.)

Прибавьте свѣчь! *(Тибальду.)* Ну какъ тебѣ не стыдно!
Я усмирю тебя! *(гостямъ.)* Ну, веселѣ,
Мои друзья!

ТИБАЛЬДО.

Невольное терпѣнье

И вольный гнѣвъ приходятъ въ столкновение,
И тѣло все мое отъ нихъ дрожить.
Привѣтливый принять я долженъ видѣ —
И съ наглостью на время примириться;
Но въ желчь мое терпѣнье превратится!

РОМЕО (*Джульетта*).

Когда моей рукою недостойной
Я могъ твоей святыню оскорбить,
Позволь губамъ моимъ, двумъ пилигриммамъ,
Мой сладкій грѣхъ лобзаньемъ искупить.

ДЖУЛЬЕТТА.

Но, пилигриммъ, невелика вина
Твоей руки: въ ней набожность видна;
Паломникамъ позволено руками
Съ молитвою касаться рукъ святыхъ,
И жмутъ они другъ другу руку сами,
Пожатіе руки — лобзанье ихъ.

РОМЕО.

Но, кромѣ рукъ, даны и губы имъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Да, — чтобъ читать молитвы, пилигриммъ.

РОМЕО.

О, если такъ, то, милая святая,
Позволь губамъ молиться, подражая
Моей рукѣ; даруй ей благодать,
Чтобъ вѣры мнѣ своей не потерять.

ДЖУЛЬЕТТА.

Недвижными святыя пребываютъ,
Хоть милость за молитву посылаютъ.

РОМЕО.

Не двигайся жъ, пока не испросилъ
Я милости молитвами своими...

(*Цѣлуетъ ее.*)

Ну, вотъ, теперь я прегрѣшенье смылъ,
Соединивъ мои уста съ твоими.

ДЖУЛЬЕТТА.

И на моихъ устахъ твой грѣхъ лежитъ.

РОМЕО.

Какъ мило ты на это негодуешь!
Отдай его назадъ, коль тяготить.

(Цѣлуетъ ее снова.)

ДЖУЛЬЕТТА.

Ты, пилигриммъ, по требнику цѣлуешь.

КОРМИЛИЦА *(подходя)*.

Вась матушка зоветъ. *(Джульетта уходитъ.)*

РОМЕО.

А кто она?

КОРМИЛИЦА.

Не знаете? Богъ мой! хозяйка дома;
И добрая, и умная такая
Синьора; я кормила дочь ея,
Ту самую, съ которою сейчасъ
Вы говорили; и могу увѣрить,
Что тотъ, кому достанется она,
И денежки хорошія получить.

РОМЕО.

Итакъ, она — дочь Капулетти? Плохо!
Теперь вся жизнь моя въ рукахъ врага.

60

БЕНВОЛІО *(подходя)*.

Идемъ, идемъ, окончилась забава.

РОМЕО.

Окончилась; я этого боюсь,
Съ спокойствіемъ моимъ я расстаюсь.

КАПУЛЕТТИ.

Нѣтъ, господа, пока не уходите:
Кой чѣмъ еще васъ надо угостить.
Нельзя? — Такъ я благодарю всѣхъ васъ,
Благодарю васъ отъ души, синьоры.
Спокойной ночи! — Факелы сюда!
Теперь — въ постель: спать хочется. Ужъ поздно.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Джульетты и кормилицы.)

ДЖУЛЬЕТТА.

Поди сюда, кормилица. Скажи —
Кто господинъ вонъ тотъ?

КОРМИЛИЦА.

Сынъ и наслѣдникъ
Тиберию.

ДЖУЛЬЕТТА.

А тотъ, что въ дверь выходитъ?

КОРМИЛИЦА.

Мнѣ кажется, Петрукъ молодой.

ДЖУЛЬЕТТА.

А тотъ, что вслѣдъ идетъ за нимъ, который
Не танцоваль?

КОРМИЛИЦА.

Не знаю.

ДЖУЛЬЕТТА.

Разузнай,
Кто онъ такой. *(Кормилица уходитъ.)* О, если онъ женатъ,
То гробъ одинъ мнѣ будетъ брачнымъ ложемъ.

КОРМИЛИЦА *возвращается.*

КОРМИЛИЦА.

Онъ вашего врага Монтекки сынъ
Единственный; зовутъ его Ромео.

ДЖУЛЬЕТТА.

Среди моей единственной вражды
Любовь моя единая возникла.
Не во время узнала я, кто онъ;
Не во время его я увидала!
Не приведетъ къ добру любовь моя:
Въ заклятаго врага влюбилась я.

КОРМИЛИЦА.

Что? что ты тамъ?

ДЖУЛЬЕТТА.

Стихи припоминаю,
Которымъ научилъ меня одинъ
Изъ кавалеровъ.

(За сценою зовутъ: Джульетта!)

КОРМИЛИЦА.

Мы идемъ! сейчас! —
Пойдемъ, пора, всѣ гости разошлись.

(Уходятъ.)

Входитъ ХОРЪ.

ХОРЪ.

Страсть прежняя внезапно охладѣла,
И новая ее смѣнила страсть;
Та, что Ромео сердцемъ овладѣла,
Утратила надъ этимъ сердцемъ власть;
Ея краса красой быть перестала
Въ его глазахъ, — и полюбилъ онъ вновь:
Джульетта взоръ его очаровала,
Онъ самъ любимъ, — опасная любовь!
Какъ врагъ семьи Джульетты, онъ не смѣетъ
Войти къ ней въ домъ, съ признаніемъ своимъ;
И никакой надѣжды не имѣетъ
Она на то, чтобъ повстрѣчаться съ нимъ.
Но случаи имъ время посылаетъ,
И пылъ любви имъ мужество даетъ
Для встрѣчъ, — и мигъ блаженства утѣшаетъ,
И сладкую отраду въ сердце льетъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Открытое место, примыкающее къ саду Капулетти.

Входитъ РОМЕО.

РОМЕО.

Могу ль уйти, когда я сердцемъ здѣсь?
Вернись назадъ, тяжелый прахъ, найди
Свой центръ.

(Перелъзаетъ черезъ стѣну сада).

Входятъ БЕНВОЛІО и МЕРКУЦІО.

БЕНВОЛІО.

Кузень Ромео! эй, Ромео!

МЕРКУЦІО.

Я поклянусь, что онъ ушелъ домой

И легъ въ постель.

БЕНВОЛІО.

Онъ побѣжалъ сюда
И перелѣзь чрезъ эту стѣну сада.
Зови его, Меркуціо.

МЕРКУЦІО.

Я буду
Не только звать, но даже заклинать.
Ромео! страсть, влюбленный, сумасшедшій,
Блажной! явись предъ нами въ видѣ вздоха,
Произнеси хоть риѳму — «кровь, любовь»,
Хоть слово въ честь болтушки Афродиты,
Иль прозвище смѣшное дай ея
Наслѣднику и сыну Купидону,
Проказнику-мальчишкѣ, что такъ ловко
Стрѣлу пустилъ, что царь Кофетуа
Вдругъ въ нищую влюбился. — Онъ не слышитъ,
Не движется, — скончалась обезьяна!

61

И заклинать его я принужденъ.
Явись же намъ; тебя я заклинаю
Блестящими глазами Розалины,
Ея челомъ, пурпурными устами
И ножкою, и трепетнымъ бедромъ,
И всѣмъ, что тамъ найдется по сосѣдству, —
Предстань предъ нами въ образъ своемъ!

БЕНВОЛІО.

Разсердится, когда тебя услышитъ.

МЕРКУЦІО.

Изъ-за чего? — Онъ могъ бы разсердиться,
Когда бы я въ ея волшебный кругъ
Заключеніемъ другого духа вызвалъ
И тамъ его оставилъ до тѣхъ поръ,
Пока она бъ его не отогнала;
Резонъ бы былъ; мое жъ зачатъе честно:
Я, именемъ возлюбленной Ромео,
Явится намъ Ромео заклинаю.

БЕНВОЛІО.

Онъ скрылся здѣсь, среди деревьевъ этихъ,
Ушелъ во мракъ холодной, влажной ночи:
Любовь слѣпа и любить быть во тьмѣ.

МЕРКУЦИО.

Когда бъ слѣпа была, то не могла бы
И въ цѣль попасть. Онъ гдѣ-нибудь сидитъ
Тутъ подъ кустомъ кизиловымъ, мечтая
О милой. — Эй, Ромео! Я желаю,
Чтобъ она... et cetera... Прощай,
Спокойной ночи! Ну, а я — на койку;
Спать на землѣ — ужъ слишкомъ холодно!
Идемъ ли, что ль?

БЕНВОЛИО.

Идемъ, — совсѣмъ напрасно —
Искать того, кто прячется отъ насъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Садъ Капулетти.

Входитъ РОМЕО.

РОМЕО.

Надъ ранами смѣется только тотъ,
Кто не бывалъ еще ни разу ранень.

(Джульетта показывается у окна.)

Но, тише, что за свѣтъ въ ея окнѣ?
Оно — востокъ, и въ немъ Джульетта — солнце.
Всходи, всходи, прекрасное свѣтило,
И свѣтъ луны завистливой затми;
Она уже отъ скорби поблѣднѣла,
Завидуя, что ты, ея слуга,
Ее красой далеко превосходишь.
Не будь ея слугою; вѣдь, она —
Завистница и дѣвственная риза
Весталки — и безцвѣтна, и блѣдна, —
Безумнымъ лишь носить ее прилично.
О, брось ее... Да, то моя любовь,
Владычица; когда бъ она то знала!
Вотъ говоритъ она, иль нѣтъ, еще
Не говоритъ; такъ что же? Говорятъ
Ея глаза, — я отвѣчать имъ буду.
Я слишкомъ смѣль: не для меня ихъ рѣчь.

Двѣ самыя прекрасныя звѣзды
Изъ сферъ своихъ желаютъ отлучиться,
И просятъ, чтобъ ея глаза, на время,
На небесахъ свѣтили вмѣсто ихъ.
Что если бы и вправду эти звѣзды
Въ ея лицѣ сіяли вмѣсто глазъ,
Ея жъ глаза смѣнили ихъ на небѣ?
Ея лица сіянье эти звѣзды
Затмило бы, какъ лампу свѣтъ дневной,
А въ небесахъ такой бы яркій свѣтъ
Ея глаза потокомъ изливали,
Что птицы, ночь принявъ за свѣтлый день,
Запѣли бы. Вотъ на руку щекой
Склонилася она... какъ я желалъ бы
Перчаткой быть на этой бѣлой ручкѣ,
Чтобы щеки ея касаться мнѣ!

ДЖУЛЬЕТТА.

О, горе мнѣ!

РОМЕО.

Вотъ, говоритъ она.
О, продолжай, мой ангелъ лучезарный!
Ты въ тьмѣ ночной надъ головой моей
Сіяешь, какъ небесъ крылатый вѣстникъ,
Когда въ своемъ полетѣ облака
Въ воздушномъ онъ пространствѣ обгоняетъ,
И смертные, вверхъ закативъ глаза
И опрокинувъ голову, глядятъ
На ангела оцѣпенѣвшимъ взоромъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Ромео! Для чего Ромео ты?
О, отрекись отъ своего отца,
Отъ имени; а если не желаешь,
То поклянись лишь мнѣ въ своей любви —
И я тогда не буду Капулетти.

РОМЕО (*самъ себѣ*).

Отвѣтить мнѣ или еще послушать?

ДЖУЛЬЕТТА.

Лишь именемъ своимъ ты врагъ мнѣ, но
Самъ по себѣ ты вовсе не Монтекки.
Монтекки... но что значить это имя?
Оно, вѣдь — не рука и не нога,

Оно — не часть какая-либо тѣла.
 О, выбери себѣ другое имя;
 Что въ имени? Какъ розу ни зови —
 Въ ней аромать останется все тотъ же:
 Такъ и Ромео съ именемъ другимъ
 Останется все такъ же совершеннымъ.
 Разстанься же ты съ именемъ своимъ,
 Ромео, и, въ замѣнъ за это имя,
 Въ котормъ нѣтъ твоей и части, всю
 Меня возьми!

РОМЕО.

Ловлю тебя на словѣ.
 Лишь назови меня своей любовью —
 И заново я буду окрещенъ
 И навсегда свое утрачу имя.

ДЖУЛЬЕТТА.

Кто ты такой, сокрытый мракомъ ночи,
 Подслушавшій признанія мои?

РОМЕО.

Не смѣю я сказать тебѣ, кто я
 По имени, о милая, святая:
 То имя мнѣ, какъ врагъ твой, ненавистно!
 Я бѣ разорвалъ его, когда бѣ его
 Написаннымъ увидѣлъ на бумагѣ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Ты не сказалъ еще двухъ словъ, какъ я,
 По голосу, тебя уже узнала.
 Ромео ты? Монтекки?

РОМЕО.

Не Ромео
 И не Монтекки, если отвращенье
 Ты чувствуешь къ обоимъ именамъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Какъ ты сюда пробрался и зачѣмъ?
 Какъ перелѣзть ты могъ чрезъ стѣну сада
 Высокую и гладкую? И смерть
 Тебѣ, когда кто изъ моихъ родныхъ

Тебя найдеть здѣсь.

РОМЕО.

Черезъ эту стѣну
Перелетѣлъ я на крылахъ любви.
Оградою изъ камня невозможно
Сдержать любовь, — она на все готова, —
Твои родные — не помѣха мнѣ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Они тебя убьютъ, когда увидятъ.

РОМЕО.

Твои глаза опаснѣй для меня,
Чѣмъ двадцать ихъ мечей; взгляни лишь съ лаской —
И злоба ихъ мнѣ будетъ ни по чемъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Я ни за что бѣ на свѣтѣ не желала,
Чтобы они увидѣли тебя.

РОМЕО.

Отъ взоровъ ихъ я скрыть покровомъ ночи.
Но пусть они меня застанутъ здѣсь,
Лишь бы меня любила ты; пусть лучше
Жизнь кончится моя отъ злобы ихъ,
Чѣмъ безъ твоей любви она продлится.

ДЖУЛЬЕТТА.

Кто показаль тебѣ сюда дорогу?

РОМЕО.

Моя любовь: она меня вела
И подала совѣтъ мнѣ; я за это
Снабдилъ ее глазами. Я — не кормчій,
Но если бы ты отъ меня была
Такъ далеко, какъ самый дальній берегъ
Невѣдомыхъ морей, то за такимъ
Сокровищемъ я бѣ смѣло въ путь пустился.

ДЖУЛЬЕТТА.

Мое лицо покрыто маской ночи,
Иначе бѣ ты увидѣлъ — какъ оно
Зардѣлось отъ стыда за тѣ слова
Признанія, что ты сейчасъ подслушалъ.
Желала бѣ я приличье соблюсти,
Желала бы, желала бы отречься

Отъ словъ своихъ, — но прочь такая ложь!
Ты любишь ли меня? Впередъ я знаю,
Что скажешь «да», и слова твоего
Довольно мнѣ. Когда бъ ты въ томъ поклялся,
То, все равно, ты могъ бы обмануть, —
Вѣдь, говорятъ, надъ клятвами влюбленныхъ
Смѣется Зевсъ. О, милый мой Ромео,
Когда меня ты любишь, это мнѣ
Ты искренно скажи; когда жъ находишь,
Что слишкомъ я поспѣшно отдаюся,
То я приму сердитый видъ, нахмурюсь
И на твои мольбы отвѣчу «нѣтъ».
Да, признаюся, я слишкомъ безразсудна,
И вѣтренной меня ты можешь звать.
Но вѣрь ты мнѣ, прекрасный мой Монтеки,
Что окажуся я вѣрнѣе тѣхъ,
Которыя искуснѣе умѣютъ
Казаться неприступными; и я
Сама была бы менѣ доступна,
Когда бъ меня ты не засталъ врасплохъ
И истинной любви моей признанья
Не услыхалъ. Итакъ, прости меня
И не считай сговорчивости этой
За вѣтренность въ любви: мою любовь
Лишь ночи тьма неожиданно такъ открыла.

РОМЕО.

Клянусь луной, что точно серебромъ
Осыпала верхи деревьевъ этихъ...

ДЖУЛЬЕТТА.

Нѣтъ, не клянись измѣнчивой луной,
Мѣняющей свой образъ каждый мѣсяцъ,
Чтобы твоя любовь, подобно ей,
Измѣнчивой не оказалась.

РОМЕО.

Чѣмъ же
Поклясться мнѣ?

ДЖУЛЬЕТТА.

Не нужно вовсе клятвъ;
Иль, если ты желаешь дать мнѣ клятву,
То собственнымъ прекраснымъ существомъ
Клянись; ты — мой божественный кумиръ,
И я тебѣ повѣрю.

РОМЕО.

Если сердца
Завѣтная любовь...

63

ДЖУЛЬЕТТА.

Нѣтъ, не клянись.
Хоть рада я твоей любви, но этот
Обѣтъ ночной не радуетъ меня:
Онъ слишкомъ скоръ, внезапенъ, опрометчивъ,
И слишкомъ онъ на молнію похожъ,
Которая, сверкнувъ, исчезнетъ прежде,
Чѣмъ скажемъ мы, что молнія блеситъ.
Мой дорогой, прощай, пусть эта почка
Любви въ цвѣтокъ прекрасный развернется,
Ко времени ближайшей нашей встрѣчи.
Прощай, спокойной ночи! Пусть тотъ миръ
И тотъ покой въ твое волюются сердце,
Которыми наполнено мое.

РОМЕО.

И ты уйдешь, меня не успокоивъ?

ДЖУЛЬЕТТА.

Какого же успокоенья хочешь
Ты въ эту ночь?

РОМЕО.

Твоей любовной клятвы.

ДЖУЛЬЕТТА.

Но я дала ужъ эту клятву прежде,
Чѣмъ ты просилъ о ней. А все же я
Желала бы имѣть ее въ запасъ.

РОМЕО.

Ты хочешь взять ее назадъ?
Зачѣмъ, мой другъ?

ДЖУЛЬЕТТА.

Чтобъ щедрой быть и снова
Отдать ее тебѣ. Однако я
Хочу того, чѣмъ я ужъ обладаю:

Для щедрости моей предѣловъ нѣтъ,
И глубока моя любовь, какъ море;
И чѣмъ тебѣ я больше отдаю,
Тѣмъ у меня ихъ больше остается, —
Имъ нѣтъ конца.

(За сценой слышенъ голосъ кормилицы, которая зоветъ Джульетту.)

Меня зовутъ. Прощай,
Мой дорогой. — Сейчасъ иду я, няня!..
Будь вѣренъ мнѣ, Монтекки милый мой.
Постой еще минутку: я вернусь.

(Отходитъ отъ окна.)

РОМЕО.

Блаженная и сладостная ночь!
Но это все — не грезы ли ночныя,
Столь сладкія и чудныя, что имъ
Въ дѣйствительность нельзя преобразиться?

ДЖУЛЬЕТТА.

Ромео, два-три слова — и прощай.
Когда любовь твоя честна и если
Намѣренъ ты вступить со мною въ бракъ,
То завтра мнѣ отвѣтъ свой передай, —
Черезъ того, кого къ тебѣ пришлю я, —
Гдѣ и когда вѣнчальный нашъ обрядъ
Ты совершить желаешь. Я тогда
Мою судьбу къ твоимъ ногамъ повергну
И за тобой властитель мой, пойду
Въ широкій міръ.

КОРМИЛИЦА *(за сценой)*.

Синьора!

ДЖУЛЬЕТТА.

Я иду!
Но если ты не искренень, то я
Молю тебя...

КОРМИЛИЦА *(за сценой)*.

Синьора!

ДЖУЛЬЕТТА.

Я сейчасъ!
Молю тебя ухаживанье бросить —
И съ горестью моей оставь меня.

Итакъ, пришлю я завтра.

РОМЕО.

Я блаженствомъ
Моей души...

ДЖУЛЬЕТТА.

Прощай, спокойной ночи
Желаю я тебѣ сто разъ.

РОМЕО.

Мнѣ ночь
Сто разъ мрачнѣй безъ твоего сіянья.
Какъ школьники спѣшать уйти отъ книгъ,
Такъ радостно любовь къ любви стремится.
Какъ школы видъ печалитъ взоръ ихъ,
Такъ тяжело ей съ любовью разлучиться.

(Уходитъ.)

ДЖУЛЬЕТТА *(снова показываясь у окна)*.

Ромео! тшъ! Зачѣмъ не обладаю
Я голосомъ сокольникаго, чтобы
Мнѣ сокола обратно приманить?
Не смѣетъ громко говорить неволя,
Иначе - гротъ разрушила бы я,
Гдѣ эхо спитъ; воздушный этотъ голосъ
Тогда бы сталъ слабѣ моего,
Отъ повторенья имени Ромео.

РОМЕО *(возвращаясь)*.

То милая моя зоветъ меня...
Какъ сладостно звучать слова влюбленныхъ
Въ ночной тиши, лелѣя нѣжно слухъ,
Какъ музыка!

ДЖУЛЬЕТТА.

Ромео!

РОМЕО.

Дорогая!

ДЖУЛЬЕТТА.

Въ которомъ же часу должна я завтра
Прислать къ тебѣ?

РОМЕО.

Поутру къ девяти.

ДЖУЛЬЕТТА.

Не пропущу назначеннаго часа.
Какъ долго ждать! какъ будто двадцать лѣтъ.
Забыла я — зачѣмъ тебя вернула.

64

РОМЕО.

Позволь же мнѣ остаться здѣсь, пока
Не вспомнишь ты.

ДЖУЛЬЕТТА.

Желая, чтобъ остался
Ты дольше здѣсь, я буду забывать
И думать лишь о томъ, какъ мнѣ пріятно
Съ тобою быть.

РОМЕО.

А я стоять здѣсь буду,
Чтобы продлить забвеніе твое,
Забывъ, что есть мѣста другія въ мірѣ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Почти ужъ утро, и желала бъ я,
Чтобъ ты ушелъ — не дальше, впрочемъ, птички,
Которую, какъ узника въ цѣпяхъ,
На ниточкѣ изъ шелка выпускаетъ
Мальчишка-плутъ изъ рукъ своихъ и вновь
Ее къ себѣ за эту нитку тянетъ,
Ревнуня къ волѣ плѣнницу свою.

РОМЕО.

Желалъ бы я твоею птичкой быть.

ДЖУЛЬЕТТА.

И я желала бъ этого, мой милый, —
Но ласками замучила бъ тебя.
Прощай, прощай; минуты разставанья
Исполнены столь сладкаго страданья,
Что я тебѣ до самаго утра
Готова бы желать спокойной ночи.

(Уходитъ.)

РОМЕО.

Пусть крѣпкій сонъ глаза твои закроетъ,
Въ твоей груди пусть водворится миръ.
О если бъ я былъ этимъ сномъ и миромъ!
Теперь пойду къ духовному отцу,
Ему свое я счастье открою
И попрошу о помощи его.

(Уходитъ.)

СЦЕНА III.

Келья монаха Лоренцо.

Входитъ Лоренцо.

Лоренцо.

Съ улыбкою на сумрачную ночь,
Пестря востокъ, глядятъ глаза денницы;
Пятнистый мракъ, спѣша, уходитъ прочь
Отъ огненной Титана колесницы.
Покуда взоръ свѣтила огневой
Не выглянулъ, чтобъ встрѣтить день привѣтомъ,
Покуда онъ еще росы ночной
Не осушилъ своимъ горячимъ свѣтомъ, —
Должна моя корзина до краевъ
Наполниться, — мнѣ нужно торопиться
Набрать въ нее цѣлительныхъ цвѣтовъ
И травъ, гдѣ ядъ губительный таится.
Природа вся землею создана;
Земля для ней утроба и могила,
И много чадъ произвела она
И на своей груди, затѣмъ, вскормила.
Въ ихъ качествахъ и свойствахъ много благъ,
И чѣмъ-нибудь полезны всѣ творенья;
Есть много силъ въ растеніяхъ, травахъ,
Всѣ разное имѣютъ назначенье.
Столь низкого нѣтъ въ мірѣ ничего,
Что бъ какъ-нибудь ко благу не служило,
Иль добраго настолько, чтобъ его
Полезныхъ свойствъ ничто не измѣнило.
Добро, порой, мѣняется въ порокъ,
Есть иногда во злѣ благодѣянье;
Вотъ, на примѣръ, хоть этотъ бы цвѣтокъ:
Въ немъ есть и ядъ, и сила врачеванья.
Въ немъ запахъ — жизнь, а сокъ въ немъ сильный ядъ,
Онъ чувства всѣ и сердце убиваетъ;
Въ травахъ и въ насъ два короля сидятъ:

Добро и зло; когда преобладает
Послѣднее, оно, какъ червь, грызетъ,
И отъ него растеніе умретъ.

Входитъ РОМЕО.

РОМЕО.

Отецъ мой, здравствуй.

ЛОРЕНЦО.

Benedicite!

Чей слышу я привѣтъ въ столь ранній часъ?
Мой сынъ, что такъ поднялся спозаранку?
Должно быть, ты разстроены чѣмъ-нибудь.
У старика въ глазахъ — всегда забота,
А гдѣ она, тамъ вовсе не до сна;
Но тамъ, гдѣ спать расположилась юность
Безпечная, тамъ крѣпкій сонъ царить;
Поэтому, приходи твой ранній служить
Порукой мнѣ, что иль взволнованъ ты,
Иль въ эту ночь въ постель ты не ложишься.

РОМЕО.

Послѣднее вѣрнѣй — проведь я время
Пріятнѣе.

ЛОРЕНЦО.

Пусть Богъ проститъ твой грѣхъ!
Ты ночь проведь, должно быть, съ Розалиной?

РОМЕО.

Нѣтъ, мой отецъ; забылъ я это имя
И горе то, что заключалось въ немъ.

ЛОРЕНЦО.

Но гдѣ жъ ты былъ?

РОМЕО.

Я пировалъ съ врагами,
И рану мнѣ внезапно тамъ нанесъ
Одинъ изъ нихъ; онъ — тоже раненъ мною,
И оба мы нуждаемся теперь
Въ твоёмъ, отецъ, святомъ уврачеваньи.

Въ моей душѣ я злобы не ношу:
И за себя, и за врага прошу.

ЛОРЕНЦО.

Яснѣ сынъ, въ загадкахъ толку нѣтъ:
На нихъ даютъ загадочный отвѣтъ.

РОМЕО.

Такъ слушай. Я всѣмъ сердцемъ полюбилъ
Дочь старого синьора Капулетти,
Да и она мнѣ сердце отдала.
Все слажено, и остается только
Тебѣ союзъ нашъ бракомъ завершить.
Какъ, гдѣ, когда мы встрѣтились, влюбились
И клятвами другъ съ другомъ обмѣнялись —
Я расскажу объ этомъ по пути;
Теперь же вотъ о чемъ тебя прошу я;
Чтобъ повѣнчалъ сегодня же ты насъ.

ЛОРЕНЦО.

Святой Францискъ, какой переворотъ!
Ужели ты оставилъ Розалину,
Которую такъ горячо любилъ?
У молодыхъ людей любовь не въ сердцѣ,
А лишь въ глазахъ! Jesu Maria! сколько
На блѣдныя вотъ эти щеки пролилъ
Ты горькихъ слезъ, и все изъ-за нея!
Какъ много ты растратилъ солной влаги
Въ приправу той нетронутой любви,
Которая тебѣ ужъ не по вкусу!
Еще пары твоихъ глубокихъ вздоховъ
Не высохли отъ солнечныхъ лучей,
Еще твои отчаянные стоны
И до сихъ поръ звучатъ въ моихъ ушахъ,
Со щекъ твоихъ еще не смыты пятна
Отъ прежнихъ слезъ. Ромео, если былъ
Когда-нибудь ты самъ собою, если
Ты горевалъ и горести твои
Посвящены всѣ были Розалинѣ,
То неужель такъ измѣнился ты?
Признайся, что правдиво изречение:
Коль твердости въ мужчинахъ нѣтъ, тогда
И женщинамъ простительно паденье.

РОМЕО.

Ты, за любовь къ ней, самъ меня бранилъ.

ЛОРЕНЦО.

Не за любовь, мой сынъ, за сумасбродство.

РОМЕО.

Совѣтовалъ ты мнѣ похоронить
Мою любовь.

ЛОРЕНЦО.

Да, но не съ тѣмъ, чтобы
Зарыть одну и выкопать другую.

РОМЕО.

Прошу, оставь свои упреки; та,
Которую теперь я полюбилъ,
Мнѣ за любовь сама любовью платить,
А въ прежней я того же не встрѣчалъ.

ЛОРЕНЦО.

Немудрено: вѣдь, было ей извѣстно,
Что ты любовь въ долбежку затвердилъ,
Ея складовъ еще не понимая.
Но, вѣтренникъ мой юный, я тебѣ
Готовъ помочь, единственно въ надеждѣ,
Что вашихъ двухъ семействъ вражда въ любовь
Чистѣйшую, чрезъ бракъ вашъ, превратится.
Пойдемъ со мной.

РОМЕО.

Пойдемъ, — я не могу
Откладывать.

ЛОРЕНЦО.

Не нужно торопиться:
Тотъ падаетъ, кто слишкомъ быстро мчится.

(Уходятъ.)

СЦЕНА IV.

Улица.

Входятъ БЕНВОЛІО *и* МЕРКУЦІО.

МЕРКУЦІО.

Гдѣ, чортъ возьми, запропастился онъ?
Иль въ эту ночь домой не возвращался
Ромео?

БЕНВОЛІО.

Да; онъ тамъ не ночеваль:
Я спрашиваль его слугу.

МЕРКУЦИО.

Ну, эта
Бездушная дѣвчонка Розалина,
Навѣрное, сведеть его съ ума.

БЕНВОЛЮ.

Тибальдъ, родня синьора Капулетти,
Прислалъ письмо къ Ромео.

МЕРКУЦИО.

Это вызовъ,
Ручаюсь я.

БЕНВОЛЮ.

Онъ будетъ отвѣчать.

МЕРКУЦИО.

Конечно; кто писать умѣетъ, тотъ
И на письмо отвѣтитъ въ состоянни.

БЕНВОЛЮ. Я не о томъ; я хочу сказать, что Ромео приметъ вызовъ Тибальда.

МЕРКУЦИО. Бѣдный Ромео! Онъ уже и такъ мертвъ: онъ сраженъ черными глазами этой бѣлолицей дѣвчонки; его уши пронзены любовною пѣснью. И самый центръ его сердца пробить стрѣлою слѣпаго мальчишки. Такъ гдѣ же ему тягаться съ Тибальдомъ?

БЕНВОЛЮ. А что такое Тибальдъ?

МЕРКУЦИО. Это больше, чѣмъ царь котовъ, могу тебя увѣрить; онъ законодатель всякихъ церемоній; онъ дерется, точно по нотамъ, соблюдая размѣръ, паузы, такты; онъ не даетъ противнику и вздохнуть: разъ, два, а третій ударъ уже у тебя въ груди;

66

онъ попадаетъ въ шелковую пуговку; это настоящій дуэлистъ, тонкій знатокъ всѣхъ этихъ первыхъ и вторыхъ поводовъ къ дуэли. Ахъ, какъ великолѣпно онъ дѣлаетъ выпады и обратные удары, эти безсмертные *passado*, *punto*, *reverso* – есть!

БЕНВОЛЮ. Что такое?

МЕРКУЦИО. Чтобъ имъ пусто было – этимъ шутамъ, этимъ шепелявымъ, кривляющимся фантазерамъ, этимъ настройщикамъ рѣчи на новый ладъ! «Клянусь, отличный клинокъ! - Красавецъ мужчина! – Славная

дѣвка!» Не прискорбно ли, что на насъ такъ насѣли эти чужеземныя мухи, эти продавцы модъ, эти pardonnez moi, которые придаютъ такую важность новымъ формамъ, что имъ неудобно сидѣть на старой скамѣ? Надоѣли они съ этими своими bons, bons.

(Входитъ РОМЕО.)

БЕНВОЛІО. Вотъ идетъ Ромео, — Ромео идетъ!

МЕРКУЦИО. Онъ — точно высушенная селедка безъ икры. Бѣдное тѣло! оно изъ мяса превратилось въ рыбу. Онъ находится въ поэтическомъ настроеніи Петрарки; только въ сравненіи съ его милой, Лаура была судомойка, хотя ея обожатель былъ искуснѣй Ромео относительно прославленія своей возлюбленной въ стихахъ; Дидона, по его мнѣнію, шлюха, Клеопатра — цыганка; Елена и Гера — распутницы и сволочь. Эисби обладала красивыми сѣрыми глазами, но гдѣ же ей сравняться съ его милой! — Синьоръ Ромео, bonjour! Вотъ французскій привѣтъ твоимъ французскимъ штанамъ. Ты насъ отлично надулъ въ эту ночь.

РОМЕО. Доброго утра вамъ обоимъ. Чѣмъ я васъ надулъ?

МЕРКУЦИО. Вы ускользнули, синьоръ, ускользнули отъ насъ.

РОМЕО. Извини меня, добрый Меркуціо; у меня было такое важное дѣло, а въ подобныхъ случаяхъ человѣку позволительно поступиться вѣжливостью.

МЕРКУЦИО. Другими словами, — въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ принужденъ гибать подколѣнки.

РОМЕО. То есть кланяться?

МЕРКУЦИО. Ты какъ разъ угадалъ.

РОМЕО. Это очень вѣжливое объясненіе.

МЕРКУЦИО. Да, вѣдь, я настоящая гвоздика вѣжливости.

РОМЕО. Гвоздика въ смыслѣ цвѣтка вообще?

МЕРКУЦИО. Именно.

РОМЕО. Но вѣдь, и мои башмаки хорошо убраны розетками.

МЕРКУЦИО. Вѣрно. Продолжай такъ шутить со мною, пока не износишь своихъ башмаковъ, такъ чтобы когда у нихъ отвалятся ихъ единственныя подошвы, шутка твоя осталась одна одинешенька.

РОМЕО. Вотъ такъ острота! Единственная по своему одиночеству.

МЕРКУЦИО. Разними насъ, добрый Бенволио; мое остроуміе слабѣетъ.

РОМЕО. Бей свое остроуміе хлыстомъ и шпоръ, не то — я провозглашу: партія моя!

МЕРКУЦИО. Нѣтъ, если твое и мое остроуміе погонятся за дикими гусями, то я пропаду, потому что у тебя въ одномъ изъ чувствъ больше дичи, чѣмъ у меня во всѣхъ пяти. Не принимаешь ли ты меня за дикаго гуся?

РОМЕО. Да ты никогда и не былъ для меня ничѣмъ инымъ, какъ гусемъ.

МЕРКУЦИО. Я укушу тебѣ ухо за эту насмѣшку.

РОМЕО. Не кусайся, добрый гусь.

МЕРКУЦИО. У тебя горько-сладкое остроуміе, а это очень острый соусъ.

РОМЕО. А развѣ горько-сладкія яблоки — дурная приправа къ хорошему гусю?

МЕРКУЦИО. Ну, твое остроуміе растягивается, точно лайка; изъ одного дюйма можно его расширить до локтя.

РОМЕО. Я растягиваю его до слова ширина: присоедини это понятие къ слову гусь — выйдетъ, что ты въ ширину и длину огромный гусь.

МЕРКУЦИО. Ну, не лучше ли такъ шутить, чѣмъ стонать изъ-за любви? Теперь ты общителень, теперь ты — Ромео, теперь ты — тотъ, что ты на самомъ дѣлѣ, такой, какой ты по своимъ врожденнымъ и приобрѣтеннымъ качествамъ. А эта слюнчая любовь похожа на шута, что мечется туда и сюда, чтобы спрятать свою шутовскую палку въ какую-нибудь дыру.

БЕНВОЛІО. Стой, стой, довольно!

МЕРКУЦИО. Ты останавливаешь меня; это называется — гладить противъ шерсти.

БЕНВОЛІО. Не останови тебя, такъ ты будешь говорить безъ конца.

МЕРКУЦИО. Ты ошибаешься. Я не сталъ бы распространяться, такъ какъ дошелъ уже до самой сути моей рѣчи и намѣревался кончить ее.

Входятъ Кормилица и Пьетро.

РОМЕО. Вотъ славный нарядъ!

МЕРКУЦИО. Парусъ! Парусъ!

БЕНВОЛІО. Цѣлыхъ два: мужская рубаха и юбка.

67

КОРМИЛИЦА. Пьетро!

ПЬЕТРО. Слушаю.

КОРМИЛИЦА. Мой вѣрь, Пьетро!

МЕРКУЦИО. Добрый Пьетро, прикрой вѣромъ ей лицо; онъ красивѣй ея лица.

КОРМИЛИЦА. Доброго утра, синьоры.

МЕРКУЦИО. Доброго вечера, прекрасная синьора.

КОРМИЛИЦА. Да развѣ теперь вечеръ?

МЕРКУЦИО. Да, не менѣе того, увѣряю васъ. Безстыдная стрѣлка солнечныхъ часовъ указываетъ уже на полдень.

КОРМИЛИЦА. Убирайтесь! кто вы такой?

РОМЕО. Это, милая женщина, человекъ, который сотворенъ Богомъ во вредъ себѣ самому.

КОРМИЛИЦА. Ну, право же, это хорошо сказано! Во вредъ себѣ самому, — такъ что ли? Синьоры, не можетъ ли кто изъ васъ сказать мнѣ, гдѣ мнѣ найти молодого Ромео?

РОМЕО. Я могу сказать. Но когда вы найдете его, онъ будетъ старше, чѣмъ теперь, когда вы его ищете. Я самый младшій изъ людей съ этимъ именемъ, если не худшій.

КОРМИЛИЦА. Вы хорошо говорите.

МЕРКУЦИО. Вотъ какъ! Да развѣ худшее можетъ быть хорошимъ? Очень удачно, очень умно!

КОРМИЛИЦА (*къ Ромео*). Синьоръ, если вы и есть Ромео, то мнѣ нужно поговорить съ вами по секрету.

МЕРКУЦИО. Сводня, сводня, сводня! Ату ее!

РОМЕО. Кого ты там травишь?

МЕРКУЦИО. Не зайца, синьоръ, а если и зайца, то это заяцъ въ постномъ пирогѣ, который нѣсколько зачерствѣлъ и выдохся прежде, чѣмъ его съѣли.

Старый заяцъ хоть съдь, но бѣды въ этомъ нѣтъ:

Заяцъ въ постный пирогъ пригодится;

Если жъ этотъ пирогъ зачерствѣлъ и засохъ,

Старымъ зайцемъ легко подавиться.

Ромео, не пойдешь ли ты въ домъ своего отца? Мы думаемъ тамъ обѣдать.

РОМЕО. Я приду туда вслѣдъ за вами.

МЕРКУЦИО. Прощайте, старая синьора! прощайте, синьора, синьора, синьора! (*напѣвая*.)

(*Меркуцио и Бенволио уходятъ.*)

КОРМИЛИЦА. Скатертью дорога! Скажите, пожалуйста, синьоръ, кто этотъ дерзкій купчишка, что наговорилъ такъ много пошлостей?

РОМЕО. Это господинъ, который любитъ слушать себя самого и можетъ наговорить въ одну минуту больше, чѣмъ другой кто-нибудь въ цѣлый мѣсяцъ.

КОРМИЛИЦА. Если онъ скажетъ что-нибудь противъ меня, то я ему задамъ, хоть бы онъ былъ сильнѣй, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; я справлюсь и съ двадцатью такими нахалами, а если нѣтъ, то я найду людей, которые его образумятъ. Подлый негодяй! Я не гулящая какая-нибудь, я не товарищъ ему, шалопаю. (*Обращаясь къ Пьетро*): Да и ты хорошъ: стоишь себѣ и позволяешь каждому негодяю надругаться надо мной въ свое удовольствіе.

ПЬЕТРО. Я не видалъ ни одного человѣка, который бы надругался надъ вами въ свое удовольствіе, а если бы увидалъ, то сейчасъ выхватилъ бы свое оружіе, увѣряю васъ. Я обнажаю мечъ такъ же проворно, какъ всякій другой, когда подвертывается случай для хорошей драки и когда законъ на моей сторонѣ.

КОРМИЛИЦА. Клянусь Богомъ, онъ такъ разобидѣлъ меня, что я вся, какъ есть, дрожу. Подлый негодяй! — синьоръ, мнѣ нужно сказать вамъ два слова. Моя молодая госпожа приказала мнѣ отыскать васъ, а что она велѣла передать вамъ, объ этомъ я пока помолчу. Прежде всего позвольте мнѣ сказать вамъ, что если вы намѣрены ее одурачить, то это будетъ, какъ говорится, скверная штука, такъ какъ синьорина молода, и потому, если вы будете играть съ нею въ двойную игру, то это будетъ не ладно и низко относительно такой благородной дѣвушки.

РОМЕО. Няня, поклонись отъ меня своей госпожѣ, я заявляю тебѣ...

КОРМИЛИЦА. Вотъ добрая душа! клянусь, я скажу ей это. Господи, Господи! какъ она будетъ рада!

РОМЕО. Да что же ты ей скажешь, няня? Ты, вѣдь, не дослушала меня.

КОРМИЛИЦА. Я скажу ей синьоръ, что вы заявляете; а это я понимаю такъ, что вы дѣлаете ей предложеніе, какъ благородный человѣкъ.

РОМЕО.

Скажи ей, чтобъ она нашла предлогъ
Отправиться на исповѣдь сегодня;
И въ кельѣ у Лоренцо будемъ съ нею
Обвѣнчаны мы. Вотъ тебѣ за трудъ.

КОРМИЛИЦА.

Нѣтъ, нѣтъ, синьоръ, не нужно ни копѣйки.

РОМЕО.

Да полно же, бери.

КОРМИЛИЦА.

Сегодня, значить?

Ну, хорошо, она туда придетъ *(хочетъ уйти)*.

68

РОМЕО.

Постой еще. Такъ черезъ часъ, не дольше,
Ты моего слугу найдешь у стѣнъ
Монастыря; онъ принесетъ веревки,
Что связаны, какъ лѣстница: по ней
Я въ тьмѣ ночной взойду на верхъ блаженства.
Прощай, да будь вѣрна: за трудъ
Я заплачу. Поклонъ мой синьоринѣ.

КОРМИЛИЦА.

Благослови васъ Богъ! Но вотъ что, —
Послушайте...

РОМЕО.

Что, дорогая няня?

КОРМИЛИЦА.

Вашъ человѣкъ надеженъ? вы слышали
Пословицу такую: тайны нѣтъ,
Когда двоимъ извѣстенъ вашъ секретъ?

РОМЕО.

Надеженъ онъ, какъ сталь, — не безпокойся.

КОРМИЛИЦА. Ну, такъ вотъ что, синьоръ. Моя госпожа — самая милая дѣвушка въ свѣтѣ. Господи, Господи! когда она была еще крошечной болтуньей... О! Тутъ въ городѣ есть одинъ графъ, нѣкто Парисъ, который очень желалъ бы подмазаться къ ней, да она, голубушка, не хочетъ и смотреть на

него, она отворачивается отъ него точно отъ какой-нибудь жабы. Я иногда дразню ее: говорю, что Парисъ хорошій человѣкъ, и увѣряю васъ, что она тогда блѣднѣетъ, какъ полотно. — Скажите, пожалуйста, вѣдь, слова Ромео и розмаринъ начинаются съ одной и той же буквы?

РОМЕО. Да, няня; а что? Оба слова начинаются съ буквы Р.

КОРМИЛИЦА. Какой вы насмѣшникъ! Да вѣдь, это — собачья буква Р. Она годится для... — Нѣтъ, я увѣрена, что ваше имя начинается съ какой-нибудь другой буквы. Моя госпожа подбираетъ къ нему такія хорошенькія присказки — къ вашему имени и къ розмарину, — что вы бы заслушались.

РОМЕО. Кланяйся отъ меня твоей госпожѣ.

КОРМИЛИЦА. Буду кланяться тысячу разъ. (*Ромео уходитъ.*) Пьетро!

ПЬЕТРО. Слушаю.

КОРМИЛИЦА. Ступай впередъ, и идемъ скорѣй. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА V.

Садъ Капулетти.

Входитъ Джульетта.

ДЖУЛЬЕТТА.

Я нянюшку послала ровно въ девять,
И мнѣ она вернуться обѣщала
Черезъ полчаса. Иль не нашла его?
Не можетъ быть. Да! вѣдь, она хромая.
Послами у любви должны быть мысли:
Онѣ летятъ вдесятеро быстрѣй,
Чѣмъ солнца свѣтъ съ холмовъ стоняетъ тѣни.
Вотъ почему любви богиня ѣздитъ
На голубяхъ, амуръ имѣетъ крылья,
И носится быстрѣе вѣтра онъ.
Ужъ поднялось до высшей точки солнце,
Отъ десяти до полдня — три часа,
А няни нѣтъ. Когда бъ въ ней были чувства
Сердечныя и молодая кровь,
Тогда бъ она, какъ мячъ, перелетала,
Чтобъ передать мои слова ему,
А мнѣ — слова Ромео дорогого.
Но многіе изъ стариковъ похожи
На мертвецовъ, — медлительны и вялы,
И тяжелы, и мрачны, какъ свинецъ.

Входятъ Кормилица и Пьетро.

А! вотъ она. — Какія вѣсти, няня?
Голубушка, ты видѣла его?

(Показывая на Пьетро.)

Вели ему уйти отсюда.

КОРМИЛИЦА.

Пьетро,
Уйди и жди тамъ у воротъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Ну, что же,
Голубушка? О, Господи! что значить,
Что у тебя такой печальный видъ?
Хотя бъ твои извѣстья были грустны,
Ты весело ихъ передай; когда жъ
Ты съ добрыми пришла ко мнѣ вѣстями,
То музыки ихъ сладкой не срами,
Играя ихъ съ такою кислой миной.

КОРМИЛИЦА.

Устала я, дай мнѣ передохнуть;
Смерть какъ болять всѣ кости. Ну, прогулка!

ДЖУЛЬЕТТА.

Желала бъ я отдать тебѣ мои,
Въ замѣнъ вѣстей. — Да говори же, няня.
Ну, добрая, ну, милая, скорѣй!

КОРМИЛИЦА.

О, Господи, какая спѣшка! Развѣ
Не можешь ты немножко потерпѣть?
Ты видишь — мнѣ дыханья не хватаетъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Но есть его настолько у тебя,
Чтобы сказать, что ты вздохнуть не можешь.
Пока ты мнѣ все это говоришь,
Свою ты вѣсть давно бъ сказать успѣла.
Ну, хороша она, или дурна?
На это лишь отвѣть мнѣ поскорѣе.
Подробностей я подожду. Ну, что жъ?

КОРМИЛИЦА.

Ну, не важный выборъ ты сдѣлала. Нѣтъ,

не умѣешь ты выбирать мужчинъ. Ромео! — нѣтъ, нѣтъ, не нужно его, хоть лицо у него красивѣй, чѣмъ у кого-нибудь, — также и руки, и нога, и талія, впрочемъ, о нихъ не стоитъ и говорить. Но онѣ выше всякаго сравненія. Нельзя сказать, чтобъ онѣ былъ отмѣнно вѣжливъ; но я поручусь, что онѣ кротокъ, точно ягненокъ. Съ Богомъ, дѣвочка! — Вы ужъ пообѣдали?

ДЖУЛЬЕТТА.

Нѣтъ, нѣтъ, не то: все это я ужъ знала.
Что говорить о нашемъ бракѣ онѣ?

КОРМИЛИЦА.

О, Боже мой, какъ голова болитъ!
Какъ у меня слаба она, однако!
Въ вискахъ стучить, какъ будто голова
Вся на куски готова разорваться.
Да и спина... охъ, бѣдная спина!
Благодарю покорно, что старуху
Ты до смерти готова загонять!

ДЖУЛЬЕТТА.

Мнѣ право жаль, что ты страдаешь, няня;
Но, милая, что, что онѣ говорить?

КОРМИЛИЦА.

Онѣ говорить, какъ честный человѣкъ
И вѣжливый, и добрый, и красивый, —
И поручусь, что не обманщикъ онѣ.
Гдѣ ваша мать?

ДЖУЛЬЕТТА.

Гдѣ мать? конечно, дома,
И гдѣ жъ ей быть? Какіе, няня, право,
Ты странные отвѣты мнѣ даешь:
«Онѣ говорилъ, какъ честный человѣкъ»
«Гдѣ ваша мать?..»

КОРМИЛИЦА.

Владычица святая!
Ты сердишься; ну, нечего сказать,
Больнымъ костямъ хорошая припарка!
Теперь сама ты бѣгай для себя.

ДЖУЛЬЕТТА.

Поѣхала! — Что говорить Ромео?

КОРМИЛИЦА.

Позволено тебѣ итти сегодня

На исповѣдь?

ДЖУЛЬЕТТА.

Позволено.

КОРМИЛИЦА.

Такъ вотъ:

Иди сейчасъ къ отцу Лоренцо въ келью;
Тамъ ждетъ женихъ, который хочетъ сдѣлать
Тебя женой. Ага! теперь и кровь
Прихлынула къ твоимъ щекамъ; онѣ,
Какъ жаръ, горять при этой сладкой вѣсти.
Ты — въ церковь, я жъ за лѣстницей пойду,
Чтобъ милый твой въ гнѣздо своей голубки
Забраться могъ, когда наступитъ ночь.
Работница я вашему веселью,
Но въ эту ночь наступитъ твой чередъ,
Ну, я пойду обѣдать, ты же — въ келью.

ДЖУЛЬЕТТА.

Прощай! меня верхъ счастья тамъ ждетъ.

СЦЕНА IV.

Келья монаха Лоренцо.

Входятъ Лоренцо и Ромео.

Лоренцо.

Пусть небеса священный вашъ союзъ
Благословятъ, чтобы потомъ со скорбью
Намъ за него себя не упрекать.

Ромео.

Аминь, аминь! но никакая скорбь
Той радости не можетъ перевѣсить,
Что мнѣ одна минута лишь даетъ,
Когда свою я дорогую вижу.
Соедини лишь крѣпко руки намъ
Священными словами; пусть приходитъ
Хоть смерть затѣмъ, когда угодно ей,
Лишь милую назвать бы мнѣ моей.

Лоренцо.

Мой сынъ, восторгъ стремительный нерѣдко
Имѣетъ и стремительный конецъ,
И гибнетъ онъ въ зенитѣ ликованья.

Такой восторгъ — то порохъ и огонь,
Что гибнуть вдругъ въ минуту ихъ лобзанья.
Сладчайшій медъ, въ концѣ концовъ, претить:
Противень онъ отъ сладости чрезмѣрной.
Въ своей любви умѣреннѣе будь:
Разумная любовь прочна и длится;
Не торопись пройти блаженства путь!
Кто слишкомъ скоръ — съ медлительнымъ сравнится.

Входитъ Джульетта.

Вотъ и она. — Такою легкой ножкой
Нельзя стереть кремневыхъ этихъ плитъ.
Влюбленные по тонкой паутинѣ,
Что въ воздухѣ летаетъ въ лѣтній зной,
Могли бъ ходить, — такъ суета воздушна!

Джульетта.

Привѣтъ мой вамъ, духовный мой отецъ!

Лоренцо.

Пусть, дочь моя, тебя за твой привѣтъ
Благодарить отъ насъ двоихъ Ромео.

Джульетта.

Я и его привѣтствую; иначе
Тутъ не за что ему благодарить.

Ромео.

О, милая Джульетта, если счастья
Въ твоей душѣ такъ много накопилось,
Какъ и въ моей; когда ты можешь радость
Передавать искуснѣе, чѣмъ я, —
То услади своимъ дыханьемъ воздухъ

70

И музыкой богатой языка
Изобрази то счастье, что оба
Мы чувствуемъ, встрѣчаясь тутъ.

Джульетта.

Любовь,
Что сущностью богаче, чѣмъ словами,
Горда собой, не требуя прикрасъ.
Кто сосчитать имущество свое

Способенъ, тотъ не болѣе, какъ нищій;
Моя жъ любовь такъ вышла изъ границъ,
Что не могу я счесть и половину
Ея богатствъ.

ЛОРЕНЦО.

Мы кончимъ все сейчасъ.
Пойдемте же: святая церковь васъ
Соединить обоихъ въ плоть едину.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Площадь.

Входятъ: Меркуціо, Бенволио, Пажъ и слуги.

БЕНВОЛИО.

Меркуціо, прошу тебя, уйдемъ:
День жарокъ, и не дома Капулетти;
А встрѣтъ мы ихъ — быть ссорѣ: въ зной такой
Клокочеть кровь, и такъ легко взбѣситься.

Меркуціо. Ты похожъ на одного изъ тѣхъ молодцовъ, что, войдя въ трагаторію, ударяють своею шпагой по столу, и говорятъ: «дай Богъ, чтобы ты мнѣ не понадобилась», но когда выпьютъ вторую чашку, то ни съ того, ни съ сего обнажаютъ эту шпагу противъ прислужника.

Бенволио. Такъ я похожъ на такого молодца?

Меркуціо. Ну да; когда ты въ дурномъ расположеніи духа, ты горячъ, какъ любой забіяка въ Италіи, а тебя такъ легко привести въ подобное состояніе, — и тогда ты вспыхиваешь вдругъ.

Бенволио. Что же дальше?

Меркуціо. А то, что будь на свѣтѣ двое такихъ людей, какъ ты, скоро у насъ не стало бы ни одного изъ васъ: вы убили бы другъ друга. Ты!.. Да ты способенъ поспориться съ человѣкомъ изъ-за того, что у него въ бородѣ однимъ волосомъ больше или меньше, чѣмъ у тебя; ты готовъ затѣять ссору съ человѣкомъ, щелкающимъ орѣхи, на томъ основаніи, что у тебя глаза орѣхового цвѣта. Ну, чей глазъ, за исключеніемъ твоего, можетъ увидѣть въ этомъ поводъ для ссоры? Твоя голова наполнена ссорами, какъ яйцо жидкостью, хоть изъ-за этого задора она и разбита у тебя, какъ негодное яйцо. Вѣдь, поспорился же ты съ однимъ прохожимъ за то, что онъ кашлялъ на улицѣ и своимъ кашлемъ разбудилъ твою собаку, спавшую на солнцѣ. Не ты ли обругалъ портного за то, что онъ надѣлъ свой новый камзолъ, не дождавшись Пасхи, а еще кого-то за то, что онъ свои новые башмаки затянулъ старыми тесемками? И ты поучаешь меня — избѣгать ссоры!

БЕНВОЛЮ. Если бъ я былъ задорень, какъ ты, то продалъ бы свою жизнь
первому встрѣчному, кто поручился бы за нее на часъ съ четвертью времени.

МЕРКУЦИО. Поручиться за нее! Какъ же, нашелъ дурака!

БЕНВОЛЮ. Клянусь головой моей, сюда идутъ Капулетти.

МЕРКУЦИО. Клянусь моей пяткой, мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла.

Входятъ ТИБАЛЬДО и другіе.

ТИБАЛЬДО (*своимъ спутникамъ*).

Идите вслѣдъ за мной, мнѣ нужно съ ними

Поговорить. — Синьоры, добрый день!

Съ однимъ изъ васъ я обмѣняюсь словомъ.

МЕРКУЦИО. Словомъ — съ однимъ изъ насъ? Прибавьте къ этому слову
еще что-нибудь; скажите — словомъ и ударомъ.

ТИБАЛЬДО. Я готовъ, синьоръ, если вы подадите къ этому поводъ.

МЕРКУЦИО. А сами вы развѣ не можете найти его и безъ меня?

ТИБАЛЬДО. Меркуціо, ты принадлежишь къ хору Ромео.

МЕРКУЦИО. Къ хору! Да развѣ мы музыканты? А если мы музыканты, то
ты не услышишь отъ насъ ничего, кромѣ разноголосицы. Вотъ мой
смычокъ, — онъ заставитъ тебя плясать. Чортъ поberi! хоръ!

БЕНВОЛЮ.

Мы говоримъ на площади; зайдемъ
Куда-нибудь, чтобъ обсудить спокойно,
Въ чемъ состоятъ обиды ваши; — или
Совсѣмъ уйдемъ: всѣ тутъ глядятъ на насъ.

МЕРКУЦИО.

И пусть глядятъ, — на то глаза даны;
Ни для кого не тронуся я съ мѣста.

Входитъ РОМЕО.

ТИБАЛЬДО.

Ну, хорошо, синьоръ, довольно; вотъ
Мой человѣкъ идетъ.

71

МЕРКУЦИО.

Будь я повѣшенъ,
Когда твою ливрею носить онъ!
Ты вызови его на поединокъ,
И будетъ онъ готовъ тебѣ служить;
Твой человѣкъ онъ только въ этомъ смыслѣ.

ТИБАЛЬДО.

Моя любовь къ тебѣ, Ромео, можетъ
Придумать лишь одно тебѣ названье:
Ты — негодяй.

РОМЕО.

Причина, по которой
Тебя любить, Тибальдо, долженъ я,
Мнѣ не даетъ отдаться взрыву гнѣва
За дерзкія слова твои. Я вовсе
Не негодяй. Итакъ, прощай; я вижу —
Не знаешь ты меня.

ТИБАЛЬДО.

Мальчишка, это
Не извинить тѣхъ оскорбленій, что
Нанесъ ты мнѣ. Ну, вынимай же шпагу.

РОМЕО.

Я никогда тебя не оскорблялъ;
Тебя люблю я больше, чѣмъ ты можешь
Вообразить, не зная о причинѣ
Моей любви. Мой добрый Капулетти,
Чье имя мнѣ такъ мило, какъ мое,
Не горячись.

МЕРКУЦИО.

Позорное смиренье!
Ala stoccata устранить его.
Ну, крысоловъ Тибальдо, выходи. *(Вынимаетъ мечъ.)*

ТИБАЛЬДО. Что тебѣ нужно отъ меня?

МЕРКУЦИО. Ничего, достойный царь котовъ, кромѣ одной изъ вашихъ
девяти жизней; а остальные я буду выбивать изъ васъ, смотря по вашему
обращенію со мной. Не угодно ли вамъ вытащить за уши вашъ мечъ изъ
кожанаго футляра? Не то — мой мечъ еще прежде этого очутится возлѣ
вашихъ ушей.

ТИБАЛЬДО. Я къ вашимъ услугамъ.

РОМЕО.

Меркуціо, вложи свой мечъ въ ножны.

МЕРКУЦИО. Ну, синьоръ, дѣлайте же ваше *passado*.

РОМЕО.

Бенволио, мечъ обнажи и выбей
Оружіе изъ рукъ ихъ. Господа,

Не стыдно ль вамъ! Оставьте эту ссору.
Меркуціо! Тибальдо! Герцогъ драки
На улицахъ Вероны запретилъ.
Постой, Тибальдъ! Меркуціо!

(Тибальдо и его приверженцы уходятъ.)

МЕРКУЦИО.

Я ранень;
Чума на васъ, — на оба ваши дома!..
Покончено со мной... и онъ ушелъ!
И неужли совсѣмъ онъ цѣль остался?

БЕНВОЛІО.

Ты ранень?

МЕРКУЦИО.

Да, — царапина одна,
Царапина, но этого довольно.
Эй, пажъ, ступай и приведи врача.

(Пажъ уходитъ.)

РОМЕО. Ободришь, другъ мой, эта рана не можетъ быть глубока.

МЕРКУЦИО. Да, она не такъ глубока, какъ колодезь, и не такъ широка, какъ церковная дверь, но и ея довольно: она сдѣлаетъ свое дѣло. Приходи ко мнѣ завтра, и ты найдешь меня *покойнымъ* человѣкомъ. Я уже не гожусь для этого міра. Чума на оба ваши дома! Чортъ возьми! Чтобы какая-нибудь собака, кошка, мышь оцарапала меня до смерти! Хвостунъ, бездѣльникъ, негодяй, который дерется по правиламъ ариѳметики! И на кой чортъ ты сунулся между нами? Я ранень изъ-подъ твоей руки.

РОМЕО. Я хотѣлъ уладить все къ лучшему.

МЕРКУЦИО.

Въ какой-нибудь домъ отведи меня,
Бенволіо, не то — я упаду
Безъ чувствъ. Чума на оба ваши дома!
Я изъ-за нихъ сталъ пищей для червей,
И мнѣ конецъ. — Чума на оба дома!

(Меркуціо и Бенволіо уходятъ.)

РОМЕО.

Изъ-за меня смертельно ранень другъ мой
И родственникъ столь близкій государя!
Ругательствомъ Тибальда честь моя
Запятнана, — Тибальда, что за часъ
Тому назадъ былъ все равно, что братъ мнѣ.
О, милая Джульетта, красота

Твоя мой нравъ желѣзный умягчила
И сдѣлала изнѣженнымъ меня!

(Бенволио возвращается.)

БЕНВОЛИО.

Ромео, о Ромео! умеръ храбрый
Меркуціо! духъ доблестный его,
Безвременно презрѣвши эту землю,
На небеса подняться поспѣшилъ.

РОМЕО.

Дня этого зловѣщая судьба
На много дней продлится; имъ бѣда
Лишь началась, а кончится съ другими.

(Тибальдо возвращается.)

БЕНВОЛИО.

Вотъ бѣшенный Тибальдъ идетъ опять.

РОМЕО.

Онъ живъ, свою побѣду торжествуя,
А между тѣмъ Меркуціо убить!

72

Прочь отъ меня, уступчивая кротость!
Пусть бѣшенство теперь ведетъ меня!
Тибальдъ, ты далъ мнѣ имя негодяя —
Возьми его; Меркуціо душа
Еще паритъ у насъ надъ головами
И ждетъ твоей, чтобъ вмѣстѣ улетѣть.
Иль ты, иль я, иль оба мы должны
Сопутствовать ему.

ТИБАЛЬДО.

Мальчишка жалкій,
Ты былъ его пріятелемъ, и ты
Съ нимъ полетишь.

РОМЕО.

Ну, это мечъ рѣшить.

(Они дерутся; Тибальдо падаетъ.)

БЕНВОЛИО.

Бѣги, бѣги, Ромео!
Тибальдь убить, и граждане въ тревогѣ.
Чего жъ ты здѣсь растерянный стоишь?
Приговорить тебя, вѣдь, герцогъ къ смерти,
Когда тебя застанутъ здѣсь. Бѣги!

РОМЕО.

Моя судьба глумится надо мною.

БЕНВОЛІО.

Что жъ ты стоишь? Бѣги, бѣги, Ромео!

(Ромео уходитъ.)

Сбѣгается толпа ГРАЖДАНЪ.

1 - й ГРАЖДАНИНЪ.

Куда бѣжалъ тотъ, кто убилъ Меркуцьо?
Куда ушелъ Тибальдь, его убійца?

БЕНВОЛІО.

Вотъ онъ лежитъ.

1 - й ГРАЖДАНИНЪ.

Вставай, иди за мной,
Я требую во имя государя.

Входятъ: Герцогъ со свитой, Монтекки и Капулетти съ женами и другіе.

ГЕРЦОГЪ.

Гдѣ подлые зачинщики рѣзни?

БЕНВОЛІО.

Я рассказать могу вамъ, государь,
Подробности несчастной этой ссоры.
Вотъ человѣкъ, которымъ былъ убить
Твой родственникъ Меркуціо. Лежитъ онъ
Убитый самъ за то рукой Ромео.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Племянникъ мой Тибальдо, брата сынъ!
О, герцогъ, мужъ мой, дядя! пролилась
Кровь милаго племянника! О, герцогъ,
О государь, когда ты справедливъ,
За нашу кровь пролей ты кровь Монтекки!
Племянникъ мой!..

ГЕРЦОГЪ.

Бенволио, кто былъ

Зачинщикомъ кровавой этой драки?

БЕНВОЛЮ.

Тибальдо, что убить рукой Ромео.
Съ нимъ ласково Ромео говорилъ,
Прояся понять безумье этой ссоры;
Грозилъ ему и вашимъ гнѣвомъ онъ;
Но это все, — хотъ высказано было
Съ спокойствіемъ во взглядахъ и словахъ
И съ кроткою мольбою, — не могло
Взрывъ бѣшенства Тибальда успокоить;
Остался онъ къ внушеньямъ мира глухъ —
И бросился съ пронзающею сталью
На смѣлаго Меркуціо; и тотъ,
Не менѣ горячій, чѣмъ Тибальдо,
Съ противникомъ вступилъ въ смертельный бой.
Съ воинственнымъ презрѣньемъ отражалъ онъ
Смерть отъ себя и отсылалъ обратно
Ее врагу, который, въ свой чередъ,
Искусно отражалъ ее. Ромео
Вскричалъ: «Друзья, довольно, перестаньте!»
Быстрѣ словъ была его рука —
И выбила клинки ихъ роковые;
Но изъ-подъ ней успѣлъ уже Тибальдъ
Меркуціо нанести ударъ смертельный.
Тибальдъ бѣжалъ, но вслѣдъ затѣмъ вернулся.
Тутъ бѣшенствомъ Ромео закипѣлъ,
И въ тотъ же мигъ они вступили въ битву.
Еще меча я вынуть не успѣлъ,
Чтобъ ихъ разнять, какъ ужъ упалъ Тибальдо.
Убивъ его, Ромео убѣжалъ.
Вотъ истина, клянусь моею жизнью.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Онъ родственникъ Монтекки и, понятно,
Онъ, ради ихъ, неправду говорить.
До двадцати сражавшихся тутъ было,
А между тѣмъ одинъ Тибальдъ убить.
Прошу я васъ о правосудьи, герцогъ!
Обязаны вы правосуднымъ быть, —
Тибальдъ убить, его убилъ Ромео,
А потому и онъ не долженъ жить.

ГЕРЦОГЪ.

Но онъ убилъ того, кто былъ убійцей
Меркуціо; за дорогую кровь

Меркуціо кто долженъ заплатить мнѣ?

МОНТЕККИ.

Конечно, не Ромео, государь!
Онъ другомъ былъ Меркуціо, и онъ
Убилъ того, кого бѣ казнилъ законъ;
Вотъ вся его вина.

ГЕРЦОГЪ.

И за нее
Немедленно его мы изгоняемъ.
Отъ вашихъ ссоръ и сами мы страдаемъ:
Тутъ пролилась родная кровь моя,
И накажу за это строго я.
Такъ что, неся тяжелую расплату,
Оплачете вы всѣ мою утрату.
Ко всѣмъ мольбамъ останусь я глухимъ;

73

Ни слезы, ни мольбы, ни извиненья
Здѣсь искупить не могутъ преступленья,
И потому — не прибѣгайте къ нимъ.
Пусть поспѣшитъ Ромео удалиться,
А если нѣтъ — онъ съ жизнію простится.
Прощать убійцъ! да это все равно,
Что съ ними быть въ убійствѣ заодно.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Капулетти.

Входитъ ДЖУЛЬЕТТА.

ДЖУЛЬЕТТА.

Впередъ, впередъ, на огненныхъ ногахъ,
Неситесь быстрѣе, кони Феба,
Къ его дворцу. Когда бѣ у васъ возницей
Былъ Фаэтонъ, погналъ бы онъ хлыстомъ
Къ закату васъ, и ночь бы наступила
Немедленно. Любви подруга, ночь!
Раскинь свое густое покрывало,
Чтобы ничьи нескромные глаза
Во тьмѣ твоей Ромео не видали;

Чтобъ кинулся въ объятя онъ мои,
Подкравшися неслышно и незримо.
Влюбленные способны видѣть все,
Что нужно имъ, довольствуясь свѣтомъ
Ихъ красоты; когда любовь слѣпа,
То болѣе всего ей ночь подходитъ.
Приди же, ночь степенная, скорѣй,
Вся въ черное одѣтая матрона,
И научи меня — какъ проиграть
Мнѣ въ той игрѣ, которую ведутъ
Два дѣвственныхъ и непорочныхъ сердца.
Прикрой мою бунтующую кровь,
Которая въ лицо мнѣ ударяетъ,
Ты черною одеждою своею,
Пока моя стыдливая любовь,
Смѣлѣе ставъ, не свыкнется съ той мыслью,
Что въ истинной любви все — только скромность.
Приди же, ночь, скорѣй; приди, Ромео,
Мой день во тьмѣ; на крыльяхъ этой ночи
Ты явишься мнѣ чище и бѣлѣй,
Чѣмъ первый снѣгъ у ворона на перьяхъ.
О, тихая, ласкающая ночь,
Ночь темная, приди, дай мнѣ Ромео.
Когда же онъ умретъ, возьми его
И раздроби на маленькія звѣзды:
Украсить онъ тогда лицо небесъ,
Такъ что весь міръ, влюбившись въ ночь, не будетъ
Боготворить слѣпящей солнца свѣтъ.
Купила я себѣ пріютъ любви,
Но не вошла еще я во владѣнье;
Я продана сама, но покупщикъ
Пока еще не пользуется мною.
Мнѣ этотъ день томителенъ, какъ ночь
Предъ праздникомъ томительна ребенку,
Который ждетъ и не дождется дня,
Чтобы надѣтъ готовыя обновки.

Входитъ Кормилица, съ веревочною лѣстницей.

Но вотъ идетъ кормилица моя
И вѣсть несетъ. Небеснымъ краснорѣчьемъ,
Мнѣ кажется, владѣетъ тотъ языкъ,
Что имя лишь Ромео произноситъ.
Что новаго? Что у тебя тамъ, няня?
Веревки, что ль, которыя тебѣ
Велѣлъ принести Ромео?

КОРМИЛИЦА.

Да, веревки.

(Бросаетъ веревки на полъ.)

ДЖУЛЬЕТТА.

Ахъ, что съ тобой? что ты ломаешь руки?

КОРМИЛИЦА.

О, горе мнѣ! Онъ умеръ, умеръ, умеръ!
Пропали мы, погибли, синьорина;
Злосчастный день! скончался, мертвъ, убить!

ДЖУЛЬЕТТА.

Иль небеса такъ злобны?

КОРМИЛИЦА.

Золь Ромео,
А небеса не могутъ злыми быть.
Ромео! о, Ромео! кто бы могъ
Когда-нибудь себѣ представить это?

ДЖУЛЬЕТТА.

Ты демонъ, что ль, что мучишь такъ меня?
Твои слова - вѣдь это — пытка ада!
Или убилъ Ромео самъ себя?
Скажи лишь «да» — простое это слово,
Простое «да» способно отравить
Скорѣй, чѣмъ взглядъ смертельный василиска.
Я — ужъ не я, коль есть такое «да»,
Когда глаза закрылись, о которыхъ
Ты скажешь «да». Такъ говори же «да»,
Когда убить онъ; если жъ нѣтъ, то — «нѣтъ».
Ты порѣшишь однимъ короткимъ звукомъ,
Блаженству мнѣ отдаться или мукамъ.

КОРМИЛИЦА.

Сама, сама я видѣла ту рану;
Ужасный знакъ! — тутъ, на его груди...
Несчастный трупъ, — и блѣдный точно пепель,
Весь, весь въ крови, въ запекшейся крови!
При видѣ томъ, я въ обморокъ упала.

ДЖУЛЬЕТТА.

Разбейся же, о сердце: ты — банкротъ,
Разбейся вдругъ; глаза мои, въ темницу!
Ужъ больше вамъ на волѣ не смотрѣть.
Презрѣнный прахъ, отдайся снова праху;

Здѣсь на землѣ; ты и Ромео — оба
Покойтесь вдвоемъ подъ крышкой гроба!

КОРМИЛИЦА.

Тибальдъ, Тибальдъ, мой ласковый Тибальдъ,
И лучшій другъ, какого я имѣла,
Тибальдъ, такой честнѣйшій господинъ!..
И дожила я до его кончины!

ДЖУЛЬЕТТА.

Какой на насъ нанесся ураганъ?
Ромео мой убить, Тибальдо умеръ!
Мой дорогой кузень и мой супругъ,
Что мнѣ еще дороже. Если такъ,
Труби, труба, всеобщую погибель!
Кто живъ еще, коль этихъ двухъ ужъ нѣтъ?

КОРМИЛИЦА.

Тибальдъ убить, его убилъ Ромео,
И изгнанъ онъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

О, Боже, неужели
Тибальда кровь Ромео пролилъ?

КОРМИЛИЦА.

Да.
Злосчастный день! да, да, онъ пролилъ, пролилъ!

ДЖУЛЬЕТТА.

Цвѣтущее лицо, съ змѣинымъ сердцемъ!
Скрывался ли въ такомъ прекрасномъ гротѣ
Когда-либо драконъ? Злодѣй-красавецъ!
Ты, ангелу подобный падшій духъ!
О, воронъ злой, но въ перьяхъ голубицы!
Свирѣпый волкъ во образѣ ягненка!
Тварь гнусная съ божественнымъ челомъ!
Контрастъ всему, чѣмъ кажешься ты съ виду!
Святой въ грѣхахъ, въ почетѣ негодяй!
О, что жъ тебѣ, природа, остается
Творить въ аду, когда ты духу зла

Дала пріють въ раю столь нѣжной плоти?
Видалъ ли кто столь чудный переплетъ
На книгѣ съ столь позорнымъ содержаньемъ?
Какъ могъ обманъ подобный обитать
Въ такомъ дворцѣ роскошномъ?

КОРМИЛИЦА.

Нѣтъ въ мужчинахъ
Ни совѣсти, ни честности, ни правды;
И всѣ они лгуны и лицемѣры:
Никто изъ нихъ не соблюдаетъ клятвъ.
Гдѣ мой слуга? — Подай мнѣ aqua vitae.
Несчастіе такое, это горе
До времени состарило меня...
Позоръ тебѣ, позоръ тебѣ, Ромео!

ДЖУЛЬЕТТА.

Пусть водыри покроютъ твой языкъ,
За эту брань. Не на позоръ Ромео
Родился въ свѣтъ, и на его челѣ
Безсовѣстный позоръ сидѣть стыдится:
Оно есть тронъ, гдѣ возсѣдаетъ честь,
Единая властительница міра.
О, что за звѣрь была я, что его
Бранила такъ!

КОРМИЛИЦА.

Но неужель хвалить
Того, кто былъ убійцею кузена?

ДЖУЛЬЕТТА.

Могу ль о немъ я дурно говорить?
Онъ мой супругъ. — Мой бѣдный мужъ, кто имя
Твое добромъ помянетъ, если я,
Твоя жена не больше трехъ часовъ,
Его уже такъ истерзать успѣла?
За что жъ убилъ, негодный ты, кузена?
За то, что онъ, негодный мой кузень,
Хотѣлъ убить тебя, мой мужъ. Прочь слезы
Безумныя, вернитесь къ своему
Источнику: вы — данники печали,
И счастьемъ данъ ошибкой принесли.
Живетъ мой мужъ, котораго Тибальдо
Хотѣлъ убить, а самъ Тибальдо умеръ...
Все радость тутъ; изъ-за чего жъ я плачу?
Но слово здѣсь я слышала одно,

Что хуже, чѣмъ Тибальда смерть: убило
Оно меня, и позабыть его
Желала бѣ я; но въ памяти моей,
Увы! оно настойчиво гнѣздится,
Какъ тяжкій грѣхъ у грѣшника въ умѣ.
Тибальдъ убить, а мой Ромео изгнанъ!
И это «изгнанъ», только слово «изгнанъ»
Убило мысль о тысячахъ Тибальдо.
Тибальда смерть — достаточное горе,
Хотя бы все несчастье было въ ней.
Но ежели, сообщество любя,
Бѣда съ бѣдой должна соединяться,
То почему за вѣстью, что Тибальдъ
Убить, тотчасъ не сказано мнѣ было,
Что мой отецъ иль мать моя, иль оба
Скончались они? Такое горе
Я выплакать могла бы. Но сказать —
«Тибальдъ убить» и вслѣдъ за тѣмъ прибавить:
«Ромео изгнанъ» — значить умертвить
Отца и мать, Тибальдо и Ромео,
И самую Джульетту, — всѣхъ убить!
Ромео изгнанъ! Въ смерти этихъ словъ
Нѣтъ ни конца, ни мѣры, ни предѣла, —
Ихъ бѣдствія нельзя изобразить.
Гдѣ мать, отецъ?

КОРМИЛИЦА.

Рыдаютъ надъ Тибальдомъ.
Ты къ нимъ пойдешь? Я провожу тебя.

ДЖУЛЬЕТТА.

Нѣтъ, пусть они слезами омывають
Тамъ раны у покойника, а я
Объ изгнанномъ Ромео буду плакать,
Когда уже обсохнутъ слезы ихъ.
Возьми веревки. — Бѣдныя веревки,
Обмануты вы такъ же, какъ и я:

Ромео изгнанъ, путь къ моей постели
Устроилъ онъ изъ васъ, но я, дѣвица,
Такъ и умру дѣвицею-вдовой.
Кормилица, пойдѣмъ, возьми веревки,
Хочу я лечь на брачную постель.

Ромео мой не посѣтитъ ее,
Пусть смерть возьметъ дѣвичество мое!

КОРМИЛИЦА.

Иди въ свою ты комнату, а я
Найду его, чтобы тебя утѣшить.
Я знаю, гдѣ онъ. Слушай, твой Ромео
Здѣсь будетъ въ эту ночь; пойду къ нему —
Скрывается онъ въ кельѣ у Лоренцо.

ДЖУЛЬЕТТА.

Иди, иди, отдай ему вотъ это
Кольцо; скажи, чтобъ онъ пришелъ проститься.

(Уходятъ.)

СЦЕНА III

Келья монаха Лоренцо.

Входятъ Лоренцо и Ромео.

ЛОРЕНЦО.

Ну, выходи, Ромео, выйди трусь;
Печаль въ твои достоинства влюбилась,
И съ бѣдствіемъ повѣнчанъ ты.

РОМЕО.

Отецъ,
Что новаго? Чѣмъ герцогъ порѣшилъ?
Какое мнѣ грозитъ знакомствомъ горе,
Котораго еще не знаю я?

ЛОРЕНЦО.

Мой милый сынъ, ты слишкомъ хорошо
Знакомъ и такъ съ угрюмою печалью.
Извѣстіе о приговорѣ принца
Тебѣ принесъ я.

РОМЕО.

Въ чемъ онъ состоитъ?
Не въ смерти ли?

ЛОРЕНЦО.

Онъ не на столько строгъ:
Ты присужденъ не къ смерти, а къ изгнанью.

РОМЕО.

Къ изгнанію? Будь милостивъ, скажи,
Что къ смерти: мнѣ страшнѣй гораздо ссылка;
Не говори ты мнѣ о ней, отецъ.

ЛОРЕНЦО.

Ты изгнанъ лишь отсюда, изъ Вероны;
Не унывай: обширень божій міръ.

РОМЕО.

Внѣ стѣнъ ея нѣтъ никакого міра;
Тамъ мука лишь, чистилище и адъ.
Изгнаніе отсюда есть изгнанье
Изъ міра, а изгнаніе изъ міра
Есть та же смерть, съ названіемъ другимъ,
Неправильнымъ; и называя смерть
Изгнаніемъ, ты голову мнѣ рубишь
Сѣкирою изъ золота, слѣдя
Съ улыбкою за гибельнымъ ударомъ.

ЛОРЕНЦО.

О, смертный грѣхъ — твоя неблагодарность!
Проступокъ твой, по нашему закону,
Смерть заслужилъ, но добрый герцогъ нашъ,
Изъ милости къ тебѣ, законъ нарушилъ,
И приговоръ онъ смертный замѣнилъ
Изгнаніемъ. Большая это милость,
И этого не понимаешь ты!

РОМЕО.

Мученье, а не милость; небеса —
Здѣсь, гдѣ живетъ Джульетта. Каждый котъ,
Собака, мышъ, послѣднее творенье
Ничтожное живутъ здѣсь, въ небесахъ, —
Всѣ на нее тутъ могутъ любоваться;
Ромео — нѣтъ. У мухъ навозныхъ больше
Почетныхъ правъ, свободы для любви,
Чѣмъ у него: они свободно могутъ
Къ ея рукъ прекрасной припадать,
Безсмертное блаженство похищать,
По временамъ, съ ея невинныхъ губокъ,
Что, въ чистотѣ дѣвической своей,
Самихъ себя касаяся, краснѣютъ.
Дозволено все это дѣлать мухамъ,
Мнѣ жъ вѣдно отъ этого бѣжать;
Имъ — воля, мнѣ — изгнаніе. И ты
Мнѣ говоришь, что ссылка лучше смерти!

Иль у тебя нѣтъ яда подь рукой,
Иль остраго ножа, или другого
Готоваго орудія для смерти, -
Лишь бы не столь ужаснаго, какъ ссылка,
Чтобы меня убить? — Я изгнанъ... О!
Вѣдь, это слово грѣшники въ аду
Со скрежетомъ и стономъ произносятся:
Какъ у тебя, духовнаго лица,
Врача души, рѣшителя грѣховъ
И моего испытаннаго друга —
Какъ у тебя теперь достало духу
Меня терзать ужаснымъ словомъ «изгнанъ»?

ЛОРЕНЦО.

Помѣшанный, безумный человѣкъ!
Дай мнѣ сказать два слова.

РОМЕО.

Чтобъ опять
Заговорить о ссылкѣ?

ЛОРЕНЦО.

Я хочу
Оружье дать тебѣ, чтобъ это слово
Ты отразилъ. Въ бѣдѣ услада — мудрость.
Она тебя утѣшитъ и въ изгнаньи.

РОМЕО.

Опять оно, изгнанье! — Къ черту мудрость!
Не можетъ, вѣдь, создать она Джульетту,
Перемѣститъ Верону, отмѣнить

76

Мой приговоръ. Когда она безсильна,
То нечего о ней и говорить.

ЛОРЕНЦО.

Я вижу, что нѣтъ слуха у безумцевъ.

РОМЕО.

Какъ быть ему, когда у мудрецовъ
Нѣтъ зрѣнія?

ЛОРЕНЦО.

Обсудимъ-ка съ тобою
Твои дѣла.

РОМЕО.

Какъ можешь ты судить
О томъ, чего не чувствуешь? Когда бы
Ты молодъ былъ, какъ я, любилъ Джульетту,
Обвѣнчанъ былъ лишь часъ тому назадъ,
Сведенъ съ ума и умертвилъ Тибальда,
И изгнанъ былъ, какъ я, — тогда бы ты
Могъ говорить; ты волосы бы рвалъ
И на землю упалъ бы такъ, какъ я,
Чтобъ мѣрку снять для будущей могилы.

(Стучать въ дверь.)

ЛОРЕНЦО.

Вставай, уйди, Ромео! Милый, спрячься.

РОМЕО.

Не спрячусь я, пока пары отъ вздоховъ
Меня отъ глазъ не скроютъ, какъ туманъ.

(Стучать.)

ЛОРЕНЦО.

Кто тамъ стучить? кто тамъ? — Вставай, Ромео.
Вставай; тебя здѣсь могутъ захватить.

(Стучать.)

Бѣги въ мою модельную. — Сейчасъ!
О, Господи, какъ онъ упрямъ. — Иду!

(Стучать.)

Кто громко такъ стучится? Вы откуда?
Что нужно вамъ?

КОРМИЛИЦА.

Впустите, и тогда
Узнаете. Синьорою Джульеттой
Я прислана.

ЛОРЕНЦО.

О, если такъ, добро
Пожаловать.

КОРМИЛИЦА.

Святой отецъ скажите —

Гдѣ мужъ моей синьоры, гдѣ Ромео?

ЛОРЕНЦО.

Вонъ, на полу, онъ опьянѣлъ отъ слезъ.

КОРМИЛИЦА.

Какъ и моя синьора: съ нею то же.
О, горькое сочувствіе! бѣдняжки!
Какъ разъ вотъ такъ лежитъ она и плачетъ
Безъ удержа. — Да будьте же мужчиной;
Ну, встаньте для Джульетты, для нея!
Зачѣмъ вздыхать такъ глубоко?

РОМЕО.

Ахъ, няня!

КОРМИЛИЦА.

Синьоръ, синьоръ, вѣдь, смерть — конецъ всему.

РОМЕО.

Ты о Джульеттѣ здѣсь упомянула?
Ну, что она? считаетъ ли меня
Она теперь убійцей закоснѣлымъ?
Вѣдь, колыбель счастливыхъ нашихъ дней
Я запятналъ столь близкою ей кровью!
Что дѣлаетъ, что говоритъ она,
Она, моя супруга въ тайномъ бракѣ, —
Теперь, когда расторгнуть нашъ союзъ?

КОРМИЛИЦА.

Да ничего не говоритъ, все плачетъ;
То упадетъ въ постель, то вскочитъ снова,
Зоветь Тибальда, вскрикнетъ вдругъ «Ромео!»
И падаетъ.

РОМЕО.

Какъ будто это имя
Убьетъ ее внезапно, точно пуля,
Подобно какъ ея кузень убить
Проклятою рукой того жъ Ромео!
Скажи, монахъ, скажи мнѣ, гдѣ та часть
Презрѣнная вотъ этой самой плоти,
Гдѣ имя то гнѣздится, чтобы я
Разрушить могъ пріютъ тотъ ненавистный!

(Вынимаетъ мечъ.)

ЛОРЕНЦО.

Мужчина ль ты? По виду — да, мужчина,
Но женскія ты проливаешь слезы
И дѣйствуешь, какъ неразумный звѣрь.
О, женщина, во образѣ мужчины,
Въ двухъ видахъ звѣрь! меня ты изумляешь.
Клянусь святымъ я орденомъ моимъ,
Я думалъ, что характеромъ ты тверже.
Ты умертвилъ Тибальда, а теперь
Себя убить ты думаешь — и вмѣстѣ
Убить жену, живущую тобою,
Проклятіе обрушивъ на себя!
Что возстаешь ты на свое рожденье,
На небо, землю, — такъ какъ всѣ онѣ
Въ тебѣ слились, и ты намѣрень разомъ
Расторгнуть ихъ тройной союзъ. Стыдись!
Позоришь ты свой образъ и свой разумъ,
Свою любовь, — ты ими надѣлень
Съ избыткомъ, но, какъ ростовщикъ, не хочешь
Извлечь изъ нихъ ту истинную пользу,
Которая украсила бы ихъ.
Что сдѣлалось съ твоею благородной
Наружностью? На восковую куклу
Ты сталъ похожъ, утратилъ твердость мужа;
Твоя любовь — лишь клятвопреступленье,
Такъ какъ убить ты хочешь ту любовь,
Которую поклялся ты лелѣять;
Твой умъ, краса и тѣла, и любви,
Въ поступкахъ ихъ обоихъ исказился:
Какъ порохъ у неловкаго солдата

77

Въ его сумѣ: онъ вспыхнулъ вдругъ, — и ты
Разорванъ имъ, не зная — какъ владѣть
Орудіемъ для собственной защиты.
Ну, полно, встань, ободрись; вѣдь, Джульетта,
Изъ-за которой чуть не умеръ ты,
Жива, — и въ этомъ случаѣ ты счастливъ.
Тебя Тибальдъ хотѣлъ убить, но ты
Убилъ его, — и здѣсь ты тоже счастливъ.
Законъ, что смерть сулилъ тебѣ, смягченъ:
Ты не казненъ, а изгнанъ, — снова счастье!
Да, сыплются всѣ блага на тебя,
Фортуна льнетъ къ тебѣ, облекшись въ лучшій

Нарядъ, но, какъ сердитая дѣвчонка,
Ты дуешься на счастье свое
И на любовь свою. Остерегайся, —
Не то — дойдешь до жалкаго конца.
Ступай къ своей возлюбленной, какъ было
Условлено; къ ней въ комнату войди,
Утѣшь ее; но тамъ не оставайся
До той поры, какъ ставятъ часовыхъ, —
Иль въ Мانتую тебѣ ужъ не пробраться.
Жди въ Мантуѣ, пока мы не найдемъ
Возможности всѣмъ объявить о бракѣ,
Съ нимъ помирить друзей и испросить
Прощенія у герцога. Въ Верону
Мы вызовемъ тогда тебя, — и радость
Твоя сильнѣй въ сто тысячъ будетъ разъ,
Чѣмъ этотъ плачь при отправленьи въ ссылку.
Кормилица, ступай впередъ, поклонь
Мой передай синьорѣ; пусть уложитъ
Пораньше всѣхъ своихъ домашнихъ спать, —
Не мудрено устроить это: всѣ
Утомлены своимъ тяжелымъ горемъ.
Скажи ей, что идетъ Ромео.

КОРМИЛИЦА.

Боже!
Готова я остаться тутъ всю ночь —
Разумныя такія рѣчи слушать.
Ученость-то, ученость-то что значить!
Я госпожѣ моей скажу, синьоръ,
Что вы сейчасъ придете.

РОМЕО.

Хорошо.
Скажи, чтобы она была готова
Меня бранить.

КОРМИЛИЦА.

Вотъ вамъ кольцо отъ ней.
Скорѣй, синьоръ, становится ужъ поздно.

(Уходитъ.)

РОМЕО.

Какъ это все ободрило меня!

ЛОРЕНЦО.

Иди, иди; спокойной ночи. Помни:

Твоя судьба зависит отъ того,
Чтобъ здѣсь не быть, какъ стануть ставить стражу,
Или чуть свѣтъ уйти переодѣтымъ.
Жди въ Мантуѣ: чрезъ твоего слугу,
Котораго я отыщу, ты будешь,
По временамъ, извѣстья получать
О всемъ, что здѣсь въ твою случится пользу.
Дай руку мнѣ; ужь поздно; ну, прощай,
Спокойной ночи.

РОМЕО.

Если бъ эта радость,
Что выше всѣхъ другихъ, не призывала
Меня теперь, то было бъ горько мнѣ
Съ тобою такъ поспѣшно разлучиться.
Прощай.

(Уходятъ.)

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Капулетти.

Входятъ: КАПУЛЕТТИ, СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ и ПАРИСЬ.

КАПУЛЕТТИ.

Синьоръ, у насъ теперь такое горе,
Что времени еще мы не нашли
Поговорить съ Джульеттой; вѣдь, она
Любила такъ Тибальда, да и я
Его любилъ. Что дѣлать, родились мы,
Чтобъ умереть. Теперь ужь очень поздно,
Сегодня ужь она не выйдетъ къ намъ.
Я былъ бы самъ ужь часъ назадъ въ постели.
Когда бъ не ваше общество.

ПАРИСЬ.

Въ такія
Минуты горя не до сватовства.
Синьора, доброй ночи; передайте
Поклонъ мой синьоринѣ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Передамъ
И спрошу Джульетту завтра утромъ,
Что думаетъ она на этотъ счетъ.
Теперь она вся отдалась печали.

КАПУЛЕТТИ.

Синьоръ Парись, рѣшаюсь поручиться
Я за любовь къ вамъ дочери моей.
Я думаю, — нѣтъ, я не сомнѣваюсь, —
Она во всемъ послушна будетъ мнѣ.
Жена, сходи къ ней, прежде чѣмъ ты ляжешь
Въ свою постель, и сообщи ей тотчасъ
О предложеньи сына моего
Париса; и скажи ты ей, что въ среду...
Но что у насъ сегодня?

ПАРИСЪ.

Понедѣльникъ.

КАПУЛЕТТИ.

Ужели? Ну, такъ въ среду слишкомъ рано,
А пусть въ четвергъ. (*Женъ.*) Скажи ей, что въ четвергъ
Вѣнчается она вотъ съ этимъ графомъ. (*Парису.*)
Вы будете ль готовы къ четвергу,

78

И нравится ль такая вамъ поспѣшность?
Отпразднуемъ мы свадьбу поскромнѣй:
Вотъ видите, Тибальдъ убитъ недавно,
А такъ какъ онъ нашъ родственникъ, то скажутъ,
Что смерть его намъ нипочемъ, когда
Мы пировать ужъ слишкомъ шумно будемъ.
Поэтому, съ поддюжины друзей —
И только. Что же думаете вы
О четвергъ?

ПАРИСЪ.

Синьоръ, желалъ бы я,
Чтобы четвергъ былъ завтра!

КАПУЛЕТТИ.

Хорошо.
Итакъ, въ четвергъ. Жена, иди къ Джульеттѣ
И сообщи о днѣ вѣнчанья ей.
Синьоръ Парись, прощайте. — Эй, огня
Мнѣ въ комнату! Свѣтите мнѣ. Теперь
Такъ поздно, что сейчасъ намъ будетъ можно
Сказать, что очень рано. — Доброй ночи!

(Уходят.)

СЦЕНА V.

Комната Джульетты.

Входят РОМЕО и ДЖУЛЬЕТТА.

ДЖУЛЬЕТТА.

Какъ! хочешь ты уйти? Но далеко
Еще до дня. Не жаворонокъ это,
А соловей твой робкій слухъ встревожилъ;
Онъ по ночамъ всегда поетъ вонъ тамъ,
На деревъ гранатовомъ. Повѣрь мнѣ,
Мой дорогой, ты слышалъ соловья.

РОМЕО.

Не соловей, а жаворонокъ пѣлъ.
Смотри, моя любовь, какъ на востокъ
Расходятся другъ съ другомъ облака
И полосы завистливыя свѣта
Какъ бахромы, охватываютъ ихъ.
Свѣтильники ночные догорѣли;
Веселый день на цыпочкахъ стоитъ,
Смотря черезъ туманныя вершины
Высокихъ горъ. Я долженъ уходить,
Чтобъ быть живымъ; иль здѣсь еще остаться —
И умереть.

ДЖУЛЬЕТТА.

Не утренній то свѣтъ,
А метеоръ; его послало солнце,
Чтобъ онъ твоимъ факелоносцемъ былъ
И освѣщаль до Мантуи дорогу.

РОМЕО.

Пускай меня захватятъ и убьютъ;
Согласенъ я, когда тебѣ угодно.
Я признаю, что тотъ вонъ сѣрый свѣтъ
Не утра лучъ, а только блѣдный отблескъ
Отъ Цинтіи; не жаворонка пѣснь
Небесный сводъ надъ нами оглашаетъ.
Пріятнѣй мнѣ остаться, чѣмъ уйти.
Приди же, смерть! Джульетта такъ желаетъ.
Не правда ли, моя душа? Мы будемъ
Бесѣдовать, — теперь еще не день.

ДЖУЛЬЕТТА.

День, день! Спѣши, бѣги скорѣй отсюда!
То жаворонокъ фальшиво такъ поетъ,
Противная, пронзительная пѣсня! —
А говорятъ мелодія въ ней есть,
Пріятныя для слуха раздѣленья;
Неправда все: онъ раздѣляетъ насъ.
Слыхала я, что съ жабою глазами
Онъ помѣнялся: какъ желала бѣ я,
Чтобъ голосомъ онъ помѣнялся тоже!
Встревожилъ насъ онъ голосомъ своимъ;
Объятія онъ наши расторгаетъ,
И, свой привѣтъ трубя лучамъ дневнымъ,
Отсель тебя, мой милый, прогоняетъ.
Иди, иди, растетъ все больше свѣтъ.

РОМЕО.

И вмѣстѣ съ нимъ — тьма нашихъ мрачныхъ бѣдъ.

Входитъ КОРМИЛИЦА.

КОРМИЛИЦА.

Синьора!

ДЖУЛЬЕТТА.

Что ты, няня?

КОРМИЛИЦА.

Ваша мать
Идетъ сюда; смотрите, берегитесь —
Уже разсвѣтъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Впусти же день, окно,
И жизнь мою ты выпусти отсюда.

РОМЕО.

Прощай, прощай! Одинъ лишь поцѣлуй,
И я спущусь.

(Спускается по веревочной лѣстницѣ.)

ДЖУЛЬЕТТА.

Ужъ ты ушелъ, мой милый,
Моя любовь, мой мужъ, властитель, другъ!
О, каждый день въ теченіе часа
Должна имѣть я о тебѣ извѣстья:
Вѣдь, для меня такъ много дней въ минутъ!
По этому расчету, сильно я

Состарѣюсь до той поры, какъ снова
Увижу я Ромео моего.

РОМЕО.

Прощай, мой другъ; повѣрь, не пропущу
Ни одного я случая — послать
Тебѣ привѣтъ сердечный, дорогая.

ДЖУЛЬЕТТА.

Ты думаешь, мы свидимся опять?

РОМЕО.

Да, въ этомъ я сомнѣнья не имѣю;

79

И обо всѣхъ печаляхъ этихъ намъ
Современемъ пріятно будетъ вспомнить.

ДЖУЛЬЕТТА.

О, Господи, къ предчувствіямъ зловѣщимъ
Склонна моя душа: теперь, когда
Ты тамъ, внизу сдается мнѣ, что вижу
Я мертвеца во глубинѣ могилы...
Или глаза такъ измѣняютъ мнѣ,
Иль блѣденъ ты.

РОМЕО.

Повѣрь, что точно такъ же
Ты блѣдною мнѣ кажешься отсюда.
Скорбь жадная пьетъ нашу кровь. Прощай!

(Уходитъ.)

ДЖУЛЬЕТТА.

Тебя зовутъ измѣнчивой, Фортуна;
А если ты измѣнчива, то что
Тебѣ до тѣхъ, кто вѣрять? Оставайся
Измѣнчивой: тогда, надѣюсь, ты
Вернешь его мнѣ скоро.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ *(за сценой)*.

Дочь, ты встала?

ДЖУЛЬЕТТА.

Кто тамъ зоветъ? Не мать ли? Неужели
Она еще спать не легла, до поздней
Такой поры, или такъ рано встала?
Зачѣмъ она идетъ въ подобный часъ?

Входитъ СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Джульетта, какъ ты чувствуешь себя?

ДЖУЛЬЕТТА.

Нехорошо.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Все плачешь о кузенѣ?
Иль изъ земли его ты хочешь вырыть
Потокомъ слезъ? Когда бъ ты и могла,
То все жъ его ты воскресить не можешь.
Оставь свой плачь: печаль есть знакъ любви,
Излишество печали — безразсудство.

ДЖУЛЬЕТТА.

Но дайте мнѣ поплакать о такой
Чувствительной утратѣ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Такъ ты будешь
Лишь чувствовать свою утрату: друга
Не воскресишь.

ДЖУЛЬЕТТА.

Но, чувствуя утрату,
Я не могу не плакать и о другѣ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Нѣтъ, дѣвочка, не столько о Тибальдо
Ты плачешь, какъ о томъ, что живъ мерзавецъ,
Что умертвилъ его.

ДЖУЛЬЕТТА.

Какой мерзавецъ?

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Да тотъ же все, Ромео.

ДЖУЛЬЕТТА (*въ сторону*).

Вотъ ужъ это
Названіе совсѣмъ нейдетъ къ нему.

(Громко.)

Прости ему Господь, а я прощаю
Отъ всей души, хотя никто, какъ онъ,
Не причинялъ еще мнѣ столько горя.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Тѣмъ именно, что онъ, убійца, живъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

И далеко отъ рукъ моихъ. Никто бы
Не могъ отмстить такъ хорошо, какъ я,
За смерть кузена!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

О, не безпокойся:
Мы отомстимъ, Джульетта. Полно плакать.
Тамъ, въ Мантуѣ, гдѣ этотъ подлый ссыльный
Теперь живетъ, есть нѣкто у меня,
Кому я поручу поднести такого
Питья ему, что и Ромео скоро
Отправится къ Тибальду; и тогда,
Надѣюсь, ты довольна будешь.

ДЖУЛЬЕТТА.

Нѣтъ.
Не буду я довольна по тѣхъ поръ,
Пока его я не увижу... мертвымъ...
Да, мертвымъ стало сердце у меня,
Тоскуя о покойникѣ. Синьора,
Найдите лишь такого человѣка,
Который бы отнесъ Ромео ядъ;
А я его такъ хорошо составлю,
Что тотчасъ же спокойно онъ заснетъ,
Принявъ его. Какъ больно сердцу — слышать
Ромео имя и не обладать
Возможностью пойти къ нему тотчасъ же,
Чтобъ всю любовь, которую къ Тибальдо
Питала я, обрушить на убійцу!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Готовъ свой ядъ; такого человѣка
Я отыщу. Теперь же, дочь моя,
Скажу тебѣ я радостную новость.

ДЖУЛЬЕТТА.

Въ столь грустныя минуты радость кстати;

Въ чемъ эта новость состоитъ, синьора?

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Дитя мое, заботливъ твой отецъ:
Чтобы тебя избавить отъ печали,
Онъ выбралъ день для радости внезапной,
Нежданной для тебя и для меня.

ДЖУЛЬЕТТА.

Какой же день? Какая это радость?

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Дитя мое, въ четвергъ, поутру, въ храмъ
Петра тебя прекрасный графъ Парись,

80

Достойный, благородный, назоветъ
Счастливою своей женой.

ДЖУЛЬЕТТА.

Нѣтъ, храмомъ
Петра клянусь, святымъ Петромъ клянусь,
Что не назвать ему меня женою!
Да и притомъ, я такъ изумлена
Поспѣшностью такою. Какъ возможно,
Вѣнчаться съ тѣмъ, кто моего согласья
На этотъ бракъ не спрашивалъ? Синьора,
Пожалуйста скажите вы отцу,
Что выходить я замужъ не желаю
Покуда; а когда пойду, клянусь,
Я выберу скорѣе ужъ Ромео, —
Котораго такъ ненавижу я, —
Чѣмъ графа. Да дѣйствительно, сказали
Вы новость мнѣ!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Вотъ твой отецъ идетъ.
Скажи ему сама, и ты увидишь —
Какъ приметъ онъ рѣшеніе твое.

Входятъ Капулетти и Кормилица.

КАПУЛЕТТИ.

Съ закатомъ дня роса на землю сходить,
Но моего племянника закатъ

Принеси намъ дождь. Что, дѣвочка-фонтанъ?
Ты все въ слезахъ, не унялся ихъ ливень?
Теперь въ твоёмъ миниатюрномъ тѣлѣ
И море есть, и вѣтеръ, и ладья:
Твои глаза, что я назвалъ бы моремъ,
Вздымаются приливомъ горькихъ слезъ;
Средь этого соленого потока
Плыветъ ладья — твое, Джульетта, тѣло;
А вѣтеръ, что съ потокомъ этимъ спорить
Такъ бѣшено, изображаютъ вздохи.
И если штиль внезапный не придетъ,
Твою ладью сломаетъ эта буря.
Ну, что, жена, передала ль ты ей,
Что мы съ тобой рѣшили?

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Да, синьоръ;
Но ничего она не хочетъ слышать,
И васъ она благодарить. Ужъ лучше бѣ
Съ могилой ей, безумной, повѣнчаться!

КАПУЛЕТТИ.

Постой, жена; дай мнѣ понять, — ужели
Ломается и намъ неблагодарна?
Иль гордости не чувствуетъ она?
Или себя счастливой не считаетъ
Тѣмъ, что въ мужа мы выбрали для ней
Достойнаго такого человѣка?

ДЖУЛЬЕТТА.

Я выборомъ подобнымъ не горжусь,
Но за него я все жъ вамъ благодарна.
Я не могу гордиться тѣмъ, что мнѣ
Не нравится, но благодарной быть
Могу я и за ненавистный даръ,
Придуманный любовью.

КАПУЛЕТТИ.

Что за вздоръ!
Ты черезчуръ мудришь. Что это значить?
То я «горжусь», и васъ «благодарю»,
То «не горжусь» «и все же благодарна».
Но, госпожа причудница, оставь, —
Не нужно мнѣ твоихъ благодареній,
Ни гордости, — а къ четвергу готовь
Прекрасные суставчики свои,

Чтобы итти во храмъ Петра съ Парисомъ,
Иль я тебя насильно поташу.
Прочь съ глазъ моихъ, зеленый ты стервенокъ!
Вонъ, сволочь, дрянъ, съ безжизненнымъ лицомъ!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Ну, можно ль такъ? Иль ты сошелъ съ ума?

ДЖУЛЬЕТТА.

Отецъ, молю васъ выслушать меня
Съ терпѣніемъ; сказать мнѣ дайте слово.

КАПУЛЕТТИ.

Прочь отъ меня, негодная дѣвчонка,
Упрямая ты тварь! знай напередъ:
Или въ четвергъ отправишься ты въ церковь,
Иль никогда являться мнѣ не смѣй.
Молчи, не возражай, не отвѣчай мнѣ;
Мои ужъ руки чешутся... Жена,
Считали мы благословеньемъ Бога,
Что Онъ намъ далъ одну лишь эту дочь;
Но вижу я теперь, что и одна —
Излишній даръ, что въ ней - проклятье наше.
Вонъ, дохлая!

КОРМИЛИЦА.

Спаси ее, Господь!
Стыдъ вамъ, синьоръ, такъ дѣвочку позорить.

КАПУЛЕТТИ.

А почему, моя синьора Мудрость?
Сдержи языкъ, благая Осторожность,
Ступай болтать съ подобными себѣ.

КОРМИЛИЦА.

Я ничего дурного не сказала.

КАПУЛЕТТИ.

Проваливай!

КОРМИЛИЦА.

Иль говорить нельзя?

КАПУЛЕТТИ.

Молчи, молчи, бормочущая дура!
Побереги премудрость ты свою
Для болтовни за чаркою; а намъ

Въ ней нужды нѣтъ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Ты слишкомъ горячишься.

КАПУЛЕТТИ.

Но, Господи Владыка! это сводитъ
Меня съ ума. Вѣдь я и днемъ, и ночью,
Во всякій часъ, за дѣломъ, за игрой,
Наединѣ и въ обществѣ — все думалъ,

81

Какъ мужа ей найти — и вотъ, нашель
Ей жениха изъ знатнаго семейства:
Онъ молодъ и воспитанъ, и богатъ,
Красивъ, уменъ; онъ обладаетъ всѣмъ,
Чего желать возможно человѣку; —
И вдругъ теперъ — вотъ эта дура, плакса
Негодная, вотъ эта кукла, дрянъ,
Когда само ей счастье лѣзетъ въ руки,
Ломается и хнычетъ: «не пойду
Я замужъ», «я еще такъ молода»,
«Я не могу любить его»; «простите,
Прощу я васъ». Ну, хорошо, прощю;
Но если ты не выйдешь замужъ, то
Питайся, гдѣ ты хочешь — ты не будешь
Со мною жить. Подумай же объ этомъ,
И вспомни, что шутить я не привыкъ.
Коль ты мнѣ дочь, то выходи за графа.
Не выйдешь — такъ повѣсься, голодай,
Будь нищею, на улицѣ подохни, —
Но никогда — клянусь моей душой! —
Я дочерью тебя ужъ не признаю,
Мое твоимъ не будетъ никогда.
Подумай же и вѣрь: сдержу я клятву.

(Уходитъ.)

ДЖУЛЬЕТТА.

Иль въ небесахъ нѣтъ жалости? Вѣдь, взоръ ихъ
До дна моей печали проникаетъ.
Мать милая, не прогоняй меня,
Прощу я васъ отсрочить бракъ на месяцъ,
Хоть на недѣлю; если же нельзя,

Устройте мнѣ вы брачную постель
Въ томъ темномъ склепѣ, гдѣ лежитъ Тибальдо

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Не говори: я отвѣчать не буду.
Что хочешь, то и дѣлай; я съ тобою
Покончила.

(Уходитъ.)

ДЖУЛЬЕТТА.

О, Господи! ахъ, няня,
Что дѣлать мнѣ? какъ избѣжать мнѣ брака?
Мужъ на землѣ, а клятва въ небесахъ:
Возможно ль ей на землю возвратиться,
Пока мой мужъ самъ не пришлетъ ее
Сюда съ небесъ, оставивъ эту землю?
Дай мнѣ совѣтъ, утѣшь меня. Увы!
Увы, зачѣмъ, съ какою цѣлью Небо
Устроило такую западню
Противъ меня, столь слабаго созданья?
Что скажешь ты? иль слова утѣшенья
И радости нѣтъ, няня, у тебя?

КОРМИЛИЦА.

Есть. Вотъ оно: Ромео твой — изгнанникъ;
Всѣмъ поручусь, что не посмѣетъ онъ
Явиться здѣсь, чтобъ требовать супругу;
Прійти сюда онъ можетъ лишь тайкомъ.
Итакъ, тебѣ, я полагаю, лучше
За графа выйти. Славный господинъ!
Въ сравненьи съ нимъ Ромео — просто тряпка.
Такихъ живыхъ, прекрасныхъ, свѣтлыхъ глазъ,
Какъ у него, нѣтъ у орла, синьора!
Я думаю — и клятву я даю —
Что счастлива ты будешь въ этомъ бракѣ.
Онъ первый бракъ твой превосходитъ всѣмъ.
Но если бы онъ даже былъ не лучше,
То перваго теперь ужъ мужа нѣтъ:
Хоть онъ и живъ, но для тебя онъ умеръ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Ты говоришь отъ сердца?

КОРМИЛИЦА.

И отъ всей
Моей души. На сердце и на душу —

Проклятіе, когда не такъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Аминь.

КОРМИЛИЦА.

Что?

ДЖУЛЬЕТТА.

Ты чудно такъ утѣшила меня.
Теперь ступай и матушкѣ скажи,
Что я ушла къ духовнику, къ Лоренцо.
Разогорчивъ отца, въ моемъ грѣхѣ
Я принести желаю покаянье.

КОРМИЛИЦА.

Сейчасъ иду. Вотъ это — такъ умно.

(Уходитъ.)

ДЖУЛЬЕТТА.

О, демонъ злой, проклятая старуха!
Что можетъ быть преступнѣй, какъ желать
Чтобы свою нарушила я клятву,
Иль унижать такъ мужа моего,
Тѣмъ языкомъ, что столько тысячъ разъ
Превозносилъ его превыше мѣры?
Совѣтница негодная, иди;
Отнынѣ мы чужія другъ для друга.
Пойду-спрошу — что скажетъ мнѣ монахъ:
Коль средства нѣтъ, то мужество и силу
Имѣю я — сама сойти въ могилу.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Келья монаха Лоренцо.

Входятъ ЛОРЕНЦО и ПАРИСЬ.

ЛОРЕНЦО.

Въ четвергъ, синьоръ? Короткій это срокъ.

ПАРИСЬ.

Такъ хочеть тесть мой, Капулетти; я же
Не думаю противиться ему.

82

ЛОРЕНЦО.

Сказали вы, что мыслей синьорины
Не знаете: не гладкій это путь,
Не нравится мнѣ это.

ПАРИСЬ.

О Тибальдо
Она такъ плачетъ, что не могъ я съ нею
Поговорить, какъ должно, о любви:
Вѣдь въ домѣ слезъ Венера не смѣется.
Ея отецъ опасность видитъ въ томъ,
Что дочь такой печали предается,
И свадьбою торопитъ онъ, чтобъ слезы,
Что льетъ она средь одинокихъ думъ,
Остановить сообществомъ супруга;
Вотъ почему спѣшитъ онъ.

ЛОРЕНЦО (*въ сторону*).

Я бѣ желалъ
Не знать причинъ, препятствующихъ свадьбѣ.

(*громко.*)

Вотъ и она идетъ сюда, синьоръ.

Входитъ ДЖУЛЬЕТТА.

ПАРИСЬ.

Я счастливъ, что васъ встрѣтилъ, синьорина,
Моя жена.

ДЖУЛЬЕТТА.

Быть можетъ, если только
Могу я быть женою.

ПАРИСЬ.

Вы должны
И будете моей женой въ четвергъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Что быть должно, то будетъ.

ЛОРЕНЦО.

Это вѣрно.

ПАРИСЪ.

На исповѣдь къ духовному отцу
Пришли вы?

ДЖУЛЬЕТТА.

Вамъ отвѣтить — было бѣ то же,
Что каяться предъ вами во грѣхахъ.

ПАРИСЪ.

Не отрицайте передъ нимъ своей
Любви ко мнѣ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Предъ вами я покаюсь,
Что я люблю его.

ПАРИСЪ.

Ну, а ему
Покайтесь, что любите меня.

ДЖУЛЬЕТТА.

Когда я это сдѣлаю, тогда
Признаніе мое цѣннѣе будетъ,
Чѣмъ если бѣ я призналась вамъ въ глаза.

ПАРИСЪ.

Бѣдняжка, какъ лицо твое отъ слезъ
Поблекло!

ДЖУЛЬЕТТА.

Нѣтъ, вреда ему большого
Не сдѣлали онѣ: оно и такъ,
До этихъ слезъ, ужъ было некрасиво.

ПАРИСЪ.

Ты больше слезъ вредишь ему словами.

ДЖУЛЬЕТТА.

Но истина — не клевета; притомъ,
Вѣдь о своемъ лицѣ я говорю.

ПАРИСЪ.

Оно мое, ты жъ на него клеветцешь.

ДЖУЛЬЕТТА.

Быть может — да, такъ какъ оно не мнѣ
Принадлежитъ. Святой отецъ, теперь
Свободны ль вы, иль около вечерни
Прійти мнѣ къ вамъ?

ЛОРЕНЦО.

Къ твоимъ услугамъ я.
Синьоръ, мы съ ней должны одни остаться.

ПАРИСЬ.

Избави Богъ, чтобъ въ дѣлѣ покаянья
Я сталъ мѣшать. Джульетта, разбужу
Я рано васъ въ четвергъ. Теперь — прощайте,
Примите мой священный поцѣлуй.

(Цѣлуетъ ее и уходитъ.)

ДЖУЛЬЕТТА.

О, дверь запри, и будемъ вмѣстѣ плакать;
Нѣтъ помощи, спасенья для меня!

ЛОРЕНЦО.

Извѣстно мнѣ твое, Джульетта, горе;
Какъ тутъ помочь — придумать не могу.
Я слышалъ, ты въ четвергъ должна вѣнчаться:
Ничѣмъ нельзя отсрочить этотъ бракъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Не говори, что ты объ этомъ слышалъ,
А научи — какъ это устранить.
Коль мудростью своей не въ состояньи
Ты мнѣ помочь, то назови хоть мудрымъ
Рѣшеніе мое, — и этотъ ножъ
Сейчасъ меня отъ бѣдствія избавить.
Душой самъ Богъ соединилъ меня
Съ Ромео; ты соединилъ намъ руки, —
И прежде чѣмъ вотъ этою рукой
Я договоръ скрѣплю о новомъ бракѣ
Иль моему Ромео измѣню,
Чтобы отдать другому это сердце, —
Погибнуть пусть и сердце, и рука.
Пусть опытность преклонныхъ лѣтъ научить
Тебя — подать мнѣ тотчасъ же совѣтъ;
Не то — между моей бѣдой и мною
Посредникомъ вотъ этотъ будетъ ножъ,
И онъ рѣшитъ — тамъ, гдѣ твой умъ и опытъ

Мнѣ честнаго исхода не дадутъ.
 Ну, говори скорѣе, не томи, —
 Я безъ того томлюсь отъ нетерпѣнья:
 Смерть, смерть скорѣй, когда ужъ нѣтъ спасенья!

ЛОРЕНЦО.

Послушай, дочь: надежду вижу я,
 Но тутъ нужна отчаянная смѣлость,
 Настолько же отчаянная, какъ
 То бѣдствіе, что отвратить намъ нужно.
 Когда ужъ ты рѣшилась умереть
 Скорѣе, чѣмъ за графа выйти замужъ,
 То предпочтешь ты настоящей смерти
 Притворную, чтобъ избѣжать стыда,
 Влекущаго тебя къ самоубійству.
 Коль ты смѣла, то способъ я найду.

ДЖУЛЬЕТТА.

О, только бы не выходить за графа!
 Вели ты мнѣ съ той башни вонъ спрыгнуть,
 Итти къ ворами, съ змѣями пресмыкаться,
 Или закуй меня съ медвѣдемъ на цѣпь,
 Иль на ночь въ склепъ, наполненный костями
 Смердящими и грудой череповъ,
 Меня запри, иль въ свѣжую могилу
 Вели мнѣ лечь подъ саванъ мертвеца, —
 Все, все, о чемъ и слышать не могу я
 Безъ трепета, готова сдѣлать я,
 Безъ всякаго сомнѣнія и страха,
 Чтобъ милому Ромео моему
 Остаться мнѣ женою безупречной.

ЛОРЕНЦО.

Такъ слушай же: иди теперь домой;
 Будь весела и изъяви согласие
 На этотъ бракъ. Вѣдь, завтра среда, —
 Такъ завтра въ ночь одна останься въ спальнѣ.
 Кормилицѣ спать въ комнатѣ твоей
 Не позволяй. Возьми вотъ эту склянку
 И выпей всю. По жиламъ у тебя
 Холодная тогда польется влага,
 Твой пульсъ замретъ; ни тѣла теплота,

Ни слабое дыханіе не выдасть,
Что ты жива; румянецъ губъ и щекъ
Въ безжизненный цвѣтъ пепла превратится,
Опустятся покровы глазъ твоихъ,
Подобно какъ у мертвыхъ при кончинѣ,
И пролежишь ты сорокъ два часа,
Какъ будто бы въ оцѣпенѣнныи смерти.
Затѣмъ какъ бы отъ сладостнаго сна
Пробудишься. Когда придетъ поутру
Женихъ, чтобы невѣсту разбудить,
Тебя найдутъ ужъ мертвою въ постели;
Въ парадныя одежды облекутъ,
И отнесутъ тебя въ открытомъ гробѣ
Въ семейный склепъ усопшихъ Капулетти.
Я, между тѣмъ, Ромео извѣщу.
Онъ явится къ назначенному сроку,
И вмѣстѣ съ нимъ я буду ожидать
Тамъ твоего отъ смерти пробужденья.
И въ ту же ночь онъ въ Мантую съ тобой
Отправится; грозящаго позора
Избѣгнешь ты, когда непостоянство
Иль женскій страхъ тому не помѣшаетъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Дай склянку мнѣ! Не говори о страхѣ.

ЛОРЕНЦО.

На, вотъ, возьми и уходи; будь твердой
И счастливой въ рѣшеніи своемъ.
Я въ Мантую сейчасъ пошлю монаха
Съ моимъ письмомъ къ супругу твоему.

ДЖУЛЬЕТТА.

Любовь, пошли мнѣ твердость! Только твердость
Спасетъ меня. — Прощайте, мой отецъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Капулетти.

Входятъ: КАПУЛЕТТИ, СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ, КОРМИЛИЦА и слуги.

КАПУЛЕТТИ *(одному изъ слугъ)*.

Кто только здѣсь показанъ въ этомъ спискѣ,
Всѣхъ пригласи. *(Слуга уходитъ.)*

(Другому слугѣ.)

А ты ступай — найми
Десятка два хороших поваровъ.

2-й СЛУГА. Я не приведу ни одного плохого, синьоръ; я испытаю ихъ:
посмотрю — облизываютъ ли они свои пальцы.

КАПУЛЕТТИ. Да въ чемъ же тутъ испытаніе?

2-й СЛУГА. А вотъ въ чемъ, синьоръ: плохъ тотъ поваръ, который не
облизываетъ своихъ пальцевъ; значить, такого я и не найму.

КАПУЛЕТТИ.

Ступай, ступай! (2-й слуга уходитъ.)
На этотъ разъ мы сладимъ пиръ кой-какъ.
Гдѣ дочь моя? Пошла къ отцу Лоренцо?

КОРМИЛИЦА.

Такъ точно.

КАПУЛЕТТИ.

Пусть; быть можетъ, вразумить
Онъ дерзкую, капризную дѣвчонку.

(Входитъ Джульетта.)

КОРМИЛИЦА.

Смотрите, вотъ она идетъ сюда,
Веселая.

КАПУЛЕТТИ.

Ну что, гдѣ ты шаталась,
Упрямица?

ДЖУЛЬЕТТА.

Тамъ, гдѣ меня учили
Раскаяться въ сопротивленьи вамъ.
Святой отецъ Лоренцо мнѣ велѣлъ

84

Просить у васъ прощенья на колѣняхъ.
Простите же, я умоляю васъ;
Отнынѣ вамъ я навсегда послушна.

КАПУЛЕТТИ.

Послать за графомъ, извѣстить его,
И завтра же скрѣпимъ мы этотъ узелъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Съ нимъ встрѣтилась я въ кельѣ у Лоренцо,
И съ нимъ была любезна, какъ могла,
Приличія границъ не нарушая.

КАПУЛЕТТИ.

Я очень радъ; прекрасно это; встань;
Давно бы такъ. — Мнѣ нужно видѣть графа.
Ступайте же, я говорю, — просите
Его ко мнѣ. Клянусь я Богомъ, это
Почтенный и святой монахъ; ему
Весь городъ нашъ обязанъ многимъ.

ДЖУЛЬЕТТА.

Няня,
Иди со мною въ комнату мою,
И помоги мнѣ выбрать украшенья,
Приличные для завтрашняго дня.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Для четверга; теперь еще не къ спѣху.

КАПУЛЕТТИ.

Иди съ ней, няня; завтра — въ церковь мы.

(Джульетта и кормилица уходятъ.)

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Не справиться намъ къ завтрашнему дню:
Почти ужъ ночь.

КАПУЛЕТТИ.

Молчи, я все улажу.
Ручаюсь я, все выйдетъ хорошо.
Иди къ Джульеттѣ, помоги ей выбрать
Себѣ нарядъ; я ужъ не лягу спать;
Оставь меня: на этотъ разъ я буду
Хозяйкою. Эй, вы! — Всѣ разошлись.
Ну, такъ я самъ отправлюся къ Парису,
Сказать, чтобъ онъ на завтра былъ готовъ.
Какъ на сердцѣ легко теперь, когда
Опомнилась капризная дѣвчонка.

СЦЕНА III.

Комната Джульетты.

Входятъ Джульетта и Кормилица.

ДЖУЛЬЕТТА.

Да, лучше всѣхъ другихъ вотъ эти платья.
Но, милая, оставь меня одну
На эту ночь; мнѣ нужно помолиться
Усерднѣе, чтобъ небеса своей
Улыбкою мнѣ озарили душу,
Которая, какъ знаешь ты сама,
Исполнена грѣха и непокорства.

Входитъ Синьора Капулетти.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Вы заняты? Не нужно ль вамъ помочь?

ДЖУЛЬЕТТА.

Нѣтъ, мы уже все выбрали, что нужно
И что идетъ для завтрашняго дня.
Теперь одной позвольте мнѣ остаться;
Пусть няня съ вами будетъ эту ночь:
У васъ теперь хлопотъ не оберешься.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Спокойной ночи; лягъ въ постель, усни:
Ты такъ теперь нуждаешься въ покоѣ.

(Синьора Капулетти и кормилица уходятъ.)

ДЖУЛЬЕТТА.

Прощайте. — Богу одному извѣстно,
Когда мы съ ней увидимся опять.
Холодный страхъ по жиламъ пробѣгаетъ;
Мнѣ кажется, что жизни теплоту
Онъ леденить. Я позову ихъ снова,
Чтобы онѣ ободрили меня.
Кормилица! — Къ чему? Что ей здѣсь дѣлать?
Должна одна я сцену разыграть
Ужасную. Сюда фіаль!
Что, если не подѣйствуетъ микстура?
Должна ль тогда вѣнчаться завтра я?
Нѣтъ, нѣтъ; вотъ въ чемъ мое спасенье будетъ.
Лежи вотъ здѣсь. А если это ядъ,
Что мнѣ хитро поднесъ монахъ, желая
Меня убить, чтобъ свадьбу устранить,
Которою онъ былъ бы обезчещенъ:
Вѣдь онъ меня съ Ромео повѣнчалъ?
Боюсь, что такъ. Однако, нѣтъ, едва ли, —
Не допущу я этой мысли злой:

Онъ до сихъ поръ былъ святостью извѣстенъ.
Что, если я проснусь въ своемъ гробу
До времени, когда придетъ Ромео,
Чтобъ выручить меня? Вотъ что ужасно!
Не задохнусь ли въ этомъ склепѣ я? —
Въ смердящій ротъ его не проникаетъ
Здоровый воздухъ... Не умру ль я прежде,
Чѣмъ явится Ромео мой? — А если
Останусь я жива, — то мысль одна,
Что смерть кругомъ и ночь, весь ужасъ мѣста,
Старинный склепъ, гдѣ столько ужъ вѣковъ
Всѣхъ Капулетти кости погребались
И гдѣ лежитъ Тибальдъ окровавленный,
Еще недавно такъ похороненный,
Гниющій тамъ подъ саваномъ своимъ;
Гдѣ, говорятъ, умершихъ тѣни бродятъ,
Въ извѣстные часы ночной порой...
Увы, увы! ужель невѣроятно,
Что рано такъ проснувшись въ этомъ смрадѣ
И слушающа стenanія кругомъ,
Похожія на стоны мандрагоры,
Когда ее изъ почвы вырываютъ, —

85

Возможно ли мнѣ не сойти съ ума?
О, если я среди ужасовъ подобныхъ
Проснусь вдругъ, то не лишусь ли я
Разсудка, и, въ безуміи моемъ,
Не стану ль я играть костями предковъ,
Не вырву ль я Тибальда трупъ кровавый
Изъ савана и, въ бѣшенствѣ, схвативъ
Кость одного изъ прадедовъ моихъ,
Не размозжу ль той костью, какъ дубиной,
Въ отчаяньи, я голову себѣ?
О, это что? Мнѣ кажется, я вижу
Тибальда тѣнь... Ромео ищетъ онъ,
Пронзившаго его своей рапирой.
Остановись, Тибальдъ! Иду, Ромео!
Иду! Я пью вотъ это для тебя.

(Бросается на постель.)

СЦЕНА IV.

Зала въ домѣ Капулетти.

Входятъ Синьора Капулетти и Кормилица.

Синьора Капулетти.

Возьми ключи и пряностей различныхъ
Достань еще.

Кормилица.

Тамъ требуютъ айвы
И финиковъ къ пастету.

Входитъ Капулетти.

Капулетти.

Шевелитесь!
Живѣй, живѣй. Кричалъ второй пѣтухъ,
Три пробило уже на колокольнѣ.
Анжелика, присматривай за всѣми
Печеньями, да не скупись.

Кормилица.

Уйдите,
Уйдите вы болтунъ, да лягте спать,
Не то — вы завтра будете больны,
Не спавши ночь.

Капулетти.

Ни крошечки не буду:
Случалось мнѣ глазъ не смыкать всю ночь
Изъ-за причинъ совсѣмъ не такъ серьезныхъ, —
И никогда я боленъ не бывалъ.

Синьора Капулетти.

Ну да, вѣдь, ты повѣса былъ извѣстный,
Любилъ ловить мышей ты по ночамъ;
Но я теперь не дамъ тебѣ проказить.

Синьора Капулетти и Кормилица уходятъ.

Капулетти.

Ревнивица!

Входятъ Слуги съ вертелами, дровами и корзинами.

Капулетти (*одному изъ слугъ*).

Что это ты несешь?

1-ый Слуга.

Для повара; но что — не знаю самъ. (*Уходитъ.*)

КАПУЛЕТТИ.

Скорѣй, скорѣй! (*2-му слугъ.*) Поди-ка принеси
Посуше дровъ; спроси о нихъ у Пьетро, —
Онъ знаетъ, гдѣ они.

2-ЫЙ СЛУГА.

И у меня
Есть голова, чтобъ отыскать дрова,
Я изъ-за нихъ не потревожу Пьетро.

(*Уходитъ.*)

КАПУЛЕТТИ.

Ну, молодець; отлично. Весельчакъ —
Собачій сынъ! тебя бы нужно сдѣлать
Начальникомъ полѣнцевъ. Боже мой,
Совсѣмъ ужъ день; графъ явится сейчасъ,
И съ музыкой, какъ это обѣщаль.

(*Музыка за сценой.*)

Да вотъ слышна и музыка; онъ близко.
Кормилица! жена! да гдѣ же, вы?

Входитъ Кормилица.

КАПУЛЕТТИ.

Кормилица, ступай, буди Джульетту,
Одѣнь ее, а я пока пойду
Потолковать съ Парисомъ. Ну, скорѣе,
Поторопись: женихъ уже пришелъ.

(*Уходитъ.*)

СЦЕНА V.

Комната Джульетты.

Джульетта лежитъ въ постели. Входитъ Кормилица.

КОРМИЛИЦА.

Сударыня! — Синьора! — госпожа! —
Джульетта! — встань! — Какъ крѣпко спить она.
Ягненокъ! — Вставай же! — Что за соня!
Ну, золото, сокровище! — невѣста!
Да полно спать! — Какъ мертвая, ни слова!
Иль выспаться ты хочешь напередъ,
За цѣлую недѣлю? Да и вправду

Парись не дасть тебѣ сегодня спать.
 О, Господи! вотъ спать! не добудиться!
 Но такъ, иль сякъ, а нужно разбудить.
 Синьора! вѣдь, женихъ тебя застанеть
 Въ постели; онъ спугнетъ тебя, смотри!
 Да это что? Она уже одѣлась

И снова спать легла. — Проснись!
 Синьора!.. Ахъ, спасите, помогите!
 Скорѣй сюда! Джульетта умерла!
 Зачѣмъ на свѣтъ я родилась? — Подайте
 Мнѣ aqua vitae!.. Ахъ! — Синьоръ! Синьора!

Входитъ СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Что тутъ за шумъ?

КОРМИЛИЦА.

О, злополучный день!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Въ чемъ дѣло?

КОРМИЛИЦА.

Вотъ смотрите, поглядите.

Бѣда, бѣда!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

О, Боже! Горе мнѣ!
 Моя дитя, единственная дочь,
 Очнись, взгляни, иль я умру съ тобою.
 Спасите! Помогите! Ну, зови!

Входитъ КАПУЛЕТТИ.

КАПУЛЕТТИ.

Вѣдь, это срамъ! Что не идетъ Джульетта?
 Женихъ ужъ здѣсь.

КОРМИЛИЦА.

Джульетта умерла!
 Скончалась! вотъ, — мертва она; о, Боже!

КАПУЛЕТТИ.

Что? Дайте мнѣ взглянуть. — Увы! о, горе!
Совсѣмъ, какъ ледъ! — въ ней кровь остановилась,
Суставы всѣ окоченѣли; — жизнь
Оставила давно ужъ эти губы;
Смерть на нее напала, какъ морозъ
Нежданный, что нѣжнѣйшій изъ цвѣтковъ
До времени на полѣ побиваетъ.

КОРМИЛИЦА.

Несчастный день!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

О, горестное время!

КАПУЛЕТТИ.

Смерть, дочь мою отнявшая, сковала
Языкъ мой, — я не въ силахъ говорить.

Входятъ монахъ Лоренцо и Парисъ съ музыкантами.

ЛОРЕНЦО.

Готова ли итти невѣста въ церковь?

КАПУЛЕТТИ.

Итти она готова; только ей
Ужъ никогда оттуда не вернуться.
Сынъ, въ эту ночь, предъ самымъ днемъ вѣнчанья,
Смерть спать легла съ невѣстою твоей,
И вотъ она, цвѣтокъ, убитый смертью,
Лежить здѣсь; и отнынѣ смерть — мой зять,
Наслѣдникъ мой, съ которымъ дочь моя
Повѣнчана. О, я умру и смерти
Оставлю все, — имущество и жизнь!

ПАРИСЪ.

А я-то, я: не могъ утра дожждаться,
И вотъ что мнѣ оно даетъ!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

Проклятый,
Несчастный, гнусный, ненавистный день!
Часъ горестный, какой когда-либо
Въ теченіи своемъ видало время!
Одна, одна, единственная дочь,
Одно дитя, единственная радость —
И ту взяла безжалостная смерть!

КОРМИЛИЦА.

Вотъ горе-то! О, злополучный день,
Плачевный день, несчастнѣйшій изъ всѣхъ,
Какіе мнѣ случилось въ жизни видѣть!
Проклятый день!

ПАРИСЪ.

Обмануть, разведень,
Поруганъ я, оплеванъ я, убитъ!
Смерть гнусная, тобою я обмануть,
Низвергнуть въ прахъ. Любовь моя! о, жизнь!
Не жизнь, любовь моя убита смертью!

КАПУЛЕТТИ.

Поруганъ я, истерзанъ, проклять, ввергнуть
Въ отчаянье, убитъ! О, время скорби,
Зачѣмъ пришло ты праздникъ нашъ разрушить?
Дитя мое! — нѣтъ, не дитя, душа!..
Ты умерла! — увы, она скончалась!
Съ ней умерли всѣ радости мои.

ЛОРЕНЦО.

Довольно вамъ; стыдитесь! Исцѣленья
Для бѣдствія въ отчаяніи нѣтъ.
И небеса, и вы владѣли ею, —
Теперь ее всю взяли небеса.
Тѣмъ лучше для нея. Ту часть Джульетты,
Которая принадлежала вамъ,
Вы не могли предохранить отъ смерти,
Но небеса другую сохранили
И вѣчную ей даровали жизнь.
Первѣйшимъ изъ желаній вашихъ было —
Чтобъ счастье Джульетты возрасло;
Вашъ рай былъ въ томъ, чтобы его возвысить;
И вотъ, когда превыше облаковъ
До глубины небесной воспарила
Ея душа, вы плачете о ней!
Не хорошо вы любите Джульетту,
Сходя съ ума, когда ей хорошо.
Счастливы не та, что долго въ бракѣ
Живетъ, а та, что умираетъ рано.
Утрите же вы слезы; это тѣло
Прекрасное осыпьте розмариномъ

И, въ лучшую одежду нарядивъ,
Покойницу, какъ требуетъ обычай,
Ее несите въ церковь: хотъ рыдать
Намъ всѣмъ велить безумная природа,
Но разумъ слезъ такихъ не признаеть.

КАПУЛЕТТИ.

Все то, что мы велѣли приготовить
Для празднества, послужить погребенью.
Пусть музыку замѣнитъ грустный звонъ
Колоколовъ; пусть брачное веселье
Въ печальныя поминки превратится;
Торжественныя гимны перейдутъ
Въ унылыя напѣвы панихиды;
Вѣнчальныя цвѣты покроютъ трупъ, —
И все, что здѣсь, пусть приметъ видъ обратный.

(Капулетти, синьора Капулетти, Парисъ и Лоренцо уходятъ.)

1-й МУЗЫКАНТЪ.

Приходится намъ спрятать наши трубы
И уходить.

КОРМИЛИЦА.

Да спрячьте, спрячьте! Ахъ!
Вы видите, какой печальный случай. *(Уходитъ.)*

1-й МУЗЫКАНТЪ.

Да, подлинно, и дѣла не поправишь.

Входитъ ПЬЕТРО.

ПЬЕТРО. Музыканты, а музыканты! «Усладу сердца!», «Усладу сердца!»
Если вы хотите меня оживить, сыграйте мнѣ «Усладу сердца»!

1-й МУЗЫКАНТЪ. Почему «Усладу сердца»?

ПЬЕТРО. Ахъ, музыканты! потому, что мое сердце играетъ арію: «Мое сердце исполнено горя». О, сыграйте мнѣ какую-нибудь веселую жалобу, чтобы меня утѣшить.

2-й МУЗЫКАНТЪ. Никакой тебѣ жалобы не будетъ: теперь не до игры.

ПЬЕТРО. Такъ вы не хотите?

МУЗЫКАНТЫ. Нѣтъ.

ПЬЕТРО. Ну, такъ я вамъ здорово отплачу.

1-й МУЗЫКАНТЪ. А чѣмъ ты отплатишь?

ПЬЕТРО. Разумѣется, не деньгами, а я назову васъ сопѣлками и скоморохами.

1-й МУЗЫКАНТЪ. А я тебя назову холопскимъ отродьемъ.

ПЬЕТРО. Ну, такъ я стукну тебя холопскимъ кинжаломъ по башкѣ. Я не буду шутить, задамъ вамъ и ге, и fa. Замѣчаете?

1-й МУЗЫКАНТЪ. Если ты хочешь поставить на насъ ге и fa, то значитъ, ты хочешь положить насъ на ноты.

2-й МУЗЫКАНТЪ. Пожалуйста, вложи свой кинжалъ и выложи свое остроуміе.

ПЬЕТРО. Ну, такъ берегись! Я побью васъ желѣзнымъ остроуміемъ и спрячу свой желѣзный кинжалъ. Ну-те-ка, отвѣчайте мнѣ:

Если сердце страдаетъ отъ мукъ,
Если душу печаль подавляетъ,
То серебряный музыки звукъ...

Почему «серебряный звукъ»? Почему музыка имѣетъ серебряный звукъ? Что скажешь ты на это, Симонъ Струна?

1-й МУЗЫКАНТЪ. Да просто потому, что серебро обладаетъ пріятнымъ звукомъ.

ПЬЕТРО. Очень мило. — Ну, а что скажешь ты, Гуто Скрипица?

2-й МУЗЫКАНТЪ. Я скажу «серебряный звукъ» потому, что музыканты играютъ за серебро.

ПЬЕТРО. Тоже очень хорошо сказано. Ну, а ты что скажешь, Джакобо Дужка?

3-й МУЗЫКАНТЪ. Право не знаю, что сказать.

ПЬЕТРО. Ахъ, извини меня: вѣдь, ты пѣвецъ. Я отвѣчу вмѣсто тебя: «музыка имѣетъ серебряный звукъ», потому что музыканты никогда не получаютъ за нее золота:

То серебряной музыки звукъ
Скоро эту печаль прогоняетъ. (*Уходитъ.*)

1-й МУЗЫКАНТЪ. Что это за ядовитая каналья!

2-й МУЗЫКАНТЪ. Чортъ съ нимъ, съ этимъ шутомъ! Пойдемъ-ка въ домъ. Подождемъ возвращенія провожающихъ гробъ и останемся обѣдать.
(*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица въ Мантуѣ.

Входитъ РОМЕО.

РОМЕО.

Когда могу я вѣрить лести сна,
То грезы мнѣ предсказываютъ радость.
Веселіемъ полна моя душа,
Какой-то духъ, на крыльяхъ свѣтлыхъ думъ,
Весь этотъ день меня высоко носить.

Приснилась мнѣ Джульетта; здѣсь она
Нашла меня умершимъ... (странный сонъ,
Гдѣ мертвецу приписано сознанье!)
Она въ меня лобзаніемъ вдохнула
Такую жизнь, что я воскресъ и сталъ
Властителемъ вѣнчаннымъ. О, какъ сладко
Любовію самою обладать,
Когда лишь тѣнь любви, мечта о ней
Вливаетъ намъ такую радость въ душу!

88

(Входитъ БАЛЬТАЗАРЬ.)

Вотъ вѣсти изъ Вероны. — Балтазарь,
Что новаго? Привезъ ли отъ монаха
Ты мнѣ письмо? Ну, что моя жена?
Здоровъ ли мой отецъ? Ну, какъ Джульетта?
Вторично я спросилъ тебя о ней,
Такъ какъ ничто не можетъ быть дурнымъ,
Когда она счастлива.

БАЛЬТАЗАРЬ.

Такъ дурного
Нѣтъ ничего; она счастлива: тѣло
Ея лежитъ въ гробницѣ Капулетти,
А часть ея безсмертная живетъ
Средь ангеловъ на небесахъ. Я видѣлъ —
Какъ прахъ ея снесли въ семейный склепъ
И поспѣшилъ васъ извѣстить объ этомъ.
Простите мнѣ мою дурную вѣсть:
Я поступилъ по вашему приказу.

РОМЕО.

Возможно ли! — Проклятіе вамъ, звѣзды! —
Ты знаешь — гдѣ живу я: принеси
Бумаги и чернилъ мнѣ, и найми
Почтовыхъ лошадей, — я ночью ѣду.

БАЛЬТАЗАРЬ.

Синьоръ, молю васъ, будьте терпѣливы;
Вы блѣдны, взглядъ вашъ дикъ — и я боюсь
Несчастія.

РОМЕО.

Не бойся, ты ошибся.
Оставь меня и дѣлай, что тебѣ
Я приказалъ. — А отъ Лоренцо писемъ
Нѣтъ у тебя?

БАЛТАЗАРЬ.

Нѣтъ, добрый мой синьоръ.

РОМЕО.

Ну, все равно. Найми же лошадей.
Ступай; и я приду сейчасъ. (*Балтазаръ уходитъ.*)
Джульетта,
Я въ эту ночь съ тобою лягу въ склепѣ;
Подумаю — какъ это совершить.
Злой замысль, какъ быстро ты приходишь
На умъ людей въ отчаяннѣ! Я вспомнилъ
Аптекаря, — онъ гдѣ-то здѣсь живетъ,
Недавно я его еще тутъ видѣлъ.
Оборванный, съ нахмуреннымъ челомъ,
Онъ разбиралъ лекарственныя травы.
Голодный видъ имѣлъ онъ; нищета
Жестокая бѣднягу изсушила.
Въ его лавчонкѣ жалкой, по стѣнамъ
Висѣли аллигаторъ, черепаха
Да кожи рыбъ какихъ-то безобразныхъ;
На полкахъ же — пустыхъ коробокъ рядъ,
Зеленые горшки и пузыри,
И сѣмена негодныя, остатки
Отъ нитяныхъ клубковъ, шнурки, лепешки
Засохшія — убогій, жалкій хламъ,
Разложенный единственно для вида.
Замѣтивъ эту скудость, я подумалъ,
Что если бы кому былъ нуженъ ядъ,
Котораго продажа смертной казнью
Карается здѣсь въ Мантуѣ, то вотъ
Бѣднякъ тотъ жалкій, что его бы продалъ.
И эта мысль пришла мнѣ прежде, чѣмъ
Нуждаться сталъ я въ ядѣ... Этотъ
Измученный нуждою человекъ
Продастъ его... Мнѣ помнится, аптекарь
Живетъ вотъ здѣсь. Но лавка заперта, —
Сегодня праздникъ. — Эй, аптекарь! Эй!

(*Входитъ аптекарь.*)

АПТЕКАРЬ.

Кто тамъ зоветъ такъ громко?

РОМЕО.

Выдь сюда.
Ты бѣдень... вотъ тутъ сорокъ золотыхъ:
Возьми ихъ и продай мнѣ драхму яду, —
Такого, чтобъ всѣ жилы отравлялъ;
Чтобъ человѣкъ, уставшій жить на свѣтѣ,
Принявъ его, тотчасъ же мертвымъ палъ;
Чтобъ духъ его изъ тѣла отлетѣлъ
Мгновенно, какъ изъ дула пушки порохъ.

АПТЕКАРЬ.

Есть у меня такіе яды; но
Ихъ продавать законъ нашъ запрещаетъ
Подъ страхомъ смерти.

РОМЕО.

Неужели ты,
Такой бѣднякъ, измученный несчастьемъ,
Боишься умереть? Вотъ — щеки у тебя
Ввалилися отъ голода; унынье,
Подавленность видны въ твоихъ глазахъ,
И жалкими лохмотьями покрыта
Твоя спина; міръ и его законъ —
Тебѣ враги; міръ не создалъ закона,
Который бы тебя обогатилъ.
Нарушь законъ — и перестань быть бѣднымъ,
Взявъ эти деньги.

АПТЕКАРЬ.

Нищета моя,
А не мое желанье принимаетъ.

РОМЕО.

И я даю ихъ нищетѣ твоей.

АПТЕКАРЬ.

Вотъ этотъ ядъ вы въ жидкость опустите
И выпейте. Хотя бы вашихъ силъ
Для двадцати людей довольно было,
Но этотъ ядъ васъ тотчасъ бы убилъ.

РОМЕО.

Вотъ золото. Оно для душъ людей
Сильнѣйшій ядъ, и, въ этомъ гнусномъ мірѣ,
Убийствъ гораздо больше совершаетъ,

Чѣмъ эти всѣ убогія отравы,
 Которыхъ ты не смѣешь продавать.
 Я продалъ ядъ тебѣ; ты никакого
 Не продалъ мнѣ. — Прощай; на эти деньги
 Купи себѣ ты пици и толстѣй. —
 Идемъ со мной, крѣпительный составъ,
 А не отравы, въ склепъ къ моей Джульеттѣ:
 Лишь тамъ тобою воспользуюся я.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Келья монаха Лоренцо.

Входитъ монахъ ДЖІОВАННИ.

ДЖІОВАННИ.

Святой монахъ Франциска, братъ мой, эй!

Входитъ ЛОРЕНЦО.

ЛОРЕНЦО.

По голосу — Джіованни это. — Здравствуй.
 Что говоритъ Ромео? Или онъ
 Прислалъ письмо? Такъ дай его сюда.

ДЖІОВАННИ.

Отправился я спутника искать
 Изъ нашего же ордена, монаха
 Босого, но его я не засталъ:
 Онъ навѣщалъ какого-то больного.
 Когда же я нашелъ его, то насъ
 Блюстители обоихъ задержали,
 Вообразивъ, что въ зачумленный домъ
 Входили мы. Печати приложили
 Они къ дверямъ, не выпуская насъ,
 Такъ что не могъ я въ Мантую уѣхать.

ЛОРЕНЦО.

Но кто жъ отвезъ письмо мое къ Ромео?

ДЖІОВАННИ.

Письма послать не могъ я; вотъ оно.
 И не нашелъ я никого, чтобы

Письмо вернуть тебѣ: такъ всѣ боятся
Заразы.

ЛОРЕНЦО.

Злополучная судьба!
Клянусь, письмо то очень, очень важно,
И велика опасность отъ того,
Что не дошло оно по назначенью.
Найди мнѣ ломъ желѣзный, братъ Джіованни,
И тотчасъ же мнѣ въ келью принеси.

ДЖІОВАННИ.

Иду сейчасъ. (*Уходитъ.*)

ЛОРЕНЦО.

Въ склепъ долженъ я одинъ
Отправиться; тамъ черезъ три часа
Пробудится прекрасная Джульетта.
Какъ будетъ клясть она меня за то,
Что не успѣлъ я извѣстить Ромео!
Но въ Мانتую я снова напишу,
Ее жъ держать въ своей я буду кельѣ,
До той поры, какъ явится и онъ.
О, бѣдное живое существо,
Сокрытое въ гробницѣ съ мертвецами!

(*Уходитъ.*)

СЦЕНА III.

Кладбище со склепомъ фамиліи Капулетти.

Входитъ ПАРИСЪ съ ПАЖОМЪ, который несетъ цвѣты и факель.

ПАРИСЪ.

Дай факель мнѣ и отойди подальше;
Иль нѣтъ, задуй его: я бѣ не желалъ,
Чтобы меня кто-либо здѣсь увидѣлъ.
Прилягъ вонъ тамъ, подъ тисами и, ухомъ
Припавъ къ землѣ, прислушивайся къ шуму.
На кладбищѣ, могилами изрытомъ,
Ты каждый шагъ услышишь. Свистни мнѣ;
То будетъ знакъ, что кто-то къ намъ подходитъ.
Дай мнѣ цвѣты, и сдѣлай, что тебѣ
Я приказалъ.

ПАЖЪ (*про себя*).

Мнѣ, правда, страшновато

На кладбищѣ остаться одному;
Но, такъ и быть, рискну.

(Уходитъ.)

ПАРИСЪ.

Цвѣтокъ мой нѣжный!
Твой брачный одръ, гдѣ, вмѣсто балдахина —
Увы! — лишь прахъ и мрачныхъ камней сводъ,
Осыплю я вотъ этими цвѣтами,
И по ночамъ ихъ буду поливать
Душистою водою и слезами,
И долгъ тебѣ послѣдній отдавать
Ночь каждую, сюда, къ гробницѣ милой,
Нося цвѣты и плача надъ могилой.

(Пажъ свищетъ.)

Пажъ подаетъ сигналъ мнѣ. Чья нога
Проклятая здѣсь этой ночью бродитъ,
Мѣшая мнѣ обрядъ мой совершать?
И съ факеломъ! — Ночь, скрой меня покуда.

(Уходитъ.)

Входятъ РОМЕО и БАЛЬТАЗАРЬ, съ ломомъ и другими орудіями.

РОМЕО.

Дай мнѣ кирку и ломъ. Вотъ это
Письмо возьми и моему отцу
Вручи его пораньше завтра утромъ.

90

Дай факель мнѣ, и - что бѣ ты ни услышалъ
Иль увидалъ не подходи ко мнѣ.
Стой вдаль, иль жизнью мнѣ отвѣтишь,
Коль вздумаешь мнѣ въ чемъ-нибудь мѣшать.
Я въ этотъ склепъ спускаюсь съ тѣмъ отчасти,
Чтобъ на лицо жены моей взглянуть,
Но, главное, затѣмъ, чтобъ дорогое
Кольцо тамъ снять съ ея руки, на память.
Итакъ, уйди. Но если ты вернешься
Подсматривать — что буду дѣлать я, —
Клянусь, тебя въ куски я растерзаю,
И члены я твои здѣсь разбросаю,
По кладбищу голодному. Теперь
Взволнованъ я, неукротимъ и дикъ,

Свирѣпѣй и лютѣй, чѣмъ тигръ голодный
Иль океанъ ревущій.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Я уйду,
И васъ, синьоръ, не буду беспокоить.

РОМЕО.

И дружбу мнѣ докажешь этимъ. Вотъ
Возьми себѣ. *(Даетъ ему деньги.)* Затѣмъ, прощай, мой милый,
Будь счастливъ и живи.

БАЛЬТАЗАРЪ *(про себя)*.

А все же я
Поблизости тутъ гдѣ-нибудь укроюсь:
Страшитъ меня его ужасный взглядъ,
Въ намѣреняхъ его я сомнѣваюсь.

(Уходитъ.)

РОМЕО.

Ты гнусный зѣвъ, утроба жадной смерти,
Пожравшая безцѣнный прахъ, твои
Я челюсти гнилыя отворяю...

(Разламываетъ дверь склепа.)

И новый кормъ вбиваю я въ тебя.

ПАРИСЪ.

А! изгнанный заносчивый Монтекки,
Тотъ, кто убилъ двоюроднаго брата
Возлюбленной моей, — и это горе,
Какъ думаютъ, и въ гробъ ее свело. —
И онъ пришелъ — покойниковъ позорить!
Схвачу его. Остановись, Монтекки!
Брось подлое орудіе свое.
Возможно ль мстить умершимъ и по смерти?
Тебя я арестую. Повинуйся,
Иди со мной, преступный негодяй:
Ты долженъ умереть!

РОМЕО.

Да, правда, долженъ;
Для этого я и пришелъ сюда.
Но, юноша мой добрый, человекъ
Безумнаго въ отчаянни своемъ
Не искушай; бѣги, бѣги отсюда!

Оставь меня, подумай объ умерших;
Пусть мысль о нихъ тебя отгонить прочь.
О, юноша, тебя я умоляю:
Не прибавляй мнѣ на душу грѣха,
Безумный гнѣвъ напрасно вызывая.
Уйди, уйди, клянусь я небесами, —
Люблю тебя я больше, чѣмъ себя:
Вѣдь, я пришелъ сюда вооруженный
Противъ себя же самого. Живи,
Чтобъ говорить впослѣдствіи, что милость
Безумнаго заставила тебя
Бѣжать отсель.

ПАРИСЬ.

Заклятiя твои
Не страшны мнѣ. Тебя я арестую.

РОМЕО.

А, если такъ, то берегись же мальчикъ!

(Сражаются.)

ПАЖЪ.

Дерутся! — Я за стражей побѣгу.

ПАРИСЬ.

О, я убить! — (Падаетъ.) - Когда ты милосердъ
Ты положи меня съ Джульеттой вмѣстѣ.

(Умираетъ.)

РОМЕО.

Я положу, честное слово. — Дай,
Взгляну ему въ лицо... А! графъ Парись,
Меркуціо родня. — Что говорилъ о мнѣ
Мой человѣкъ, когда я ѣхалъ съ нимъ
Изъ Мантуи? Я слишкомъ былъ разстроень,
И слушать я внимательно не могъ.
Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что Парись
Съ Джульеттою былъ долженъ повѣнчаться...
Онъ говорилъ мнѣ это, или нѣтъ?
Иль это мнѣ приснилось? Или я
Сошелъ съ ума, при имени Джульетты,
И это мнѣ почудилось? Дай руку
Ты, кто со мной записанъ въ мрачной книгѣ
Несчастiя! Я схороню тебя
Въ торжественной могилѣ... Какъ? въ могилѣ?
О, нѣтъ: вѣдь, здѣсь покоится Джульетта —

И красота ея угрюмый склепъ
Въ сіяющій чертогъ преобразила.
Спи жъ здѣсь мертвецъ, похороненный мертвымъ!

(Кладетъ тѣло Париса въ склепъ.)

Не часто ли предъ самой смертью люди
Веселыми становятся? Сидѣлки
То молніей предсмертною зовутъ.
Могу ль назвать я молніею это?
О, милая жена, любовь моя!
Смерть выпила дыханіе твое,
Но красотой твоей не овладѣла
До сей поры, — и знамя красоты
Еще вотъ здѣсь въ румянцѣ щекъ и губокъ;
Не подошелъ къ нимъ смерти мрачный флагъ.
Не ты ли тамъ покоишься, Тибальдо,
Завернутый въ кровавый саванъ свой?
Что для тебя могу я больше сдѣлать,
Какъ то, чтобы та самая рука,

91

Что жизнь твою пресѣкла молодую,
Пресѣкла жизнь убійцы твоего?
Прости меня, кузень! О, дорогая
Джульетта, отчего ты такъ прекрасна
До сей поры? Не долженъ ли я думать,
Что смерть, безплотный призракъ, влюблена;
Что гнусное чудовище тебя
Здѣсь въ этой тѣмѣ могильной заключило,
Чтобъ ты была любовницей его?
Но я съ тобой останусь здѣсь, — не выйду
Изъ этого чертога мрачной ночи
Я никогда; здѣсь, здѣсь останусь я
Съ могильными червями! здѣсь найду
Я вѣчное себѣ успокоенье,
И сброшу гнетъ моихъ зловѣщихъ звѣздъ
Съ измученной и истомленной плоти.
Смотрите же въ послѣдній разъ глаза;
Раскройте рукъ послѣднія объятія;
Вы, губы, дверь дыханья моего,
Запечатлѣйте честнымъ поцѣлуемъ
Со смертью мой безсрочный договоръ.

(Вынимаетъ склянку.)

Сюда, сюда, мой горькій проводникъ,
Противный мой руководитель, кормчій
Отчаянный; объ острую скалу
Разбей ладью, поломанную бурей!
Вотъ это въ честь моей любви я пью.

(Выпиваетъ ядъ.)

Да, скорь твой ядъ, о честный мой аптекаръ.

(Умираетъ.)

Съ другого конца кладбища показывается монахъ Лоренцо, съ фонаремъ, ломомъ и проч.

Лоренцо.

Святой Францискъ, споспѣшествуй мнѣ нынѣ!
Ужъ много разъ я старыми ногами,
Споткнулся о могилы въ эту ночь. —
Кто тамъ?

Бальтазаръ.

Вашъ другъ, что хорошо васъ знаетъ.

Лоренцо.

Благослови тебя Господь! Скажи мнѣ,
Мой добрый другъ, что это тамъ за факель
Который свѣтъ напрасно проливаетъ
На червяковъ и черепа безъ глазъ?
Мнѣ кажется, что въ склепѣ Капулетти
Онъ свѣтится?

Бальтазаръ.

Да, тамъ, святой отецъ,
И господинъ мой тамъ же, человекъ,
Котораго вы любите.

Лоренцо.

Кто это?

Бальтазаръ.

Ромео.

Лоренцо.

А давно онъ тамъ?

Бальтазаръ.

Не меньше
Чѣмъ полчаса.

Лоренцо.

Иди со мною въ склепъ.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Не смѣю я: мой господинъ увѣренъ,
Что я ушелъ; подъ страхомъ смерти, онъ
Мнѣ запретилъ у склепа оставаться,
Слѣдить за нимъ.

ЛОРЕНЦО.

Такъ оставайся здѣсь.
А я пойду одинъ; мнѣ стало страшно:
Не вышло бы какой нибудь бѣды!

БАЛЬТАЗАРЪ.

Когда я спалъ подъ этимъ тисомъ здѣсь,
Приснилось мнѣ, что господинъ мой съ кѣмъ-то
Сражался и противника убилъ.

ЛОРЕНЦО (*подходя къ склепу*).

Ромео! ахъ, что это тутъ за кровь,
Которою покрыты камни входа?
Зачѣмъ лежатъ здѣсь два меча въ крови,
Здѣсь, у дверей обители покоя?

(*Входитъ въ склепъ.*)

Ромео! — Какъ онъ блѣденъ! — Кто жъ другой?
А, и Парись! и весь облитый кровью!
О, Господи, что за недобрый часъ
Причиной былъ такого злополучья?
Джульетта шевелится. (*Джульетта просыпается.*)

ДЖУЛЬЕТТА.

А, монахъ,
Мой утѣшитель! гдѣ мой мужъ? Я помню,
Гдѣ очутиться я должна была:
Я тамъ теперъ. — Но гдѣ же мой Ромео?

(*Шумъ за сценой.*)

ЛОРЕНЦО.

Я слышу шумъ. — Синьора, уходите
Изъ этого гнѣзда заразы, смерти,
Оцѣпенѣнья. Власть, которой мы
Противиться не можемъ, наши планы
Разстроила. Иди же, дочь моя,
Твой мужъ лежитъ здѣсь мертвый такъ же какъ
И графъ Парись. Идемъ скорѣй, тебя

Я помѣщу къ монахинямъ въ обитель.
Не спрашивай: подходитъ стража къ намъ.
Идемъ, идемъ же, добрая Джульетта — (*Шумъ снова.*)
Нельзя мнѣ дольше оставаться здѣсь.

ДЖУЛЬЕТТА.

Уйди, уйди; я — не пойду.

(*Лоренцо уходитъ.*)

Что это
У милаго въ рукѣ? А! склянка съ ядомъ!
Вотъ какъ съ собой покончилъ онъ. О, жадный:
Ты выпилъ все, ни капли не оставилъ,

92

Что помогла бѣ мнѣ за тобою вслѣдъ
Отправиться. — Прильну къ твоимъ губамъ:
Быть можетъ, есть на нихъ довольно яда,
Чтобы меня убить. — Онѣ теплы!

1-ЫЙ СТРАЖЪ (*за сценой*).

Веди насъ, мальчикъ. Гдѣ? Куда итти?

ДЖУЛЬЕТТА.

Шумъ! Ну, такъ я потороплюсь. О, счастье:
При немъ кинжалъ! (*Выхватываетъ кинжалъ Ромео изъ ноженъ.*)
Вотъ, гдѣ твои ножны,
Заржавѣй тамъ, а мнѣ — дай умереть.

Входитъ стража съ Пажомъ Париса.

ПАЖЪ.

Вонъ это мѣсто, — тамъ, гдѣ факель свѣтитъ.

1-ЫЙ СТРАЖЪ.

Земля въ крови... Ищите по кладбищу;
Хватайте всѣхъ, кого найдете тамъ.

(*Нѣсколько человекъ изъ стражи уходятъ.*)

Плачевный видъ! вотъ графъ Парисъ убитый,
Джульетта, вся въ крови, — она тепла:
Покойница, которая лежала
Здѣсь ужъ два дня, теперь лишь умерла.
Бѣгите за Монтекки, Капулетти,
Да герцога увѣдомьте; другіе

Пусть кладбище осмотрятъ.

(Еще нѣсколько челоуѣкъ изъ стражи уходятъ.)

Видимъ мы
Лишь мѣсто происшествія, — причину жъ
Всѣхъ этихъ бѣдъ понять намъ невозможно,
Пока мы не разслѣдуемъ всего,
Въ подробности.

Стража приводитъ БАЛЬТАЗАРА.

Слугу Ромео мы
На кладбищѣ нашли.

1-ЫЙ СТРАЖЪ.

Не выпускать,
Пока сюда не явится самъ герцогъ.

Входитъ ЛОРЕНЦО, подъ стражей.

Схватили мы монаха; онъ дрожить,
Вздыхаетъ, плачетъ; эту вотъ лопату
И этотъ ломъ нашли мы у него;
Шель съ кладбища онъ.

1-ЫЙ СТРАЖЪ.

Важная улика,
Не выпускать!

Входитъ ГЕРЦОГЪ со свитой.

ГЕРЦОГЪ.

Какой несчастный случай
Насъ разбудилъ такъ рано?

Входятъ КАПУЛЕТТИ, СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ и другіе.

КАПУЛЕТТИ.

Что за крики
Тамъ слышатся? Что за причина ихъ?

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

На улицѣ кричать: Парись! — Ромео! —
Джульетта! — Всѣ на кладбищѣ бѣгутъ,
Къ гробницѣ нашей, съ воплями и шумомъ.

ГЕРЦОГЪ.

Изъ-за чего тревога?

1-ЫЙ СТРАЖЪ.

Государь!
Вотъ здѣсь лежать: убитый графъ Парись,
Ромео мертвый и Джульетта тоже;
Она была уже мертва, теперь же
Убита вновь: - она еще тепла.

ГЕРЦОГЪ.

Разслѣдовать — какъ это избіенье
Ужасное случилось!

1-ЫЙ СТРАЖЪ.

Вотъ монахъ
И человѣкъ умершаго Ромео;
Орудія при нихъ мы захватили,
Пригодныя для вскрытія гробницъ.

КАПУЛЕТТИ.

О, Господи! — жена, взгляни сюда:
Какъ льется кровь изъ раны у Джульетты!
Кинжалъ ошибся: вотъ его футляръ
Виситъ пустой на поясѣ Монтекки,
А онъ въ груди у дочери моей!

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

О, страшный видъ! Какъ похоронный звонъ,
О смерти онъ меня предупреждаетъ.

Входитъ МОНТЕККИ.

ГЕРЦОГЪ.

Поди сюда, Монтекки; всталъ ты рано,
Чтобъ увидать, что сынъ твой раньше всталъ.

МОНТЕККИ.

О, государь, отъ горести по сынѣ
Жена моя скончалась въ эту ночь.
Какое же несчастіе еще,
На старости моей, мнѣ угрожаетъ?

ГЕРЦОГЪ.

Взгляни — и ты увидишь.

МОНТЕККИ.

О негодный!
Въ могилу лечь до своего отца!

ГЕРЦОГЪ.

Оставь свои ты жалобы на время,

Покамѣсть мы всего не разъясимъ,
 Покуда мы причины не узнаемъ,
 Источника, начала этихъ бѣдъ.
 Тогда вождемъ я вашей скорби буду
 Я первый въ ней участіе приму.

А до тѣхъ поръ пусть горе покорится
 Терпѣнію. — Пусть подойдутъ сюда
 Тѣ, на кого упало подозрѣнье.

ЛОРЕНЦО.

Изъ лицъ такихъ я главный. Меньше всѣхъ
 Способенъ я убійство совершить,
 Но больше всѣхъ меня подозрѣваютъ.
 Улики всѣ противъ меня; и вотъ
 Стою я здѣсь, готовый оправдаться.
 Иль обвинить себя же самого.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ Расскажи сейчасъ — что знаешь ты.

ЛОРЕНЦО.

Я передамъ все вкратцѣ, — для разказа
 Подробнаго не хватитъ силъ моихъ.
 Ромео, что лежитъ здѣсь мертвый, мужемъ былъ
 Джульетты, а она была женою.
 Я ихъ вѣнчалъ; день тайной свадьбы ихъ
 Былъ роковымъ для юнаго Тибальда,
 Котораго безвременная смерть
 Къ изгнанію Ромео присудила.
 И вотъ о немъ-то, а не о Тибальдѣ
 Такъ плакала Джульетта. Чтобъ унять
 Ея печаль, вы дочь свою рѣшили
 Насильно выдать замужъ за Париса.
 Тогда она, въ отчаяньи, пришла
 Ко мнѣ, прося придумать средство —
 Какъ устранить вторичный этотъ бракъ;
 Не то — она грозила тутъ же, въ кельѣ,
 Убить себя. И я, руководясь
 Познаньями моими, предложилъ ей
 Напитокъ усыпляющій, который
 Подѣйствовалъ, какъ я того желалъ:
 Онъ далъ ей видъ умершей. Между тѣмъ,

Я написалъ къ Ромео, чтобъ онъ прибылъ
Въ ночь эту злополучную сюда
И мнѣ помогъ освободить Джульетту
Изъ временной могилы: въ эту ночь
Какъ разъ она должна была проснуться.
Но человекъ, съ которымъ я послалъ
Мое письмо къ нему, монахъ Джіованни,
Случайно былъ задержанъ, и вчера
Мнѣ, подъ вечеръ, письмо обратно отдалъ.
Тогда одинъ отправился я въ склепъ,
Чтобъ выручить ее, когда проснется,
И скрыть ее на время у себя,
Пока за ней не явится Ромео,
Котораго я думалъ извѣстить.
Когда жъ сюда, предъ самымъ пробужденьемъ
Джульетты, я пришелъ, то увидалъ
Я мертвыми Париса и Ромео.
Она проснулась. Я молилъ ее —
Уйти со мной, перенести съ терпѣньемъ,
Съ покорностью рѣшеніе Небесъ,
Но, услыхавъ какой-то шумъ, былъ долженъ
Уйти; она жъ, въ отчаяньи своемъ,
Итти со мной отсюда не хотѣла,
И умерла отъ собственной руки,
Какъ видно. Вотъ все то, что мнѣ извѣстно
А что до брака этого — о немъ
Кормилица Джульетты тоже знаетъ.
Когда въ такомъ несчастьи чѣмъ либо
Я виноватъ, пусть жертвою закона
Строжайшаго погибнетъ жизнь моя
За нѣсколько часовъ до срока.

ГЕРЦОГЪ.

Мы
Тебя всегда святымъ считали. — Гдѣ
Слуга Ромео? Что сказать онъ можетъ?

БАЛЬТАЗАРЪ.

Я господину моему привезъ
Извѣстье, что жена его скончалась.
Онъ поспѣшилъ изъ Мантуи сюда,
На кладбищѣ, къ гробницѣ Капулетти.
Здѣсь это вотъ письмо онъ мнѣ велѣлъ
Отдать его отцу пораньше утромъ;
И въ склепъ идя, онъ смертью мнѣ грозилъ,
Въ томъ случаѣ, когда я не уйду

И одного его тамъ не оставлю.

ГЕРЦОГЪ.

Дай мнѣ письмо, я на него взгляну.
Гдѣ графа пажъ, сюда призвавшій стражу?
Что дѣлалъ здѣсь твой господинъ?

ПАЖЪ.

Пришелъ онъ
Цвѣты на гробъ невѣсты положить,
А мнѣ велѣлъ онъ отойти подальше
Отъ склепа; я исполнилъ приказанье.
Вдругъ, съ факеломъ какой-то человекъ
Пришелъ сюда, сталъ отпирать гробницу;
И на него тотчасъ мой господинъ
Напалъ; тогда я бросился за стражей.

ГЕРЦОГЪ.

Письмо слова монаха подтверждаетъ.
Ромео въ немъ исторію любви
И смерть жены описываетъ; тутъ же
Онъ говоритъ, что яду онъ купилъ
У бѣднаго аптекаря, чтобъ въ склепѣ
Здѣсь умереть и лечь съ Джульеттой вмѣстѣ.
Но гдѣ они, заклые враги?
Монтекки, Капулетти, посмотрите,
Какъ Небо васъ караетъ за вражду:
Въ самой любви оно находитъ средство —
Всѣ радости безумцевъ умертвить.
А я за то, что на раздоры ваши
Смотрѣлъ сквозь пальцы, потерялъ двухъ близкихъ.
Наказаны мы всѣ.

КАПУЛЕТТИ.

О, братъ Монтекки!
Дай руку мнѣ, — то вдовья часть Джульетты,
А большаго я не могу просить.

94

МОНТЕККИ.

Но я могу дать больше: я воздвигну
Ей статую изъ золота. Покуда
Вероною нашъ городъ будутъ звать,

Не будетъ въ немъ другого изваянья,
Которое, по цѣнности своей,
Сравнилось бы со статуей Джульетты.

КАПУЛЕТТИ.

Не менѣе богатый и Ромео
Покоится съ супругой будетъ... О,
Несчастныя двѣ жертвы нашей злобы!

ГЕРЦОГЪ.

Пришелъ разсвѣтъ, и миръ печальный съ нимъ.
Отъ горести и солнце не явилось;
Пойдемъ отсель, еще поговоримъ
О бѣдствіи, что въ эту ночь случилось.
Джульетта и Ромео юный съ ней..
Что можетъ быть ихъ участи грустнѣй?

(Уходитъ.)

Д. Михаловскій.

95

Примѣчанія къ «Ромео и Джульетта».

Дѣйствующія лица.

Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ значится *potpanъ*. Слово это состоитъ изъ двухъ англійскихъ: *pot* – горшокъ, котель и *pan* – костюля, сковорода и проч. Это названіе, употребленное въ подлинникѣ вмѣсто фамильнаго прозвища, какъ англійское, а не итальянское, слѣдовало бы, по настоящему, перевести; но неудобство помѣщенія въ числѣ дѣйствующихъ лицъ такой сложной фамиліи заставило переводчика оставить названіе, принятое въ англійскомъ подлинникѣ.

Дѣйствіе I, сцена I.

САМСОНЪ. *Грегорию, я ручаюсь, что мы не позволимъ плевать намъ въ лицо.*

Въ подлинникѣ сказано: *we'll not carry coals*, т.-е. мы не станемъ таскать угольевъ. Это выраженіе, означающее собственно всякую грязную, черную работу, въ переносномъ смыслѣ значитъ позволять дѣлать съ собою все или переносить спокойно всякое оскорбленіе. Затѣмъ у Шекспира слѣдуетъ игра словъ: *coals* уголья, *collier* угольщикъ и *collar* ошейникъ, переданная, по возможности, въ переводѣ игрою другими словами.

Тамъ же.

САМСОНЪ. *Я закушу на нихъ палець.*

Закусить палець при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь значитъ выразить презрѣніе, - это знакъ оскорбленія и вызова. Такой способъ выражать презрѣніе, имѣющій восточное происхождение, существуетъ въ Италіи и донынѣ, а въ Шекспировское время употреблялся и въ Англии, для которой Италія тогда служила образцомъ для подражанія относительно моды и свѣтскихъ обычаевъ. На эту подражательность указываетъ въ д. II, сц. IV Ромео и Джульетты и въ Ричардѣ II.

Дѣйствіе I, сцена II.

КАПУЛЕТТИ.

Я всѣ мои надежды схоронилъ.

Она – одна моя надежда въ міръ.

Въ подлинникѣ Капулетти, играя словомъ earth, земля, говоритъ: The earth hath swallow'd all my hopes but she; she is the hopeful lady of my earth, т.-е. земля поглотила всѣ мои надежды, кромѣ ея (Джульетты). Она – исполненная (или подающая) надежды госпожа моей земли. Последнюю часть этой темной фразы одни комментаторы объясняютъ въ томъ смыслѣ, что Капулетти указываетъ тутъ на Джульетту, какъ на свою единственную наследницу; другіе же, повидимому съ большимъ основаніемъ полагаютъ, что тутъ, т.-е. въ послѣдней части фразы, слово «земля» употреблено въ смыслѣ плоти, тѣла, ссылаясь на 146 сонетъ Шекспира, гдѣ сказано: poor soul, the centre of my sinful earth (бѣдная душа, центръ моей грѣшной земли, т.-е. тѣла). Если принять это толкованіе, то легко видѣть, что Шекспиръ здѣсь подъ словомъ earth, или плоть, разумѣетъ собственно жизнь, тлѣнное земное существованіе.

Дѣйствіе I, сцена IV.

РОМЕО.

*Сказать ли намъ при входѣ что-нибудь,
Иль просто такъ войти, безъ извиненій?*

БЕНВОЛІ.

*Они теперь не въ модѣ: Купидонъ
Съ повязкой на глазахъ, съ татарскимъ лукомъ
Раскрашеннымъ, предъ нами не идетъ.*

.....
Не нужно никакихъ прологовъ намъ.

Не задолго до Шекспира существовалъ обычай, что замаскированные входили на

балы, предшествуемые Купидономъ, который говорилъ хозяевамъ привѣтственную рѣчь.

Тамъ же.

РОМЕО.

*Пусть шалуны съ веселымъ легкимъ сердцемъ
Ногой тростникъ безумный шевелятъ.*

Во времена Шекспира, при торжественныхъ случаяхъ, залы, въ особенности танцевальныя, были усыпаны тростникомъ.

Тамъ же.

МЕРКУЦИО.

*О, вижу я, что у тебя была
Царица Мэбъ – волшебницъ повитуха.*

Разсказъ о царицѣ Мэбъ взятъ Шекспиромъ изъ англійской легенды. Царица Мэбъ, это – фея грезъ, завѣтныхъ желаній.

Дѣйствіе II, сцена I.

РОМЕО.

*Могу ль уйти, когда я сердцемъ здѣсь?
Вернись назадъ, тяжелый прахъ, найди
Свой центръ.*

Подъ словомъ тяжелый прахъ или тяжелая грубая земля (какъ въ подлинникѣ), здѣсь Шекспиръ разумѣетъ свое тѣло (см. примѣч. къ сценѣ II). Подъ центромъ же разумѣется здѣсь душа. Это темное мѣсто, повидимому, должно объяснить такъ, что Ромео хочетъ послѣдовать влеченію своей души, своего сердца.

Тамъ же:

Меркуціо.

*Купидону,
Проказнику-мальчишкѣ, что такъ ловко
Стрѣлу пустилъ, что царь Кофетуа
Вдругъ въ нищую влюбился.*

Легенда о царѣ Кофетуа, котораго не могла плѣнить ни одна красавица его двора и который влюбился въ нищую, была популярна въ Шекспировское время. Этою легендою Шекспиръ пользуется и въ другихъ своихъ пьесахъ, какъ напр., въ «Безплодныхъ усиліяхъ любви» (д. IV, сц. I) и во II ч. Генриха IV (д. V, сц. III).

Дѣйствіе II, сцена II.

ДЖУЛЬЕТТА.

*Зачѣмъ не обладаю
Я голосомъ соольничаго, чтобы
Мнѣ сокола обратно приманить?*

Соколовъ, употреблявшихся для охоты, воспитывали такъ, чтобъ они привыкали слушаться голоса только одного сокольничаго. Джульетта, находясь какъ бы въ неволѣ и не смѣя громко позвать Ромео, жалѣеть, что не обладаетъ голосомъ сокольничаго.

Дѣйствіе II, сцена IV.

Бенволио. *А что такое Тибальдъ?*
Меркуцио. *Это – больше, чѣмъ царь котовъ.*

Здѣсь Меркуцио намекаетъ на имя Тибальда или собственно Тиберта; подъ этимъ именемъ фигурируетъ въ старинныхъ англійскихъ балладахъ и сказкахъ котъ, представлявшійся самымъ задорнымъ буяномъ. Названіе «царь котовъ» встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ у Шекспира.

Тамъ же.

Passado, punto reverso, ha! – употребительные въ то время итальянскіе термины фехтованья.

Тамъ же.

МЕРКУЦИО. *Ѳисби обладала красивыми сѣрыми глазами; но гдѣ же ей сравниться съ его милой.*

Повѣсть о Пирамѣ и Ѳисби цѣликомъ приведена въ комедіи, которую играютъ аѳинскіе мастеровые въ пьесѣ «Сонъ въ лѣтнюю ночь».

Дѣйствіе IV, сцена III.

ДЖУЛЬЕТТА.

*И слушая стенанія кругомъ,
Похожія на стоны мандрагоры,
Когда ее изъ почвы вырываютъ..*

Повѣрьемъ – будто бы корни мандрагоры, когда ихъ вырываютъ изъ земли, издають отчаянный, доводящій до безумія, крикъ, точно живое существо, Шекспиръ пользуется и въ другихъ мѣстахъ, напр., во 2-й части «Генриха VI» (д. III, сц. II), а равно имъ пользовались и другіе современники Шекспира.

Несвязность монолога Джульетты, проснувшейся въ склепѣ, характеризуетъ у Шекспира возбужденное состояніе ея, вызванное окружающими ее ужасами.

Дѣйствіе IV, сцена IV.

СИНЬОРА КАПУЛЕТТИ.

*Ну, да, вѣдь, ты повѣса былъ извѣстный,
Любилъ ловить мышей ты по ночамъ.*

Въ подлинникѣ сказано: *Au, you have been a mouse-hunt in your time.* Слово *mousehunt* (мышеловъ) значило на провинціальномъ нарѣчїи собственно хорекъ или куница; такимъ образомъ, синьора Капулетти говорить: «Да въ свое время ты былъ хорекъ», намекая на любовныя приключенія своего мужа.

Но я теперь не дамъ тебѣ проказить.

Въ подлинникѣ: *But I will watch you from such watching now,* т.-е. но теперь я буду бодрствовать, чтобы не допустить тебя до такого бодрствованія.

Дѣйствіе VI, сцена V.

ПЬЕТРО. *Музыканты, а музыканты! «Усладу сердца»!*

Подъ «усладою сердца» разумѣется извѣстная веселая мелодія пѣсни того времени, такъ же какъ слова – «мое сердце исполнено горя» суть припѣвъ одной печальной баллады.

О, сыграйте мнѣ какую-нибудь веселую жалобу!

Слово *distr*, употребленное въ подлинникѣ, значитъ жалобная мелодія; Пьетро же, думая, что оно означаетъ мелодію вообще, неумѣстно прибавляетъ къ нему эпитетъ – «веселую».

Дѣйствіе V, сцена I.

РОМЕО.

...Проклятіе вамъ звѣзды!

Ромео отрекается отъ звѣздъ, въ счастливыя предсказанія которыхъ онъ прежде вѣровалъ.

Дѣйствіе V, сцена III.

И сброшу гнетъ моихъ зловѣщихъ звѣздъ,

т.-е. гнетъ тяготящей надъ нимъ судьбы.

Тамъ же.

ДЖУЛЬЕТТА

*...Вотъ гдѣ твои ножны;
Заржавѣй тамъ, а мнѣ дай умереть.*

Джульетта, вонзая себѣ въ грудь кинжалъ, говорить, что ножны его – ея грудь. Въ томъ же смыслѣ и Капулетти далѣе говорить:

*Кинжалъ ошибся, вотъ его футляръ
Виситъ на поясъ Монтекки,
А онъ въ груди у дочери моей.*

Тамъ же.

КАПУЛЕТТИ.

Не меньше богатый и Ромео.

Покоиться сь супругой будетъ...

Этимъ Капулетти хочеть сказать, что онъ поставитъ Ромео такую же богатую статую, какую обѣщаетъ Монтекки поставить Джульеттѣ.